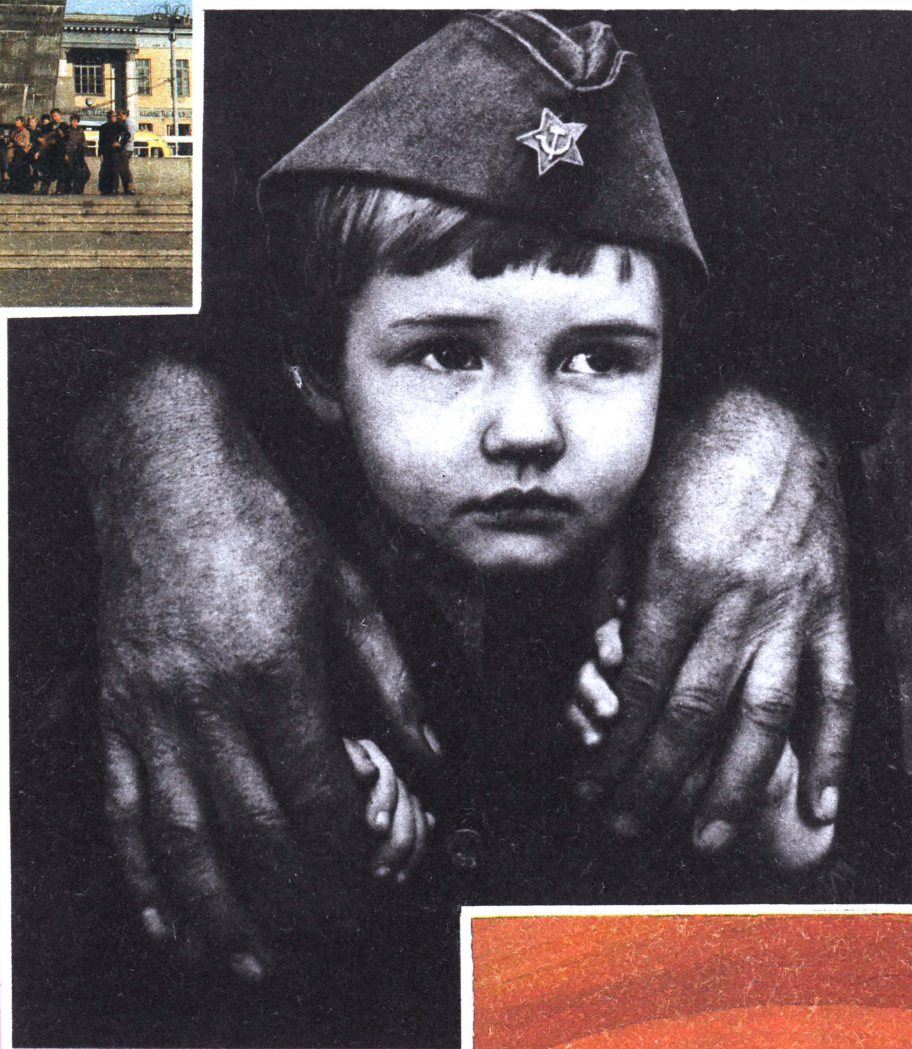

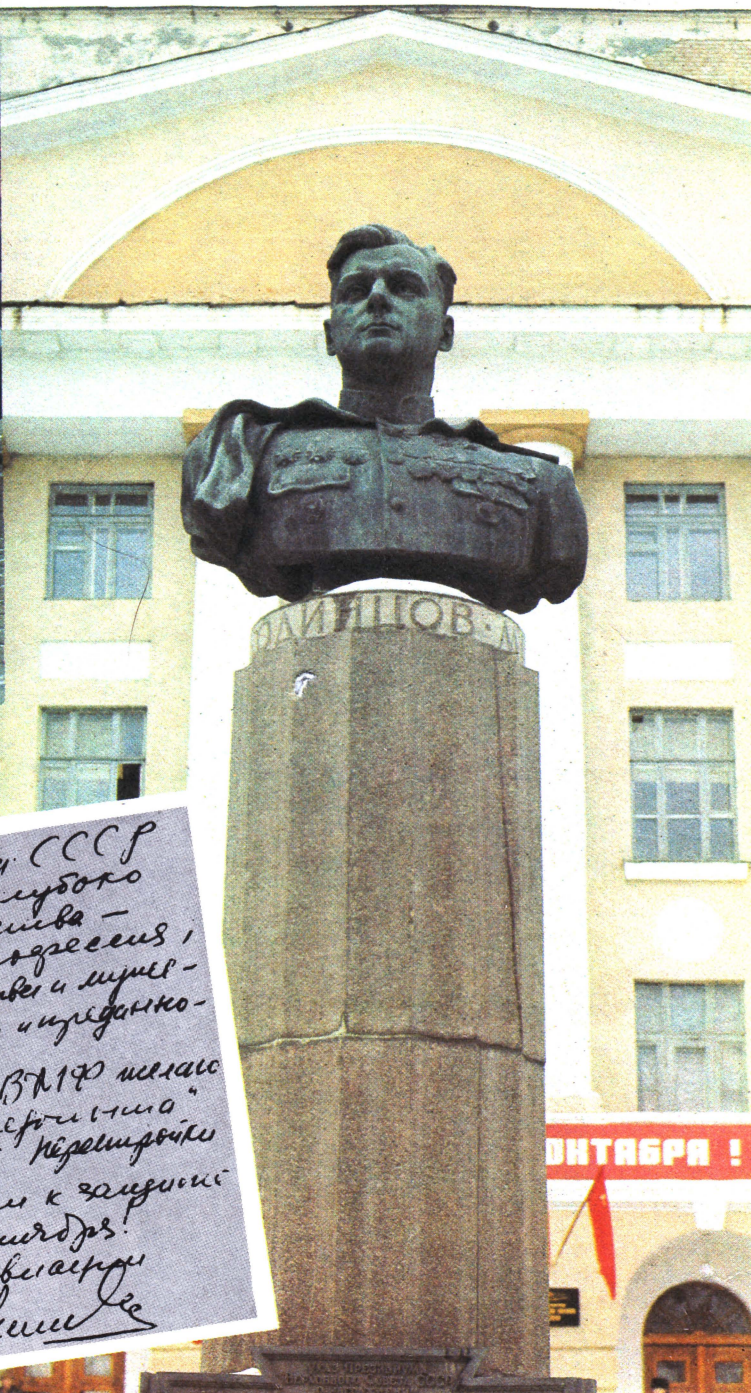
УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следомыш

2 '88

Одинцов Вооруженными силами СССР
почти 50 лет своей жизни, глубоко
убедился: защитник Отечества —
благородная и необходимая профессия,
предполагающая выдержку и муже-
ства, и четкой убежденности «преданно-
сти своему народу».
В день 40-летия СА и ВМФ нашего
тысячелетия "Уральского аэроклуба"
участие в формировании целей "переходящих"
и постоянной готовности к защите
и делу Великого Октября.
генерал-полковник авиации
М. П. Одинцов
13.02.88г.

Фото Игоря Горячева

К 40-летию Победы советского народа над фашизмом «Уральский следопыт» напечатал повесть М. П. Одинцова «Преодоление», которая была с интересом встречена читателями.

К дню рождения Советской Армии и Военно-Морского Флота М. П. Одинцов прислал короткое приветствие читателям журнала, публикуемое в сегодняшнем номере. Вся жизнь Михаила Петровича связана с армией. Девятнадцатилетним необстрелянным юношей он с первых дней войны вступил в бой с фашистскими летчиками. В кабине прославленного штурмовика ИЛ-2 совершил 215 боевых вылетов, участвовал в Курской битве, форсировании Днепра, освобождал Варшаву, Берлин, Прагу. Младший лейтенант стал генерал-полковником, он дважды удостоен за боевые заслуги звания Героя Советского Союза.

Мы публикуем короткий отрывок из новой рукописи М. П. Одинцова (читайте на 2-й странице).

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

2 '88

В НОМЕРЕ:

М. Одинцов НА ПЕРЕЛОМЕ	2
Б. Путилов КАПИТАН ПАВЛОВА	5
М. Булатов ХИТРЫЙ ЛИС И ПИГАЛИЦЫ	8
М. Пинаева ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ...	9
Р. Солнцев ВОСТОРЖЕННЫЙ БЕГЛЕЦ. Повесть. Продолжение.	14
А. Фомин, Н. Дружков СТИХИ	31
В. Астахова НИТЯНЫЕ, КАМЕННЫЕ КРАСКИ	32
Ю. Горбунов ВОЗВРАЩЕНИЕ	34
М. Евсеев УГОЛОК РОССИИ СТАРОЙ	36
Р. Енакаев «...ДОСТОИН ТОТ ФАКТ ПЬЕДЕСТАЛА»	37
Л. Козлов КРАСНОЗНАМЕННЫЕ ГОРОДА	38
В. Царев, Р. Повилейко КАТАСТРОФА ПЛАНИРУЕТСЯ НА ЗАВТРА	39
Л. Гаряев «ЧИСЛЮСЬ ПО РОССИИ»	44
Е. Туренко ВЕЧНАЯ НАША ЗЕМЛЯ. Стихи	46
Журнал в журнале «Аэлита»	
О. Ларионова ЗВЕЗДОЧКА-ВО-ЛБУ (ЧАКРА КЕНТАВРА) Повесть. Продолжение	47
Р. Арбитман ВОСПОМИНАНИЯ О СЕМИНАРЕ	67
Б. Барвиш «НА РАДОСТЬ НАМ ДАНО»!!	71
Э Якубовский УРАЛЬСКИЙ «НАРЗАН»?	73
Ю. Шинкаренко КАК МАКАР МАКАРОВИЧ НЕ ПОНЯЛ «МЕТАЛЛИСТОВ»...	74
В. Козлов СТИХИ	77
МИР НА ЛАДОНИ	78

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора)
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ,
технический редактор
Людмила БУДРИНА,
корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов: 51-55-56 (пи-
сем, молодежных проблем),
51-22-40 (секретариат),
51-09-71 (фантастики, прозы и
поэзии),
51-53-20 (науки и техники, пуб-
лицистики),
51-09-69 (краеведения)

Рукописи принимаются перепе-
чатанными на машинке через
2 интервала, 60 знаков в стро-
ке, 28—30 строк на странице.

Подписка на журнал принима-
ется без ограничений. Индекс
73413. Подписная цена на год —
4 руб. 80 коп. По вопросам под-
писки и доставки обращаться
в районные отделения «Союзпе-
чати».

Сдано в набор 09.11.87
Подписано к печати 24.12.87
НС 30086
Формат бумаги 84×108^{1/16}
Высокая печать
Усл.-печ. л. 8,82
Учетно-издательских листов 10,7
Усл. кр.-отт. 11,76
Тираж 468 000
(2-й завод: 250 001—468 000)
Заказ 457.
Цена 40 коп
Типография издательства
«Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49

На 1-й стр. обложки рисунок
Сергея Мальшева и фото
Надежды Медведевой

НА ПЕРЕЛОМЕ

Михаил ОДИНЦОВ

...Ранним утром Осипов поднял эскадрилью на боевое задание. Получил, на первый взгляд, простую задачу: пройти над первой полосой обороны противника. Цели выбирать самостоятельно. Последовательными атаками вызвать огонь зенитной артиллерии на себя. На душе, однако, было тревожно. Волновали его не столько опасность длительного нахождения в огне, не трудность обнаружения и запоминания мест расположения стреляющих батарей, а необстрелянность трижды обновившихся за последний месяц подчиненных ему летчиков. Хотя именно он сам добился у Чельшева разрешения на полет сразу всем составом эскадрильи. Командир полка согласился с его доводом, что затишье на фронте дает некоторый шанс на вылет без встречи с истребителями врага, поэтому новичков, может быть, и удастся провести через постепенное усложнение боевого полета: почувствовать и оценить вражескую силу сопротивления поочередно — вначале только зенитный огонь, а потом «мессершмиттов» с «фокке-вульфами» впридачу.

Собрав взлетевшие самолеты в две идущие друг за другом шестерки, старший лейтенант смотрел на парадность их строя и думал, что пик потерь теперь, возможно, остался в небе севернее Белграда и вновь прибывшим в полк летчикам повезет больше, нежели их предшественникам. Думалось и о том, что лейтенанты Борубай и Чернов, приняв эстафету от погибших, сегодня впервые ведут за собой людей в бой. Оба они пока лишь хорошие летчики, а этого для управления людьми в бою мало. Им еще предстоит научиться думать и летать по-новому: думать не только за себя, а сразу и постоянно за троих, четверых, не копировать полет командира эскадрильи, а предвидеть его действия. Этим премудростям, к сожалению, на земле научиться невозможно.

Матвей посмотрел на землю и увидел то, что ожидал — аэродром. Он включил передатчик радиостанции и стал вызывать истребителей сопровождения:

— Я — Соловей-двести пятнадцатый, вызываю Сину-сто десятый. — Он отпустил кнопку передатчика и хотел взяться за рукоятку подстройки приемника, но тут же услышал:

— Двести пятнадцатый, идти на задание. Я — сто десятый — взлетаю. Тебя вижу!

Сто десятый — капитан Корнев — был другом Матвея. Осипов обрадовался, что они летят вместе — тыл надежен в случае воздушного боя. Иван Корнев не один раз показывал, на что он способен. Стремление увеличить личный счет сбитых им самолетов врага он всегда ставил в прямую зависимость от сохранности порученных ему штурмовиков. И это кое-кому

Рис. Владимира Танчина

«истребительной дивизии не очень нравилось. Но Ваня был тверд в своих убеждениях. Когда же оборонительные бои набивали ему оскомину, он просился у командиров в два-три полета на свободную охоту и в них отводил душу, догонял, как он говорил, лучших по «сбитым и по орденам».

Осипов развернул группу на юго-запад и повел ее в сторону Белгорода. Поднимающееся солнце своими лучами быстро сжигало утреннюю белесую дымку, все шире раскрывало горизонт, делая землю жестче, определенной. В распахнувшейся дали вскоре обозначился город. Превращенный врагом в опорный пункт, он с высоты две тысячи метров казался гулвищем чудовищного осьминога, тянущим за собой с юга и запада извивающиеся щупальца окопов, на которые опиралась оборона восемнадцати фашистских дивизий.

Довернув самолеты так, чтобы обойти город с юга, а уже потом лететь вдоль обороны, Матвей решил уточнить задачу истребителям:

— Ваня! — Они всегда в полете называли друг друга по имени. — Ты знаешь, что будем делать и как пойдем?

— Знаю, Матвей. У тебя порядок?

— Да, все в норме.

Отвечая, Матвей подумал, что вопрос задан неспроста. Ему вспомнилась вчерашняя поездка в полк Меркулова, награждение летчиков-истребителей и затянувшийся допоздна праздничный ужин... На банкете он сидел рядом с Корневым. Тостов произносилось много, но Матвей выпил всего одну рюмку: наутро вылет. Ваня тоже не перебарщивал, но кое-кто праздновал широко: макал свою награду в стопку неоднократно.

«Интересно, в каком состоянии сейчас его летчики? Может быть, и наград не получали, а старательно пили за чужие и свои будущие».

Осипов посмотрел на истребителей... По два ЯКа на флангах группы «висели» рядом с ИЛами, а еще четверка шла поодаль сомкнутым строем и тоже воспринималась неподвижной из-за одинаковой скорости полета.

— Иван, ты где идешь?

— Ударным звеном. Зачем тебе?

— Интересуюсь местом командира. Посмотрел на нас и душа заболела. Спите, что ли? Скорости нет. Идете, как бычки на веревочке.

— Лететь-то далеко. Пока можно, бензинчик экономим. — В голосе прозвучала обида. — Командир, на критику отреагировал: веду свою четверку с ускорением наискосок и вверх!

Осипов сличил место с картой: под самолет подплывала линия фронта. Пора было начинать противозенитный маневр и стараться шуметь в чужом небе как можно громче, чтобы заставить вражеские орудия стрелять. Чем больше будут стрелять, тем лучше удастся воздушным и сухопутным разведчикам засечь позиции зенитной артиллерии.

Матвей снова включил передатчик.

— «Горбатые!» Линия фронта. Работу начали! Повторяю: цели выбираю я. Очередность расходов боеприпасов: бомбы, реактивные снаряды, пушки и пулеметы.

Осипов не закончил еще говорить, как из кабины стрелка донесся звук выстрела. Матвей понял, что

Фролов ракетой дал сигнал: «Вижу вражеских истребителей».

«Вот тебе и первая вводная, командир, — подумал он, — теперь придется идти на заградительный огонь, а в хвосте будут все время немцы выжидать и бить, бить и выжидать...»

— Фролов, где и сколько?

— Высоко. Вижу двоих.

— Ты смотри: верхние будут развлекать нас, а нижние ударят.

Осипов переключился от стрелка на передатчик.

— Смотреть всем внимательно! Вверх чужая пара, но могут быть и внизу.

Понаблюдав, как звено Корнева, все больше уходя вверх, пошло назад. Ему же предстояло решать свою задачу: обходить первый зенитный огонь. Матвей изменил курс полета, чтобы обойти рубеж разрывов стороной и одновременно прикинуть, сколько пушек у противника. Но неожиданно для него стрельба с земли прекратилась. Он успел подумать, что в атаку пошли, наверное, немецкие истребители. И тут же догадка подтвердилась: короткими очередями застучал пулемет стрелка.

Радио приняло взволнованные слова Корнева:

— Пятнадцатый, быстро влево!

Команда, как понял Осипов, относилась к какому-то из истребителей, который попадал под вражескую атаку.

Пока перед ИЛами было чистое небо, Матвей решил посмотреть, что делается за самолетами. И от того, что увидел, сердце застучало тревожно: два «мессершмитта», как два камня в свободном падении, относительно пикировали на левую пару ЯКов, а те явно не успевали вывернуться из-под атаки. Иван в крутом развороте пытался перехватить немцев, но был далеко от них. Стрелки своими пулеметами «мессов» не доставали. Матвей с горечью признал, что все решают теперь только фашистские летчики: хорошие стрелки — собьют, промахнутся — счастье наших ребят. Немцы должны были чувствовать себя в полной безопасности — скорость обеспечивала им неотразимость атаки, а затем быстрый набор высоты или отрыв от преследования.

— Фролов, смотри за пикирующими. Могут и нас атаковать, если успеют довернуть после первой стрельбы... Внизу чужих не видно?

— Нет, командир! Неожиданности не допустим. Если что, подскажу.

Чтобы исключить атаку по штурмовикам, Матвей подвернул свои самолеты в сторону атакующих, и расстояние между немцами и его группой начало заметно сокращаться. Теперь радиус полета «мессершмиттов» не позволял им вписаться в сектор прицеливания по ИЛам. Немцы для Осипова стали неопасными. Большого он сделать сейчас ничего не мог. Осталось ждать, чем закончится атака.

— Командир, расстреляли фрицы наших ЯКов, а сами ушли к земле. Корнев погнался за ними. Не вижу их больше. Вряд ли вернутся.

— Кого и как сбили?

— Левую пару. Один вместе с машиной в земле. У второго ЯК загорелся. Выпрыгнул он. Попадет в лапы к немцам, бедолага.

— Не каркай. Может, и выкрутятся.

На душе стало сумрачно, как будто солнце прикрыли чем-то невидимым. Он ощущал сейчас и злость, и обиду, и жалость. Жаль было и погибшего, и того, второго, который вряд ли сможет благопо-

лучно выбраться из немецкого тыла. Парашют в небе далеко виден, будут ловить. Затравят собаками или пристрелят.

Злился и обижался на истребителей. За их полет на малой скорости и ошибку в построении боевого порядка. «Если бы успели построить этажерку по высоте,— думал он,— и набрали скорость, не пошли бы немцы в атаку. Опытные, видать, летчики были: вылетели на свободный поиск с утрачка пораньше. Наверное, за воздушными разведчиками охотились, и сразу заметили наш просчет. Нам слезы, а им по тысяче марок за каждого сбитого».

Эти сполохи чувств и мыслей жили самостоятельно, как бы рядом с основным занятием, не мешая ему видеть землю, управлять самолетом, упреждать огонь врага.

В лобовом стекле виднелась овражистая земля, до обидного неторопливо летевшая под капот мотора: как будто бы и не случилось ничего, и никто не погиб.

— Командир, зенитка справа, выше!

Осипов повел эскадрилью под разрывы и в этот момент увидел на дороге штук тридцать автомобилей. Взаимное положение самолетов и колонны было для атаки невыгодным — дорога шла перпендикулярно курсу полета, но он решил бомбить, чтобы облегчить машины и упростить себе последующие маневры.

— «Горбатые», подвернем немного. Цель — автомашины на дороге. Бомбить серией! За погибшего! Пошли в пикирование! Фролов, посмотри, как бомбы лягут.

— Понял, командир. Докладываю: Корнев парой вернулся.

Осипов прицелился так, чтобы начало серии легло на землю с недолетом до дороги. Прицеливался, разглядывая бестолково толкающихся между автомобилями темно-зеленых человечков. Наконец, немцы поняли, что их сейчас будут бомбить, и начали разбегаться в разные стороны. Увидев это, Матвей усмехнулся: «Если бы мы стреляли, то лежали бы они по кюветам и под машинами. Наше же необычное, «молчаливое», непонятное вначале пикирование породило новый страх, который гонит их в стороны от машин, и бегут они как раз туда, куда через несколько секунд упадут бомбы. Вот и посчитаемся за двоих сбитых!..»

...Сто километров чужого неба, двадцать минут полета над обороной врага, неудачный воздушный бой с «мессершмиттами», свои четыре атаки по целям на земле, сотни разрывов зенитных снарядов крупного и мелкого калибров, тысячи снарядов зенитных автоматов «Эрликон», огонь невидимых ему зенитных пулеметов и простых винтовок, остервенело выплевывающих раскаленный металл и взрывчатку вверх, — остались в прошлом. Осипов вывел эскадрилью в свое небо полностью.

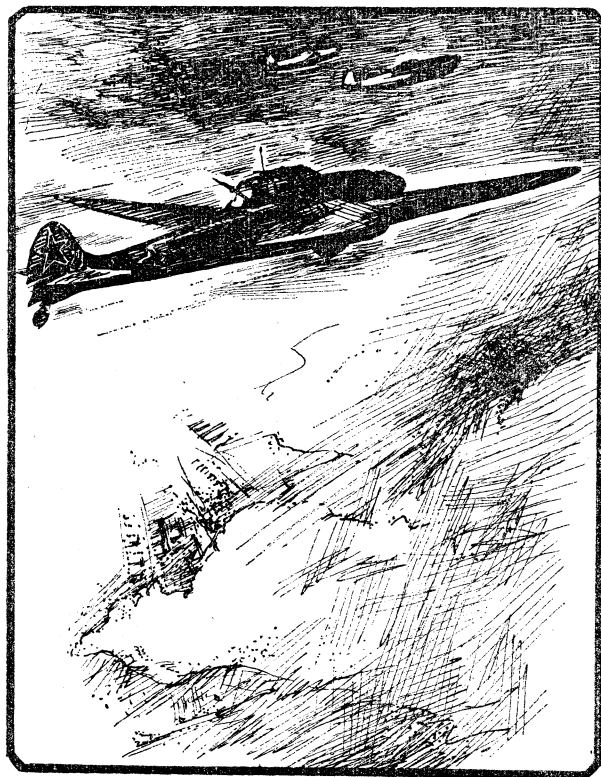
Он глубоко и облегченно вздохнул, как будто сбросил с плеч тяжелую ношу. Тяжесть ответственности за жизнь людей, которых он привел за собой, чтобы показать им, что такое война, спала.

Да, Матвей мог проделать этот опасный путь один, двумя или четырьмя штурмовиками. Маленькой группой проще и легче было бы строить маневр. И, на первый взгляд, это казалось разумней. По

нему тоже бы стреляли, может быть, не так ожесточенно и откровенно. Он же сознательно усложнил задание: выполнял не только боевую задачу, но и обучал вверенных ему летчиков, проверял их выучку и готовил к будущим, еще более сложным испытаниям. Возможно, и сейчас стреляли не все батареи. Какие-то отмолчались и поэтому не засечены разведкой. Но он надеялся, что стреляло большинство, особенно после бомбового удара, который убедил фашистов, что эскадрилья прилетела не на прогулку, а представляет для них серьезную опасность.

Осипов остался доволен поведением и умением новичков держаться в строю. Конечно, они не все видели и многого еще не поняли, но решили главное — подчинились командиру. Долг и дисциплина оказались сильнее чувства самосохранения, порождающего волнение и боязнь. Шаг в войну молодёжью был сделан: каждый услышал себя в бою, по-своему пережил его. Они победили врага: никто не лишился осмысленности действий в огне, все оказались способными к принятию и выполнению команд, хотя и волновались, безусловно, больше, чем он.

Матвей улыбнулся неожиданно возникшей мысли: «Ничего не поделаешь. Пехоту обкатывают своими танками, чтобы солдат меньше боялся вражеских. В авиации же пока не дошли до того, чтобы на учебу летать в огне своей зенитной артиллерии. Приходится поэтому пользоваться услугами чужой».

КАПИТАН ПАВЛОВА

Борис
ПУТИЛОВ

В феврале 1978 года врача Павлову вызвали в милицию. Бежала туда волнуясь: «Током на процедурах никого не замкнула, парафином не сожгла, взятки не беру. Зачем вызывают-то?»

— На фронте была? — спросил начальник милиции строго.

— Три с половиной года.

— Кто непосредственный командир?

— Подполковник Данилевский...

— А супругов Габараевых из Усть-Лабинска помнишь?

— Габараевых?.. Габараевых... Ну конечно! Он — Шалико, осетин, командир эваковзвода, раненых в тыл отправлял. Она — Олимпиада, врач. А что?

— А то, что они тебя, Антонина Петровна, через милицию разыскивают. Читай! — Он протянул письмо.

Прочитала она, чуть не заплакала: господи! Шалико, Липа...

— Что думаешь сделать?

— Телеграфирую, что жива-здорова. Встретиться бы...

— Смотри, — сказал начальник райотдела. — Не дашь телеграмму, я сам дам, пожалуйста: забыла! — Расплылся в улыбке.

Она только рукой махнула. Думала со стыдом:

«Видно, постарела, за счастьями и несчастьями своими войну забыла вовсе». Да как же забыть...

Она форсировала пять больших рек: Северный Донец, Днепр, Днестр, Буг, Дунай, освободила пять стран: Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Чехословакию. Но вначале — Волгу, но вначале освободила Сталинград и всю свою Россию.

...Из детства в Вятской губернии, в селе Юски, она, старшая дочь,

Много профессий сменил Борис Путилов после окончания университета, прежде чем стал профессиональным писателем. Был учителем, газетчиком, помощником бурлачника, слесарем, проходчиком шахты, мастером технического училища. Его перу принадлежат четырнадцать книг, преимущественно в жанре документальной и художественной прозы. Читателям «Уральского следопыта» Борис Путилов известен как автор повести «Крушение Лехи Быкова». Живет и работает в Свердловске.

помнит, как и все деревенские дети, бесконечное нянчение младшеньких да уход за коровой. И еще — уважительность людей к отцу Петру Васильевичу, железнодорожному мастеру. Он работал на станции Кез. Когда ехал на смену, поезда, чтоб подвести его, тормозили возле их деревни, где остановки не было.

С разворотом индустриализации его и пригласили строить самую крупную тогда на Урале грузовую станцию Смычку (символическое название, означающее грядущую смычку города с деревней!), что должна была дать жизнь металлургическому комбинату, вагоностроительному заводу и всему новому Нижнему Тагилу, прощавшемуся с демидовским прошлым. Семья мастера Павлова — семь человек — втиснулась в одну комнату засыпного барака. И оттуда, со Смычки, за шесть километров бегала четырнадцатилетняя Тосечка в только что отстроенную школу № 18. На крыльях летала... И сбивала ее, как птицу, в этом счастливом полете неурочная дрезина — над ней, упавшей между рельсов, промчалась. Это было первое близкое дыхание смерти, но сколько потом, в войну, оно промчится над ней. Очнувшись, а ее несут на носилках вдоль длинного ряда товарных вагонов, навстречу отец бежит. Может, тогда и решил он: баста по баракам ютиться, надо в городе, поближе к школам, свой дом ставить.

Отвели ему участок на Малой Кушве — это сейчас она, разноэтажная, будто отдельный город в славном городе Нижнем Тагиле, но в ту пору — сплошной лес. Вырыли Павловы землянку, обложили стены дерном, от двери к полу трап, на полу вода хлупает, там железная печка, нары и единственное оконце подслеповатое. Здесь и умерли Тосины братья. Через два года построил так Петр Васильевич свой дом. Дочери стали ходить в близкую 38-ю железнодорожную школу...

В 38-м году закончили красавицу школу 30 человек. И четверо из них решили стать врачами: Ваня Замотаев (сейчас в Москве, профессор медицины), Катя Махова — в железнодорожной больнице в Тагиле и третья — Нина Немцова, здесь же, на родине, врачует.

Четвертой была Тося Павлова.

— Сможешь обеспечить себя, —

сказал суровый отец, — поезжай в институт. А мне пока помогать не из чего.

— Поступай, дочка, — вступилась мама (неродная, Тося ей двух лет от родной, умершей, досталась), — учись. Полы пойду в люди мыть, но помогу...

В институт вошла, как в храм. Вошла сюда Тося, веря в чудо, и чудо случилось: ее приняли.

А страна ждала войну, готовилась к ней и советская медицина.

Каждое лето уезжали они в военно-спортивные лагеря: по тревоге ходили в походы, кроссы с полной выкладкой бегали, гранаты кидали, мнимых раненых перевязывали и таскали на себе до изнеможения. Студентка Павлова была и тут среди первых — не раз потом, в жутких условиях войны, она с благодарностью вспоминала те суровые игры, закалившие тело, укрепившие дух!

Двадцать второе июня оборвало эти игры. Первая военная работа — прием эвакуированных из блокадного Ленинграда: кожа да кости, голодный понос и психоз... Как невозможно тяжело было носить их на руках девочкам, самим уже сидящим на военном пайке, от вокзала до близкого клуба имени Андреева, где размещался эвакупункт.

Через месяц, переправившись со своей медсанчастью под бомбежкой через Волгу, Павлова приняла боевое крещение: положили на стол перед ней ее первого раненого. Она глянула, в глазах потемнело — проникающее ранение в грудь, но самое страшное — осколком весь бок разворотило, все внутренности наружу.

«Растерялась я. Руки-ноги отнялись. Но фельдшер выручил. Военфельдшер Бортников, он уже финскую войну прошел, видит, что я в шоке, на помощь кинулся. Ничего страшного, говорит, обычный случай. Перво-наперво мы ему обезбаливающее введем, потом все на место сложим, вот так, потом — повязку, потом на носилки и в медсанбат. Говорит, а сам делает: «Вот и хорошо, доктор, жить будет наш первенец!»

Так начался ее фронтовой путь...

Перед тяжелыми боями в Венгрии дали чуть отдохнуть. Медсанбат, ясно, работал, но свободная от дежурства капитан Павлова решила устроить баню: благо, на квартире, куда ее поставили, была ванна с колонкой. Надо, правда, наколоть дров. Но такое дело радость только.

Взяла она топор и пошла коломатить — шенки полетели.

И такое счастье душе явилось, что запела она. Голубое южное небо над головой, деревья расцветают мирно. Как славно!

Она набрала полную охапку дров, но руки ее вдруг привычно вытянулись по швам, поленья вниз грохнули — по дорожке от калитки шел генерал! Рука сама потянулась к пилотке для приветствия, но вовремя замерла.

К ней шел не наш, а царский генерал...

Но тот, при всех своих регалиях, надетых, видать, для встречи с русскими, сам первый отдал ей честь.

— О, молодая женщина — и штабс-капитан!

Павлова козырнула ему по уставу. Но вдруг не выдержала, засмеялась: своего генерала, командира корпуса, вспомнила, свое первое явление к нему...

Вызывает ее командир корпуса. Она прибежала.

— Вот, — сказала, — пришла.

— Что?! — загремел генерал. — Что значит пришла? Кругом арш! Доложить по уставу!

И так ее пять раз выгонял, пока она, ведь девчонка совсем, не разревелась.

Генерал, на что боевой и строгий, смутился. Усадил, слезы ей своим платком вытер.

— Отставить, — сказал, — товарищ полевой хирург. Удовлетворили мы вашу просьбу. Но почему вы, такая плакса, выбрали хирургию? Там и мужик не всякий выдержит.

— Как почему? — она и про слезы забыла. — Так это ж великая радость — к жизни вернуть!

— Но в медсанчасти ноги-руки придется удалять. И не в тылу, а у самого переднего края, под огнем. Иначе в наступлении народу ране-

ного много погибнет, до госпиталей не доберется... Выдержишь, капитан Павлова?

— Так точно! Но я же не...

— Капитан, капитан... — улыбнулся генерал, а расторопный адъютант уже погону с четырьмя звездочками ему протягивает. — Вот, носи с честью.

Царский генерал увидел топор в руках, кучу дров, удивился:

— А где же ваш ординарец? Денщик-паршивец где? Почему вы роняете офицерскую честь?

Тут Павлова сама спросила:

— Как вы думаете, почему мы врага, перед которым вы спасовали, побеждаем?

Царский генерал развел руками.

— Да потому, что мы все — маршалы, генералы, офицеры Красной Армии, — все мы прежде всего солдаты!..

В этом ответе ее была святая, советская правда.

— Работать полевым хирургом я начала в боях под Харьковом. Палатки, алюминиевые операционные столы у самого переднего края. У каждого стола операционная сестра, на два-три стола фельдшер — они анестезировали, готовили операционные поля, накладывали швы. А у нас, пятерых молодых хирургов, на каждого по пять-шесть столов, за которыми мы пропускали в сутки, случалось, до 800 раненых — можно сказать, чуть не целый стрелковый полк, который потом, после госпиталей, а некоторые прямо от нас, в строй возвращался. И все это часто под обстрелом, бомбежкой; в Венгрии, совсем озверевая, фашист на наши, с красным крестом палатки по 20 раз в день налетал...

Помните у Толстого описания перевязочных пунктов и госпиталей? Жуть берет, правда? Так это почти про нас, с той лишь разницей, что Смоленское сражение, Бородино или Березина происходили раз в кампанию, а у нас, особенно в наступлении, такое творилось почти каждый день. В годы войны медики вернули в строй 73 процента раненых и 90 — больных. Могли бы мы это сделать ленивыми неумелыми руками, холодным сердцем, с мыслью: как бы не надорваться? Как бы самим выжить? Да нет же!.. — Павлова задумалась. Потом продолжила: — Самым большим праздником в моей жизни стал день 9 мая. Встретили его в Австрии. Отселятовали и двинулись через Румынию домой пешком. Не шли — бежали, по 75 километров в день! Мой санинструктор — азербайджанец, совсем мальчик, слабенький, взмолился: «Ах, дохтур, брошу я мой шинель, котелок-мотелок»... Я схвачу их у него и дальше дую.

В городе Клуже чуть отдохнули, пригласил нас подполковник в кафе, мороженого поели всласть. И — дальше. Когда границу наконец перешли, упали все на землю родную и целовали ее. Всего год на ней не были, а стосковались — жуть! Значит, верно: «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!..»

...В больнице я помогал Антонине Петровне повесить на стену «Экран соревнования» — разноцветный на клеточки (красные, синие, черные) лист ватмана с фамилиями всех сестер отделения.

— Вот она — гласность, — объясняет Павлова, — завтра придут мои девочки, а вся их работа на виду: техника безопасности больных (мы ведь с током, с высокой частотой работаем) — раз, дальше — трудовая дисциплина, потом — повышение квалификации и так далее — все по баллам. Старайся, не ленись — и будешь отмечен.

Судя по всему, Павлова довольна: черных квадратиков совсем мало, значит, старается молодежь! Но, отвернувшись от стены, она говорит с неожиданной печалью:

— Вот так и разделилась моя жизнь врача на две равных половины: двадцать два года хирургом, столько же физиотерапевтом. Правда, последнее не по своей воле, по жестокой необходимости.

...Сразу после демобилизации пришла ординатором в хирургическое отделение Второй городской больницы. Нижнетагильская хирургия тогда гремела — целая школа, где блистали Л. П. Кипарисова, С. А. Боташев, Т. А. Грасмик. Военврачу Павловой, всю войну делавшей в основном операции по поводу травм (однажды в их медсанчасти удаляли аппендицит, так все хирурги сбежали смотреть: забыли, интересно!), пришлось переучиваться. Ничего, переучилась, пусть высоко не взлетела, но крепким хирургом стала. Работала, училась и сама учила — в медучилище вела сразу три предмета: анатомию, хирургию и санитарную тактику, то есть военную медицину.

Как жила в первые годы? Соседка и старшая подруга ее, фельдшер Мария Степановна Дуткевич, рассказывала мне, что даже обед ей, Павловой, сварить было некогда, и мать Марии Степановны закроет, бывало, входную дверь, спрячет ключ в карман:

— Пока, Тося, мой суп не съешь, не пушу!

Ходила в военной шинели. Несколькими лет донашивала ее, потому что надеть больше было нечего. Даже на партийный билет в сорок седьмом (в кандидатуру она вступила еще

на фронте в сорок пятом) Павлова сфотографировалась в боевой своей гимнастерке с орденом колодочкой.

И тут, сразу после приема, предложил ей председатель горисполкома Иван Афанасьевич Непомнящий (фигура в истории Нижнего Тагила весьма заметная) портфель заврайздравотделом молодого Рудного района. Другой, может, обрадовался — Павлова ужаснулась.

— Я же хирург, не организатор! А там хирургии-то нет!

— Вот и организуюсь. Ты теперь прежде всего — коммунист.

Нечего делать — пошла, организовала: и медицинскую службу в этом труднейшем горняцком районе, и хирургическое отделение в больнице. Дома почти не бывала, несмотря на то, что недавно вышла замуж. Ее муж Константин Николаевич, бывший шахтный коногон, потом мастер, потом горный инженер, человек мужественный и насмешливый (я знал его по работе), не то в шутку, не то всерьез говорил:

— Не дай бог тебе жениться на враче-хирурге. Холостяк при живой жене. Вечно она на вызовах, ночь-полночь на работе...

И то, что не могла сделать война, сделали эти мелкие мирные трудности: свалили богатыря не большой горой, а соломинкой. Напряженная струна лопнула. Зимним солнечным днем померк свет в ее глазах, упала прямо на улице — стенокардический кризис... Когда отлежалась, поняла, что к хирургическому столу дорога заказана. Пошла к главврачу Бабичу Николаю Степановичу, стала заведовать отделением физиотерапии.

Антонина Петровна пригласила меня к себе выпить чашку кофе. Вдовья квартира — Константин Николаевич, ее муж, умер так же мужественно, как жил. Позвонил ей на работу, он дома лежал больной:

— Это врач Павлова? А я вас не узнал, богатой будете.

— Перестань шутить, Костя! Как себя чувствуешь?

— Да что-то неважно. Если вам позволит время, то примите вызов.

— Немедленно в постель. Я — мигом!

Прибежала, а он уже мертв. Прямо у телефона. Инсульт.

Она быстро накрывает на стол, и я ахаю: таких чашек сроду не видывал — искуснейшая работа из тончайшего звонкого фарфора! Откуда?

— Да из самого Неаполя, — смеется она. — Сделала круиз галопом по Европам — Рим, Амстердам... И посуду эту на память о Неаполитанском заливе прихватила. Но... — она помолчала. — Но спасли, помогли мне все вынести не эти круизы, а

старые фронтовые друзья. Встречи с ними, их письма. Началось все с того памятного вызова в милицию. А нынче под Новый год я уже 82 письма с поздравлениями от моих фронтовиков получила. Вот. — Она небрежно сдвигает опорожненные итальянские чашки и кладет на стол десятки открыток и писем, две книги с дарственными надписями.

— Мы, ветераны 223-й дивизии, уже четыре раза встречались. В молдавском городе Спая, где создан музей нашей дивизии, налетел на меня какой-то мужчина, обнял, чуть не задушил — кто такой, не знаю. «Да разведчик же я, Петр Алексеевич Белов! Вы же меня оперировали!» А я хоть убей, не могу вспомнить, ведь их тысячи через мои руки прошли... А еще мы в Сталинграде и в Баку встречались. Туда уже вызывали. Наша дивизия была в Баку сформирована, сам Самед Вургун знамя дивизии вручал, а в 1985 году мы, ветераны, передали это знамя Азербайджанскому республиканскому музею...

Антонина Петровна рассказывает, волнуясь, сжимая свои крепкие руки, привычные не только к скальпелю, но и к тяжким земляным трудам: сейчас, в старости, она одна держит садовый участок, выполняет посвоему Продовольственную программу.

Я раскланиваюсь, но она говорит:

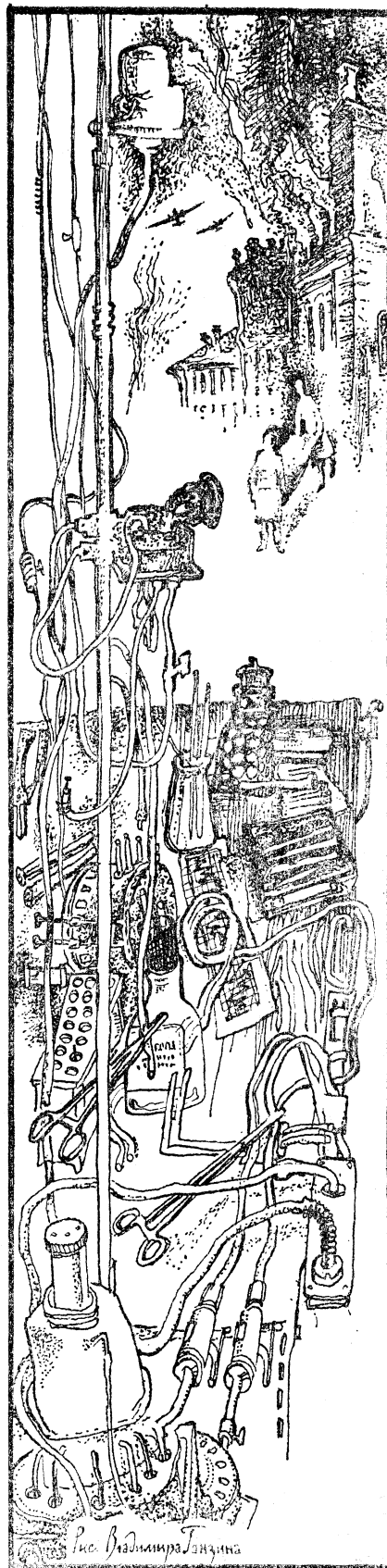
— Подожди, провожу, заодно еще одних друзей проведу. — Она собирает со стола остатки нашей трапезы: кусочки хлеба, колбасы, сыра. — Пошли.

Через ее двор мы опять вышли к больнице и не успели ступить в ее пределы, как из-под древних, демидовских еще подвалов вылетели навстречу нам три пса. По виду явно бродячих: красивая, вальяжная, несмотря на нелегкую жизнь, сука, ее голенастый сынок и еще — огромный рыжий вислоухий псинка с бельмом на правом глазу.

— Господи! — ужасается Антонина Петровна. — Где ты себе такого жениха нашла, Альма?

И смеется счастливо, глядя на собачий пир.

...Как бывает мало нужно человеку для счастья. Но только при одном условии: если это малое счастье обеспечено чистым золотом всей большой жизни...

Хитрый Лис и пигалицы

Михаил БУЛАТОВ

Рис. Валерия Меркулова

Сержант Темников успешно окончил снайперскую школу и сразу же был направлен на передний край. Еще затемно, бережно вскинув на плечо винтовку с оптическим прицелом, стрелок-охотник уходил на огневую позицию, а возвращался на отдых, когда стучалась темень. Это было первое условие маскировки от недремлющего противника.

На обратном пути Темников заходил на соседнюю батарею, где служил наводчиком его дружок-односельчанин Алексей Точилкин.

— Как охота, Степаныч? — обычно спрашивал Точилкин.

Скупой на слова, Темников молча показывал на пальцах, сколько отправил в «рай» фашистов. Или отрицательно качал головой, что означало: просидел целый день впустую. Если приходили письма, делились, похивая самокрутками, домашними новостями, присланными из далекой таежной деревни.

Бывало, снайпер не наведывался к пушкарям по нескольку дней, и тогда Точилкин заключал:

— Видно, подался на левый фланг. Нельзя ему долго оставаться на одном месте: засекут — и амба!

Житель тайги, Иван Темников еще подростком наловчился из «тозовки» бить белку в глаз, и это как нельзя пришлось кстати. Но теперь кроме меткого глаза особое значение приобретало умение перехитрить противника. Даже малейшая оплошность могла обернуться роковым исходом. Но как трудно все предвидеть! Вот совсем недавно был такой случай.

Ночью Темников выбрал позицию среди лохматых кочек на болоте, сверху набросил маскировочную сетку. Казалось, все складывалось как нельзя лучше: наблюдение отличное — на полкилометра видна передовая противника, сам неуязвим. Но утром все пошло прахом. Едва рассвело, как на укывшегося снайпера с криком начали пикривать пигалицы. Оказывается, рядом находилось их гнездо, не замеченное ночью. Потревоженные птицы невольно сыграли роль наводчика, и немцы открыли огонь.

Охота была испорчена, пришлось Темникову ни с чем убраться со злополучного места.

Но этот случай имел неожиданные для противника последствия.

Дело в том, что солдаты давно обратили внимание на хлопотливых обитателей болотистых мест. Во время гаонады чибисы, как их еще называли — пигалицы, укрывались в траве, но стихала стрельба — и они с тревожным криком появлялись у солдатских позиций, как бы спрашивая: «Живы?! Живы?!»

И вот теперь у всех на виду Темников при помощи маскировочной сети стал охотиться на пигалиц, и вскоре у него в клетке, сплетенной из прутьев краснотала, их оказалось целых полдесятка.

Сержант ревностно ухаживал за своими питомцами, кормил их с рук. Птицы на удивление быстро привыкли к своему хозяину. Уходя на пост, Темников брал клетку с собой.

— И зачем понадобились ему пигалицы? — удивлялись бойцы. — Благо бы пели или отличались особой красотой.

А некоторые утверждали:

— Никак чибисы Темникову нужны для развлечения — летний день длинный, и сидеть одному на болоте невмоготу.

Сам охотник обычно отмалчивался или с напускной наивностью отвечал нечто несурзное, после чего у солдат отпадала охота приставать с вопросами.

На участке обороны немцев прославленный снайпер Ганс Рихтер, прозванный Хитрым Лисом, появился недавно, после того как пуля русского охотника наповал уложила полковника, инспектора инфантерии, на какую-то секунду мелькнувшего в траншее. Рихтеру было приказано выследить и уничтожить опасного стрелка.

Хитрый Лис обладал отменными качествами кровавых дел мастера и недаром был награжден Железным крестом.

Уверенный в успехе, он приступил к делу. Отлично замаскировавшись, он из хаоса выстрелов, взрывов, гудения моторов выделял только звуки, что рождались на нейтральной полосе, там, где должен был находиться русский снайпер.

На рассвете Хитрый Лис осторожно начал осматривать впереди лежащую местность. В бинокль прощупывал каждую кочку, старался приметить, нет ли где следов на свежеснеженной росе. Вон слева — фиолетовый оттенок. Ясно — кто-то ночью потревожил высокую траву. Метнул тревожно хищный взгляд и мигом успокоился — там рядом на лужайке мирно расположилась пара птиц. Вполне возможно, они могли сбить крыльями росу. Ага, еще левее — темная полоса. Это уже явно чей-то след. От минного поля он тянулся к кустам. Рихтер долго не отводил бинокля от кустов, но никаких признаков засады не обнаружил. Решил использовать проволочный прием — осторожно дернул за проволочку, протянутую к кочке. Трава колыхнулась, посыпались серебристые капли росы. Ничего...

Хитрый Лис чуть-чуть раздвинул маскировку, чтобы посмотреть вправо, и в ту же минуту оттуда, где мирно сидели птицы, раздался выстрел. Хитрый Лис ощутил острую боль в ключице. Второй выстрел доконал его.

ГДЕ ЖЕ ВЫ

Мария ПИНАЕВА

ТЕПЕРЬ...

Я помню войну. Не ту, конечно, где были подвиги и смерть, где погиб мой отец, которого я не помню (в сорок первом мне было два года). Я помню нашу комнату в бараке: две железные кровати, ящик с углем (большой ящик, как комод), буржуйка прямо посреди комнаты и шкаф, почему-то белый, больничный; на полочке лежали сосновые щепки, которые глодала мать. Все это и многое другое тоже было войной, и все это я помню. Помню улицу нашу — Сакко и Ванцетти, и хлебный подвальчик на углу Куйбышева, и мать возле него в рёве: украли хлебные карточки. Помню эвакуированную из Ленинграда даму, ее меховые шубы, ее пальцы в золотых кольцах, ее золотую улыбку и большой портфель бумаги — для отопления, которым она отблагодарила мать за приют. Помню другую эвакуированную — без улыбки, ее звали Таней, она почему-то оказалась с маленькой дочкой нерасквартированной, и мать пустила ее, и они жили, постоянно ссорясь с матерью из-за моей вредности, но вместе пилили дрова, вместе ездили куда-то на разгрузку — все вместе. Помню соседку, которая приходила к нам и искренне делилась: «Я гадала: мой Ваня жив, а ваш Леня погиб». Она не чувствовала, что похоронка движется к ней, только задержалась где-то в пути...

Иногда я вижу повторяющиеся сны... Всегда одно и то же: будто я поднимаюсь по раскачивающимся лестницам нашего деревянного дома — без перил, без опоры, кое-как пробираюсь в коридор, который уж теперь не коридор, а зияющая пуста, но в ней, однако, проложены доски к нашей двери — к комнате номер семнадцать. Туда я стремлюсь, там мне будет хорошо. Но беззвучно открывается дверь, и сердце мое заходит: в нашей комнате тоже нет пола — лишь несколько досок проложены над комнатой нижних соседей, где что-то шьют и тихо разговаривают. Тут я всегда просыпаюсь, и состояние тоски сохраняется весь день.

В один из таких дней я пошла на свою улицу с магнитофоном...

Наверное, сейчас своевременно сказать, чем я занимаюсь профессионально, иначе непонятен магнитофон. На Свердловском радио, в доме под телевизионной башней, с 1977 года ежемесячно я готовила передачи о прошедшей войне. Искала своих героев сама. Иногда я высматривала их на улице, в магазине. Подходила и начинала разговаривать. Они не сторонятся магнитофона, вернее, не обращают на него внимания. Что им магнитофон... Почему-то так случилось, что среди моих фронтовиков нет Героев Советского Союза, но имеет ли это значение? Все они, «мои» и «не мои», в одном звании — защитники Родины. В нашей студии они все рядом — на верхнем стеллаже слева в нашей фонотеке. Навсегда, на вечном хранении. И те, что живы, и может быть, прочитают этот журнал, и те, которым на коробку с передачей — вот еще и еще — приходится клеить черную ленточку.

...Я иду по майской улице, кричат воробьи, из окон — музыка, кого-то провожают в армию. Играют дети: «Божья коровка, улети на небо...»

Я иду на своей улице тех, кто помнит войну, кто помнит Победу. Улица старая, все дома — у земли. Они выходят, как в деревне, — прямо из ворот: Мария Дмитриевна Шляпина — погиб муж и два брата; Матрена Александровна Целищева — погиб муж; Александра Афанасьевна Коновалова — два племянника и два брата; Фролова — муж, отец; Ванчугова — муж, сын... Я иду от дома к дому и меня начинает покачивать, как в том странном сне, где нет половиц и не за что ухватиться, но сердце

все равно болит и любит. И в ушах моих на разные голоса: погиб, убит, погиб, убит...

Как-то раскрыла молодежную газету. Юные читатели рассуждают о ветеранах: одни рады, что ветеранов в магазинах пропускают без очереди, а другие — лучше бы их в очередь... Ефрейтор Леонид Дмитриевич Семенов, который прошел войну с первого до последнего и пережил такое, что участникам вышеупомянутой дискуссии не приснится в самом кошмарном сне, сказал мне, поначалу чрезмерно любознательной журналистке, с легкостью задавшей вопрос о пресловутом «фронтовом эпизоде»: «Самый тяжелый фронтовой эпизод — это полустанок, через который с передовой шел товарный состав с помешанными мальчишками. Их везли в госпиталь». Я хотела получить «эпизод» — и я его получила. Это была одна из первых моих передач, и урок на всю жизнь.

Для меня все они — святые. Живые и павшие, те, кто в очереди стоят, и те, что идут без очереди.

Конечно, в очерке не расскажешь про всех однопольчан, но назвать имена нашего «радиополка», который они чужим не считали, я просто обязана. Это шофер Кобычов, врач Герасимов, разведчики Орехов, Семенов, Болтенко, пехотинцы Гусельников, Мозолин, Попов, Аввакумов, летчики Пшеничников, Демьянов, Смактина-Ольхова, десантник Махнев, пулеметчики Кудин, Самойлов, медсестра Черепанова, артиллеристы Чебкасов, Сунцов, Удилов, Данилов, минер Иванов, кавалерист Четин, парикмахер Лялина, санитарки Наколюшкина, Валеева, связисты Пьянковы, Завьялова, Калинина, почтальон Демина, учительница Дранова, крестьянки Боликова, Шапкина, Батакова, минометчики Стетюхов, Фоминых, Дуров, Бобров, Семеновских, Брусницин, Какаулин, Сурнин, Хабаров...

ВАЛЕЕВА

— Родилась я в Майкопе, отец был как будто красивый командир, мама умерла с голоду. Мне было три годика тогда, у меня был еще брат на пять лет старше меня. Ну, и нас там соседи отдали в детдом, а тогда детдомы только организовывались — ни кроватей, ни постелей, ничего, спали на полу, напоят. А по полу мыши бегают, я все боялась, да и сейчас еще боюсь, что они мне ухо отгрызут. Кормили нас — ну голод же, голод! — нам дадут вот такой кусочек хлеба, и мы так хотим, чтобы он продлился дольше, этот хлеб... Началась война — мне было уже двадцать два года, работала на почте. Потом с наркомата связи присылают письмо, чтобы с нашей почты послали двоих работать в полевую почту. Вот. Ну, а кто поедет... все бояться, война. У многих дети. Я начальнику говорю: Михаил Федорович, давай, я поеду, по мне некому, говорю, будет плакать...

Мы смотрим старые фотографии... Призрачные девочки в гимнастерках и шинелях, странное сочетание пилоток и кос...

— Наташа это, Кикоть. Я ее схоронила на Малой земле. А это вот Люба — вышла из госпиталя. Она так... она не могла верить, что в двадцать лет осталась без

ноги. Написала мне: «Вышла из госпиталя без...», а «ноги» уже не могла написать. А это моя подружка, с которой работали вместе. Она и сохранила все фотографии мои. На Малой земле когда я была, она письма нам писала, хорошие такие, с прибаутками. Солдаты всегда любили, когда я получу от нее письмо. Они говорили: «Нина, от Тамары получила? — читай вслух!» Я читаю вслух, и мы все смеемся... Однажды, когда читала, начался обстрел. А у меня нервы уже расшатанные. Когда немец бомбит или стреляет, я не могла сидеть где-то в уголке и ждать. Я вылезла из землянки, стою и смотрю, куда падают бомбы или снаряд. Я должна обязательно это видеть. И вот вы знаете... вот как будто бы я его притянула, этот снаряд, и он — гах! — прямо к нам... Наташа как сидела — ей прямо вот сюда... Надо хоронить, а некуда нести. Мы прямо в землянке выкопали могилку, ямочку, там ее схоронили. И все... Я люблю песни, вот и сейчас пою. Вечер, тихо когда — с Наташей сядем и поем песни. Вот когда мы второй раз пошли с ней в разведку с боем... окончился, значит, бой, мы остались с ней вдвоем на нейтральной полосе, и нам говорит солдат: «Там, девушки, еще один остался». Мы с ней полезли, положили на шинель и поволокли. И когда приползли на передовую — так у меня руки... все руки в крови. Так и шли они рядом — кровь и песни.

— А может, вы сейчас споете, Нина Ивановна?

— Сейчас спою (поет, смеется и плачет). И вот мы эту песню запели солдатам и морякам этим, а они и говорят: «Девочки, сестрички, спойте нам еще». Нет, говорю, нам идти надо, раненых своих надо определять. Поползли мы, значит, с Наташей...

ЧЕТИН

Я позвонила — и мне открыла седая женщина. Наверное, жена.

— Здравствуйте, Василий Степанович дома?

— Дома, проходите, он у нас именинник сегодня...

В красном углу комнаты сидел, торжественно положив на колено руку, Василий Степанович Четин — вся грудь в орденах! Он не ждал меня, и, наверное, только для себя да для Клавдии Александровны в день своего рождения надел ордена и медали. Я объяснила, что хочу рассказать по радио о его жизни, и он, бесхитростно подтверждая, что выбор сделан правильно, и в то же время в оправдание плохой дикции — сказал:

— Пяти ребер нет, и правой руки нет, и скулы выветы — я очень много пострадал... Вы понимаете, я когда шел к западу — я не рассчитывал, что меня убьют, и как непокоренный, понимаешь, писал домой, что меня пуля не берет. Когда я увидел, что все разорено, я дал клятву, что отомщу полностью. Ну, правда, многие погибли, но что сделать?! У нас от дивизии-то осталось, наверное, человек двести пятьдесят.

— А дивизия — сколько?

— Дивизия — много!.. Как было: наши разведку послали, разведка не попала, понимаешь, на немцев, а немцы-то нашу разведку заприметили. Только подошли к передовой, а за имя уже немцы — их и накрыли, наших-то. Я когда осмотрелся — тут, значит, никого нет. Я как пулемет нажал, понимаешь, по первому-то, а по второму... Второй — по мне — раз, второй раз... Как третий дал — руку мне и оторвало. Ее полностью не оторвало, я беру эту руку, повертываю сюда, налаживаю в зубы кусать пальцы, смотрю: они почернели, у меня кровь потекла. Мне надо отползти. Тут самоходки немецкие, они ведь сейчас меня накроют, придавят меня, понимаешь. Я вынимаю две гранаты, снимаю с крючка, чтобы меня разорвало — я знаю, что они будут надо мной издеваться, — и стал отползать. Примерно метров десять или пятнадцать отполз — по мне вторым снарядом как дали, и вот у меня с пятого по десятое ребра — нет, вышибло ребра-то. Когда вышибло — а маленький снежок напал, — я тогда свалился. И откуда-то возмись, бежит с правой роши, с

правой стороны боец. Я: подойди сюда! Я говорю: достаешь с правой стороны бинт, перевяжи мне руку, чтобы кровь не шла. Он бинт мне достал, а самоходки-то движутся на нас, он бросил меня — клянусь честно — и убежал. Эхе, мне тут было обидно... Я набрал снега так немножко в ладони, поел — жар, и пополз. Метров сто отполз, и у наших траншей, ночью-то которые мы освободили, меня сразу подхватили, перетащили и положили на носилку. В медсанбате спрашивают: ну что не раздвезешься? А я уже сознание теряю.

Вернулся Василий Степанович в родную деревню с войны. Жена его не дождалась. И двоих детей бросила. Вот при таких обстоятельствах он и повстречал свою дорогую Клавдию Александровну.

— В воротах обнял ее, поцеловал и прихожу к дяде Степану, говорю: вот девка хорошая, дядя Степан, как? «Василка, бери, она ягодница, девка-то, корова есть, огород. Иди сватайся». Я пришел, поговорил, потом ее пригласили, она дала согласие, мы свадьбу там сделали, я отсюда тетку Анисью и сестренку взял — у меня фотокарточки есть...

Тут и Клавдия Александровна:

— Ну, я сперва вроде думаю: господи, как же это за него я пойду? Руки нет, а ребра — я не знала, что и их нету, если бы знала, я бы не пошла.

Они родили троих детей, всего стало пятеро.

— Вот так и жили. Он у меня даже дворником работал. Я дворником — он дворником. Вот сюда сделает метелку — и пошел туды-сюды. И вахтером работал, а теперь — все уже, я не отпускаю его.

— Я дома сидеть не могу, мне что-то нужно делать. Летом я на рыбалке. Там отдохну, рыбки домой привезу, грибов привезу, за ягодами, за клюквой езжу. Все это я одной рукой беру...

ЛЯЛИНА

Чуть не каждый летний выходной много лет подряд я проезжаю станцию Баженово. Здесь был госпиталь, где парикмахерша по призванию Анфиса Николаевна Лялина проходила свои университеты.

— Плакали первое время, а потом уже вроде привыкли. Вызовут в перевязочную, там сестры не могут обработать раны, а у меня же острый инструмент. Я приду, у меня слезы текут, а я раны на головах обрабатываю. Все разбито, у меня руки-ноги трясутся, а куда деться? Обрабатываю. Посмотри-ка, сколько они пережили, что кушали, в чем одевались. Ведь посмотришь, сейчас молодежь седые волосы себе наделает, а тогда приезжали с седыми волосами. Вот в госпиталь-то он придет, ему 20 лет, и седые волосы. Кто в атаку сходил — тот и с седыми волосами. Посмотри-ка, с Ленинградского фронта каких привозили нам: заходишь в вагон — пахнет, нельзя зайти, слышишь — обморожены. Привезут их — ломают, ломают, у них культы одни останутся на руках и ногах. Отломают — у него снова загнивает, снова загнивает — гангрена. А первую смену когда принимали в госпиталь — у них в карманах и овес, и пшеница. Это их продукты были, ленинградцев. Последнее время уже стали приезжать танкисты. Нос у них, всё — забинтовано. Они же все обгорелые, лица-то. Сам-то целый, а руки и лицо обгорелые, руки забинтованы, глаза тут прорезаны, если целые глаза. Так они ни кушать, ничего сами не могут. Придут ко мне, стучат костылем: иди, покорми нас... У нас Ручьев был, мальчик. До того он был худой, мы его на руках носили, а потом его отправили в Еланск, он нам пишет письмо: пришлите мне, пожалуйста, ложку да хоть что-нибудь вкусного покушать. Я поехала к этому Ручьеву, увезла подарок, и платочки ему сделали, и навышивали, все отправили — конфеток даже, у него не было никого... А потом еще Птица мне запомнился. Так звали его все — Птица! Приехали — он из вагона вышел, в тапочках, в халате по снегу плышет. В руку был тяжело ранен. И все пел, и все пел — больно ему, не больно —

пшет, и только. Не знаю, вернулся живой, нет... Как привозили, мы сразу наголо всех обстригали — и командиров, и всех. Капитан сразу им говорил: снимайте волосы все, у нас добрая парикмахерша, она вам наростит красивые прически... А сейчас еще с молодежью вот это — лохматые стали ходить. Ведь эта наша, русская прическа. Мы ведь их осуждаем — косматые, такие, сякие. Старик-то у нас раньше, дедушки-то, ведь кружки эти носили. Это наша настоящая прическа. Только надо за ней следить, они не умеют за ней следить. Придут они ко мне в парикмахерскую, эти ребята, я им говорю негромко, но не ругаю их. У меня вырезки из журнала «Служба быта», я все время выписывала, у меня этот журнал лежит. Что ты хочешь: «канадку» или там «молодежную»? Если ты хочешь «молодежную», я тебе ее вот такую сделаю, молодежную. А потом слышу — придут подстригаться, в очереди стоят: к старухе садись, к старухе (смеется). К старухе, говорят, садись...

ДЕМЬЯНОВ

— Всякое было на войне, что говорить. На море вообще страшно, море вообще страшное. Ведь мы видим, скажем, с берега его, море-то. Понимаете, оно хорошее такое, ласковое, тут купаются. А ведь оно настоящее, море-то, вы знаете, какие ходят волны! Вот подальше-то залетишь... как будто горизонт сходится с водой. И кажется тебе, что оно действительно как шар. Там страшно. Даже компас показывает не так, он все куда-то бьется, бьется в какую-то сторону... Вот Петров упал — командир полка штурмового, немцы его сбили. Так он проплавал-то минут, наверное, 12 или, может, 10, поплавал — у него ноги отнялись сразу. Видите, Северное море какое — ноги отнялись, и все. Плюс четыре градуса зимой и летом. Так она, жизнь, устроена. Там надо иметь, понимаете, натуру. Если такой натуры нету — не подходишь, я вам правду говорю.

Мой магнитофон работает на предельных уровнях, записывая тихую речь капитана морской авиации. Я смотрю на его огромные в очках глаза, на худые руки и раскручиваю в голове фразу, которую он сказал как самую обычную, — как, впрочем, и все, что он говорит. Он сказал: «Наши парни управляли своими Яками так, что позвонки растягивались»...

— Борис Анатольевич, можно китель ваш посмотреть?

— А пожалуйста...

— Три Звезды Красных...

— Да, три Звезды. Ну, вот один Красного Знамени, вот «За боевые заслуги», это за Ленинград, это за Северный флот, вот это за Японию.

— Ранений у вас не было?

— Нет, не попали, не попали. Стреляли, и оторвут хвост — а в меня никак не попадут. Изрешетят, но впереди мотор-то тянет, идешь да идешь. Один раз в цилиндр попала пуля, так и цилиндр оторвало, мотор греется — по кабине даже вижу, что греется. Вода выбежала, масло выбило все — я иду, иду, иду. Сел когда — так все бегут: как же ты дошел? Я сам ему не мешал — везет и везет, в кабине жарко, понимаешь? Ну, довез. Вот ведь как жизнь устроена.

— А цветы-то сами разводите, один живете?

— Сам, один живу, сам...

— Ну, вроде бы не мужское занятие...

— Да, не мужское, да вот приходится. Я люблю их, цветы-то. Расцветут, да много их, вон они такими маленькими цветут — так у-у-у! Потом еще сажу такие вот голубенькие. Чем проще жить — так ведь лучше. Вот сейчас пересаживать их буду, вон эти надо пересаживать, земли принес... Оттаяла земля-то, видишь, пересаживать буду. Вот весна будет — опять соседи начнут заглядывать: дайте, Борис Анатольевич... ну, я даю...

— Что будут просить — отводку?

— Отводку. Я говорю: «Берите, много их». Много их, целые шапки висят — прямо некуда деваться. Разрастут-

ся — одна голубизна. Пошел в поле, взял васильков, знаете, набрал васильков, раскрошил в карман ромашек. Ну, а весной тут начали садить — набросал в клумбу, они выросли да все расцвели...

ГЕРАСИМОВ

Александр Николаевич Герасимов — хирург, кандидат медицинских наук, подполковник медицинской службы. Как живет он в мирной жизни? Делает зарядку, надевает каракулевый «пирожок» — поглубже, чтобы не очень-то бросались в глаза седые виски, берет портфель и идет в переулок Воеводина к студентам Второго медицинского училища г. Свердловска — читать хирургию.

— Нужно именно жить всеми горестями и радостями, которые приносят вам операции. Во время операции нужно помогать хирургу и советом, и руками, и всем, чем только можно помочь, понимаете? Глоссо, к сожалению, есть сестры, которые только так... исполнители приказаний. «Дай то» — даст, «дай это» — даст, а сама даже не смотрит, что делается в операционной. Я... понимаете, беда-то в чем... Вот не могу я... Даже отметку ставишь девчужке... Думаешь: живет там она где-то в общежитии или у какой-то бабушки на квартире, получает не так много, бежит на занятия, опоздала. Все вот говорят: почему ты пускаешь опоздавших? Ну, посмотришь: зайдет такая несчастенькая, и думаю — ладно, пусть заходит...

За войну, за целую свою жизнь на войне, Герасимов сделал 18 тысяч операций. Это ему товарищи по медсанбату такой итог подвели — после, когда все кончилось.

— Вы знаете, кого оперируешь, — того и любишь. Я никак не могу забыть одного раненого. Лежит солдатик... А мы даже гимнастерку не снимали, некогда было — закроем стерильными простынями, ногу обождем йодом и оперируем. И вот он у меня спрашивает: скажите, доктор, я тяжело ранен или легко? Кость у меня повреждена? Я говорю: милочек, к сожалению, повреждена. Он какой-то симпатичный такой мальчишка, отвечает так спокойно: ну вот и хорошо. Я говорю: чего же хорошего? Ведь кость-то долго будет срастаться. «А может, я останусь живой...» Я говорю: милочек, думаю, что останешься живой, война-то уже на исходе... Ну, а сестра тут одна говорит: ты что, боишься, что ли? Он говорит: да нет, я не боюсь, я уже много раз ранен... Я откинул простыню... А в то время уже давали нашивки за ранения... так у него нашивки шли от погона до кармана — штук восемь. Я говорю: «Слушай, а ордена есть?» — «Нет, говорит, доктор, нету». Я говорю: «Ну а медали?» — «Стыдно сказать, доктор, нету», — отвечает. Понимаете, как получается — он герой, без сомнения герой, и мы перед пехотой должны стать на колени и поклониться ей. Но его ранит — в госпиталь пошлют, может, наградной лист есть, но он ходит где-то, не находит его. Орден... ну, орден-то много и у меня, слава богу, и у других, но есть люди, которые вот не награждены. Так получилось, но они герои, они истинные герои, которые войну тащили на себе.

Пять раз Герасимов выходил из окружения и вел за собой сначала роту, а потом батальон. Он воевал на передовой первые полгода — так уж решил его судьбу страшный бой, когда кроме него командовать стало никому. Тогда никто и не вспоминал, что он врач...

— Александр Николаевич, в открытке, которую мы получили от Тамбеева, вашего фронтового товарища, и из которой, собственно, о вас узнали, он рассказывает о совершенно исключительном случае. О том, как однажды вы убитой женщине сделали кесарево сечение, — это было?

— Вы знаете, это я вышел из окружения, это было после Полошки. Знаете, что такое — движутся беженцы? Кто везет коляску, кто гонит корову, кто просто на тачке везет старика какого-то. Отца или деда — тут не разберешься. Вся дорога от начала и до конца забита. И вдруг кричат: «Воздух!» Налетели немцы. Они методично это делали, на бреющем полете: и-и-и-пах-пах-пах. Ну, земля всегда скроет от смерти. Я упал в воронку,

рядом со мной еще кто-то. Вдруг слышу, как говорят, душераздирающий крик. Соскочил, смотрю: женщина, у нее волос черный, длинный волос, и, ну... в общем — все, мертвая уже. И смотрю, живот у нее какой-то большой оголился. Я стою, еще не могу все осознать, а мне кричат: ей нужно вскрыть живот, вскрыть живот. Я не знаю, кто мне дал перочинный нож... я, значит, перочинным ножом — раз! Вытащил ребенка. Обрезал пуповину, и тут женщина одна, полная такая... Наверное, она знает это дело... И вот ребенка она взяла на руки, по попке его похлопала, что-то во рту у него поковыряла, и он заплакал, заплакал...

— Кто был, девочка или мальчик?

— Вы знаете, честное слово, не знаю, не знаю... Черненькие волосики были, почему-то у меня мелькнула мысль: как мать, как мать...

КУДИН

Дом для престарелых и инвалидов на Семи Ключах... Решетская, 55... В его просторном вестибюле я очутилась в «час пик», после завтрака. Потом рядом со входом в столовую увидела линии фотокарточек — «Они сражались за Родину» — и быстренько пересчитала: тридцать одна... Ну конечно же! — он был в самом центре. Кудин Владимир Иванович, бывшая 369-я Карачинская дивизия. Через два дня он позвонил мне по телефону и добавил: Краснознаменная...

— В каких войсках вы были?

— Станковый пулеметчик. Мы стреляли до тех пор, что наш пулемет, как паровоз, пыхтел паром, вода кипела в кожухе! Вот тогда меня наградили, получил первую медаль «За отвагу». Ведь все не расскажешь, со дня на день не расскажешь. Ну вот, меня уже ранило 24 ноября... нет, октября... Оторвало мне ногу ниже колена. У меня были пакеты, бинты, сам же все перебинтовал... Когда мне оторвало ногу, я домой не писал об этом. Мать даже не знала. Когда вернулся с фронта, на протезе... мать до вечера все ходила, косилась, смотрела. И уж спать ложиться — так она еще выглядывает в дверь, что я буду делать. Как увидела, что снимаю протез — вот она уже закричала, заревела. Ну, ничего — обошлось. Поплакала, поплакала — уговорил: на то фронт, война, ладно хоть живой пришел... Жил я в Тугулымском районе, работал в леспрохозе — сначала плотником, потом пилотом, электромехаником. У меня сила была и ловкость, ничего мне не страшно, здоровье было хорошее. На одной ноге поступил плотником, строил дома, таскал бревна. Что здоровый мужик, то и я — таскал одинаково, роли никакой — лазил по стенам, как кошка. Конечно, сейчас не залезти уж мне, а раньше лазил. Даже народ удивлялся. Ну, надо было после фронта где-то мне приютиться, надо было начинать с чего-то жить. Семья, дети вот пошли — шестеро их у меня. А в лесу работал — снег такой был... Где ползешь, где идешь. Работал, работал...

— Ну, а здесь как у вас жизнь протекает?

— Живу хорошо, по силе возможности работаю на общественных началах. Образовали мы тут небольшую ферму, за год сдали для общего питания две тонны весомсот килограммов свиного мяса. И приплод получили 37 штук поросят, да еще сколько поросят персоналу продали. Привык, доволен всем: кормят хорошо, ни один не похудел, уже в кожу не влезает. Государство кормит хорошо, обиды нет на это дело, ну я старался — Продовольственную программу выполнял (смеется). Чистенька постель всегда, спи, сколько влезет, никто не будит (смеется).

— А можно посмотреть на ваше хозяйство?

— Можно, но в родильное отделение не запуску, нет.

— А если я халат надену?

— Хоть что вы надевайте, но есть люди — урочат.

А у меня там маленькие дети, маленькие поросята...

— Я знаю, что нельзя охат.

— Хоть что ты знай — не запуску.

— Я не глазливая.

— Сказал — не запуску, обижайся — не обижайся. Даже директор — и тот не обижается на меня. Его, если пускаю, — заставляю по старинке спичку в зубы взять.

— Горящую, что ли?

— Нет, нет, не горящую, не горящую (смеется)... такую, натуральную спичку, чистую...

Я уходила из дома Кудина длинным, чистым коридором. Обменялись с Владимиром Ивановичем телефонами, адресами.

— Где-то нонче сосед пообещал сделать скворечников, чтобы скворцы у нас тут приземлились. Это надо, птица хорошая, поет шибко хорошо, на всякие голоса...

СУНЦОВ

...Жена увела его в соседнюю комнату:

— Все в порядке, все в порядке, ты не волнуйся, мы просто поговорим о тебе. Не плакать! Подожди, я тебе сейчас дам лекарства. Не нервничай давай...

— Со Сталинградского фронта он пришел домой в декабре, а сам в этой, как она называется... пилотке. Мороз крепкий — градусов, наверное, около сорока, а он в этой пилотке и английская на нем шинелка. Вот в этом он ко мне пришел со Сталинградского фронта. Я все сохранила. Сегодня вытащила из чемодана вам показать. Ложка сохранилась с надписью ЛГ — это мое имя.

Его ЛГ — Людмила Григорьевна — белехонькая. Неумолимая седина...

— В сорок восемь лет такая стала, все ведь на мне сказывалось, я же человек... Он ведь остался в земле закопан. Его контузило, землей засыпало. Он на привязках лежал долгое время, у него же ноги-то были отбиты. Вот такого я, значит, в двадцать четыре года получила мужа... Я работала бухгалтером в Кайтаске, и когда мне его привезли, я обратилась к врачу. Он мне говорит: «Знаете что? Его нужно в одиночество». И вот я пошла просить директора, чтобы меня отправили на сенокос. И увезла его в одиночество — в лес. Кругом — лес... Совершенно ничего не слышал. Потом трясло его, здорово трясло, ой как трясло! Если я на работе, мама бежит за мной... У меня мама была очень строгая, она ставила вопрос так: раз муж — значит, муж. У двух сестер вообще мужья не пришли. Одна у меня с пятерыми осталась сестра, другая — с двумя, а я, значит... У меня дочка была первая — умерла, потом вот эта народилась. И он сам принимал, между прочим, роды первого мая. Шла демонстрация, я начала рожать — куда побежишь? Сам принимал...

По правую руку от Людмилы Григорьевны — Тамара, их дочь.

— Первого мая как раз день рождения, а девятого мая мы ее чуть не задавили. Как объявили, что День Победы — знаете ведь, что было, ой, что было, ой, радости-то! Кто ревет, кто поет, кто играет — жутко что было! Ну вот, и один товарищ чуть на нее не сел. Я говорю: да там же ребенок!

Василий Семенович притих в другой комнате — может быть, уснул. Тамара говорит:

— Рассказывал, как они отражали танковую атаку. Он же был в отдельном истребительном противотанковом дивизионе. Танк плясал над ним, крутился. Еще бы раз прокрутился — он бы уже не встал из окопа. И когда встал, ему сказали: «Комбат, у тебя пилотка на волосах стоит». Так это было страшно... Больше всего вспоминает, конечно, Сталинград, Орловско-Курскую дугу и Белоруссию. Особенно Белоруссию. болота, болота, болота... Папа, ведь, собственно, вообще мог не воевать.

— У него бронь была?

— Да, бронь.

— В Сталинград он поехал. Пришел и говорит: «У меня командировка в Сталинград, я должен ехать». Я говорю: «Нет!» — «А у меня уже билет куплен»... Уже после войны он прошел полностью весь путь, каким они шли. Нашел даже свой окоп на окраине Волгограда. Рассказывал,

как подошла к нему женщина и спросила: что вы здесь, мол, ищите. Он ей сказал, что вот... Женщина заплакала... А когда приехал сюда обратно — сразу свалился почти на три месяца. Невропатолог от него двое суток вообще не отходил. Он только спросил его: «Где ты был?» — «В Сталинграде». — «Ну, тогда все понятно...» Даже врачи поражаются, сколько в нем энергии... Он падает и тут же встает. Час сорок, самое меньшее час, делает зарядку для того, чтобы только ему встать. И всегда говорит: есть люди, которые хуже нас живут. Почему я должен требовать того или этого? Он всегда стоял в очереди, вот только когда прикрепили к магазинам, стал пользоваться льготами... Говорит: что ж я вас мучаю? А потом тут же шутит: к девкам поеду, в деревню, девки там меня ждут. Я ему тоже шуткой: давай-давай — я тоже замуж выйду. Надо же чем-то развлекать его. Вот такие у нас дела. Морковь садим, свеклу, картошку. Картошка, значит, у нас есть на свою семью, а остальное весной сдаем государству. Я не ставала на базаре ни с одной картошкой. Все мы сдаем. Вот в этот раз наняла за десять рублей машину, дочка съездила в совхоз, в Златогорова, там приемный пункт. И сдала четырнадцать мешков. Разгрузили прямо на ферме, скот кормить нечем было... Мы не гонимся за деньгами, у нас вся семья такая, наверное. Вот мы — два пенсионера... Я получаю 57 рублей. Не густо? Ему дали первую группу — 145 рублей. Дочка зарабатывает — вот так и живем. За коврами, за мебелью, за стенками не гонимся, сами видите в нашей квартире... видите только чистоту. И все. Знаете что? Я считаю, что вот сейчас для меня нет ничего ценнее мужа. Приходится просто-напросто беречь его. А берегу для себя...

— Василий Семенович, я уйду, до свиданья, поправляйтесь.

— Скоро поправлюсь, на работу пойду, — он снова находит силы на шутку. — Я бы хорош был — сам бы все лучше рассказал...

— Вам не надо это вспоминать, не надо. Мне Людмила Григорьевна и Тамара рассказали, они все помнят...

ОРЕХОВ

Орехова Ивана Сергеевича, бывшего бойца полковой разведки, я высмотрела в коридоре перед кабинетом участкового врача. Дверь в кабинет открывалась, выпускала или впуская кого-то, — и он вытягивал худую шею и напряженно вслушивался. Дверь закрывалась — и он застыл на своем стуле. Во всей его фигуре, в добрых, часто мигающих глазах, были готовность, согласие.

— Мне было семнадцать лет и шесть месяцев... И вот поехали мы на фронт. Стояла... сорок первая, по-моему, эсэсовская дивизия «Великая Германия»... Вначале страшно было. Каждый разрыв — просто боль в душе. Молодежь опыта, конечно, не имела. Пожилой — если снаряд разорвался рядом — он не бежит. Тут же — раз! — в эту ямочку, и копать не надо. Как клоп, извините за выражение (смеется). Молодежь наоборот — если здесь разорвался снаряд, то он думает: здесь убьет — бежит туда. Ну, а когда бежит, его ж видно, можно под снаряд попасть...

Мы сидим с Иваном Сергеевичем в нетопленном доме. Девять часов вечера, он только что пришел с работы из своей сапожной мастерской, где его, обувщика с 28-летним стажем, назначили сейчас замещать заведующего. Среди фотокарточек, среди военных и гражданских наградных листов — спичечный коробок. В нем завернутый в несколько бумажек (так прячут детям подарки) ржавый осколок с острыми краями. На последней бумажке крошечными буквами: «12 марта 63 года извлечен осколок хирургом Шигориным Борисом Константиновичем, остатки после ранения 17 ноября 44 года».

— Я посмотрел когда на осколок — вспомнил, когда вот, значит, ранило... Меня мысль первая сразу ударила: ну, неужели это все закончено, закончена навряд жизнь — когда прошло осколками... Вот... И сразу так

быстро, моментально, от самого детства и до настоящего прошла, понимаешь, жизнь. Все вспомнилось сразу. Думаю: быстро-то как... Когда демобилизация подошла, замполит Баталов, майор, до самого вокзала проводил, все уговаривал: оставайся на сверхсрочную. Оставайся на сверхсрочную, будешь офицером. Я ему сказал: я еще жизни не видел, хочу посмотреть ее.

— И какую же вы увидели жизнь?

— Ну как — разнообразную. Работать я сразу устроился. Через две недели. Трудность насчет квартиры была, по квартирам походил я около 16 лет. Я после армии сразу пошел в райисполком. Посмотрел, полно женщин многодетных, все они без жилья, ладно, думаю, перебуюсь. Сейчас вот комнатешка, правда, неблагоустроенная, но светлая... Ну, и работаю, значит...

— Сегодня, признавайтесь, вы две смены отработали? Я у вас сегодня была вечером в девять часов.

— Ну, так задерживаться приходится, когда надо... Ну, как бы сказать... Когда занимаешься работой, не замечаешь, как улетает время...

УДИЛОВ

За проволочной оградой, опершись на лопату, стоял на вскопанной грядке человек в смешной самодельной панаме и глядел, как наш «газик» пристраивается на стоянку к воротам его дома. Улица Трудовая, 33, поселок Верхнее Дуброво. Я представилась, назвала, как пароль, имя его однополчанина, давшего мне адрес, и переступила порог дома бывшего командира орудия Григория Яковлевича Удилова.

— Тогда, знаешь, как спешили. Оно шесть месяцев надо бы учиться — а там быстрее, быстрее, скорей на фронт, надо людей. Меня ведь спрашивали: куда ты желаешь — или на фронт, или в тылу здесь работать. Я говорю: куда пошлете, значит...

Семь раз был тяжело ранен Удилов — в голову, в ноги, в грудь — и все равно возвращался на фронт.

— Наумов Александр Петрович — вот он меня спас. Вот немец, значит, пикирует на нас и бомбы опустил. Они летят, визжат... Упала куда-то бомба, да не так далеко от пушки. Пушку-то убрало воздухом — метров на 20, значит, с места. Что-то она две тонны, что ли, весом, пушка-то, да. А тут рядом штабель лесу — пушку-то убрало, а это все на меня. Ну меня и прижало. И вот слышу: по мне где-то кровь льется — просто так и булькает. Память не вышибло, а душит. Потом как-то головой пошевелил, и у меня земля-то просыпалась сюда, сверху-то, мне как вроде облегчило дыхание. А это Наумов Саша растаскал бревна-то, он здоровый парень, растаскал, узнал меня: Гриша, ты? — говорит. А я выговорить-то ничего не могу, у меня изо рта, из ушей кровь подалась. Он взял меня под мышку — и к санитарам, только притащил — опять налет... А соловьи как поют там! Они не считают, что война, люди погибают. Ой, как они там!.. Как мы из госпиталя шли... в новый полк шли из госпиталя, и вот остановились ночевать — тут деревушка такая небольшая — а соловьи заливаются, поют. Думаешь: вот птичка-то, она ничего не знает, а ты куда идешь и что будет завтра из тебя?.. Дома ребятшки, мать-старуха, жена, она техничкой работала, у нее трое иждивенцев на руках, а у ней тридцать рублей оклад был — ну что? Куда деваться-то? Ну ничего, все пережили, все пережили. И не должны мы никому — ни живым, ни мертвым. Все, что с нас требовалось, — все мы сделали...

Как поспеть за ними хоть в чем-то?.. Вот хоть Кудин... Это надо: подсобное хозяйство развел! Одноногий! С ежедневным давлением за двести, с подлой бронхиальной астмой! А я не сумела фильм «пробить» о его последнем подвиге... Бывший начальник сказал мне: «Неактуально» — и я ничего не смогла сделать. А сейчас было бы «актуально», да еще как! Но Кудин умер...

Спасибо, что есть эти страницы...

ВОСТОРЖЕННЫЙ

Повесть

Роман СОЛНЦЕВ

Рис. Анны Метелевой

БЕГЛЕЦ

Продолжение. Начало см. в № 1.

Мы предполагаем, а жизнь располагает.

Вдруг пришла телеграмма: «СРОЧНО ДВЕСТИ ВЕРНУ ПРОСТИ УСТЬ-ИЛИМ ЗАРИ ПЯТЬ АДРЕС УНИЧТОЖЬ КОСТЯ». Это случилось тридцатого, уже в самый канун Первого мая. Наверное, назанимал мужик, чтобы подкинуть жене, а теперь сидит на бобах. Деньги я ему, конечно, тут же послал телеграфом, и хоть просил Костя, чтобы я уничтожил адрес, я все же переписал его, на всякий случай. Ишь куда человека занесло! Видно, неловко возвращаться на БАМ... Сорвала игру Люся!

Но зачем он в Усть-Илим? Что там, на Ангаре? Глухоманы! Я несколько дней читал подряд все газеты и наконец нашел — строительство Усть-Илимского целлюлозного комбината! Стройка стран СЭВ! Немцы и венгры, болгары и русские! Описывалась свадьба — венгр женился на русской девушке. Цветы летели под ноги молодоженам... Мне даже показалось, что Костя чем-то похож на венгра, но это было слишком.

В праздники я хмуро валялся дома, и поскольку отдал Тане при разводе все, кроме книг по физике, слушал, как за стеной у соседей говорит телевизор. Судя по программе в «Белоярском рабочем», передавали фильм о войне. Там стреляли, били стекла, кричали «Ура!..». Потом наступила тишина. И я мог только догадываться — сейчас целуются... или ползут разведчики... или кто-то умирает... а может, просто выключили телевизор.

Таня, конечно, не звонила. Сын тоже.

Я сам набрал номер шефа, поздравил с Первомаем. Потом мне позвонил Серега-отличник. Поздравив с Международным праздником солидарности трудящихся, он спросил, нет ли у меня книги воспоминаний об академике Тамме. Он знал, что я достал ее, но у меня еще месяц назад взял почитать директор и не отдавал. Жаловаться было бы смешно — Серега мог распустить слух, что я нарочно не требую книгу обратно, как бы намекая шефу, что он может зажить ее взамен на некие благодеяния. Разве мог понять Серега, что эту потрясающую книгу я не отдам никому, ни за что. Там есть одно грандиозное место — я всем читал его по телефону в первые дни, как только сам заполучил книгу. (К слову сказать, узнав, что я развелся, ко мне подобрали все девчонки в Академгородке — в столовой и даже в книжном магазине, где с учеными ниже доктора наук вообще не разговаривают! Там работает уже упоминавшаяся Неля Гофман, та самая, перекупщица, тонкая, гибкая, в черных кожаных брюках, язвительная, с ярко блестящими черными, намеренно узкими глазами — она была бы похожа на корейку, если бы не была такой белой, с рыжими волосами веером, как у Анджели Дэвис...) Так вот, в книге имеется великолепный эпизод в воспоминаниях Е. Л. Фейнберга: «Как ни покажется невероятным... даже в 30-х годах у нас встречались титулованные ученые, считавшие электромагнитное поле проявлением механических движений эфира. Особая трудность ситуации заключалась в том, что они утверждали, будто всего этого требует диалектический материализм, и... им верили люди, не знавшие физики... Игорь Евгеньевич сказал: «Существуют вопросы, для которых нет осмысленного ответа, например, вопрос, какого цвета меридиан, проходящий че-

рез Пулково, — красного или зеленого?» И вот академик В. Ф. Миткевич громко произнес: «Профессор Тамм не знает, какого цвета меридиан, на котором он стоит, а я знаю — я стою на красном меридиане».

— Слушай, — не унимался Серега Попов. — Кому же ты отдал книгу? Наверное, женщине? Когда же я получу?!

Будучи занудой, он не понимал неопределенных фраз — например, я скажу ему: через несколько дней... ему надо было отвечать конкретно. Я и брякнул:

— Через столько дней... сколько... сколько дырок в ремне у Татьяны, которым она подпоясывает свою замшевую куртку.

Я курил, валялся еще минут десять, как Серега позвонил.

— Что, уже сбегал — сосчитал? — язвительно предположил я.

Оказалось — да. Он, правда, случайно встретил мою бывшую жену возле продуктового магазина и под каким-то предлогом попросил ремень — очевидно, сказал, что хочет своей жене купить такой же, но почему-то стал при этом считать дырки и, забыв — восемь, — вернул. Таня, удивленно, как я могу себе представить, посмотрела ему вслед.

— Кстати, привезли молоко, — добавил Сергей, и я решил сходить за молоком. Сунул в карман авоську и побежал. Может, еще успею купить. А возможно, мне захотелось увидеть, хотя бы в толпе, Таню.

Но в магазине ее уже не было — вместо себя она в очередь поставила сына, высоченного нашего мальчика. Мишка, увидев меня, смутился, стал сутулым, как верблюд, кивнул, оглянулся — матери нет — и протянул мне вялую руку.

Я пожал руку мальчику. Да и не мальчик он уже был — взрослый юноша, лермонтовские усики придавали ему вид бесшабашного прожигателя жизни. Но Мишка, по сути, был очень скромный и робкий человек и к тому же комплексовал — все его дружки вымахали ростом еще выше, и главное — была не ниже его Светлана Иванова. А Светлана ему всегда нравилась.

— Ну, как? — спросил я. — Будешь госы сдавать?

— Ну, — буркнул он.

С нами все здоровались:

— Здравствуй, Витя!.. Привет, Мишенька!.. Ой, как они похожи! Заходите в гости, ребятки!.. — Люди улыбались, кто-то радуясь чужому горю, а кто-то все-таки жалея нас.

— Как маман? — спросил я небрежно. — Много там рыцарей со шпагами?

— Валера все ходит. Ничего чувак, может.

— Что может? И кто такой чувак?! — разозлился я вдруг и выдернул сына из очереди, оттащил за железную ограду в березник. — Почему ты ботаешь на таком жлобском жаргоне? И что он может?

— Все может, — тихо ответил очень серьезный сын. Глаза у него покраснели.

Я вздохнул и опустил голову. И мы, забыв про молоко, побрели по сохнувшим желтым прошлогодним листьям.

— Куда думаешь поступать? — спросил я. — На био или на физмат?

— Не знаю, — пожал плечами Мишка. И просто-душно признался. — Я рисовать хочу. И еще на тигров охотиться.

— Что?! — поразился я, переводя все в шутку. — Это, может, и я хочу — бегать босиком и ловить тигров!

— А чего же не ловишь? — мрачно спросил сын.

«Совершенно запустил он свои мозги с матерью», — подумал я, озабоченно втолковывая сыну, что труд ученого — самый благородный и нужный стране, тем более что во дворе — век НТР, мы тащим на своих плечах прогресс. Вот взять последние постановления... Я говорил ему, он слушал, и слушал внимательно, но создавалось впечатление, что слушает только одним кусочком мозга, а все существо его живет шумом далекого уссурийского леса, тишиной и опасностью, где по земле бесшумно крадется рыжий золотой усатый зверь.

— Понял? — спросил я, и он кивнул, но я видел — сын уже не мой, и если только в нем не работает инерция — все-таки дети ученых идут в институты, — если не остановит страх перед неизвестным, убегит мой Мишка ловить тигров или рисовать на вокзалах цыганок за три рубля лист.

— Ты че? — заботливо тронул меня мой сын за руку. Все же, видимо, почувствовал, что мне плохо. — Ну, пошел? А то молоко прозеваем.

Я забыл про молоко, а он помнил. Я повеселел. Все-таки, видимо, пойдет учиться, никуда не денется. Мы как раз успели — я купил три литра, а он шесть — для творога, и мы разошлись.

Когда мы были уже в метрах пяти друг от друга, нас окликнула Светлана:

— Эй! Привет!..

Мой сын вспыхнул, как дитя, застигнутый за воровством конфеты.

— Подожди! — Красавица в белом платье приближалась.

Естественно, остановился мой сын, а я потащился к дому, но оказалось, Светлана махала мне (или, будучи уже взрослой коварной девицей, на ходу переиграла, чтобы сильнее уязвить Мишку, войти в его сны):

— Подожди, Виктор Михайлыч!..

Очень тонко она вышла из положения: вроде и запанибрата, и все-таки по имени-отчеству. Я проводил взглядом уничтоженного сына — даже не поздоровалась с ним, зараза! — и, сделав озабоченное, взрослое лицо, повернулась к Светлане.

— Витя, — нежно протянула она. — Дядь Вить... Прямо не знаю, как обратиться...

Да, она уже была взрослая девушка, ну, что вы хотите — второй курс. Может быть, взрослее, чем мы думаем, черт их знает. Уверенная улыбка, грация в каждом движении. Туфельки тоже белые. Одета изысканно, как кинозвезда. Папаня старается на стройках социализма и мама тоже.

— Зови Витя, — согласился я, видя, как она изменилась. Я-то явно регрессировал — вернулся в связи с разводом в юнцы. — Ну? Что?

— Слушай. — Она приблизила свое лицо и шепотом спросила: — Это правда, от папы была телега? — От нее пахло конфетами, духами «Мисс Диор» (продавали на днях — сорок рублей флакончик), черным кофе, сигаретами. Она заговорщицки замигала. — Ага?

— Д-да ты что?! — сделал я вид идиота — выпучил глаза и открыл рот. Обычно в детстве я вот так и отвечал, когда не желал отвечать, и на меня махали рукой.

— Не надо, Витя... — шепнула мне Светлана. И, поцеловав щеку возле уха (даже прохожих не стеснялась, чертовка! А я, кажется, покраснел), продолжала: — Мне Нинка сказала... с почтой...

«Да уж, фиг в нашем Академгородке сохранишь тайну!..» — подумал я.

Я пришел домой, попил молока с хлебом, не поднимая трубку с телефона — он звонил непрерывно, когда я вошел. Наконец, усевшись возле окна и глядя на вечернее небо над сопкой, как на сдержанный пожар (длина волны света 720 ангстрем), снял трубку. Звонила Таня:

— Виктор? Я тебя прошу впредь!.. Он ревет как маленький. Что ты ему сказал?

— Ничего, — растерялся я. — Мы только...

— Для ваших встреч есть понедельник, — отрезала Таня. — И все. И не надо.

— Таня! — вскричал я. — Скажи! Тебе не нужен психиатр?

— Мне?! — Она секунду помолчала. — Почему ты?..

— А мне? — спросил я.

— Тебе? — Она могла, как почти любая женщина, тут же с мстительной радостью использовать этот вопрос — ответить, мол, конечно, вот тебе он и нужен. Но Таня была все-таки хорошая женщина, хоть и меркантильная. — Ты что... болен?

— Я не знаю, зачем мне жить.

— Делай диссертацию! — отрезала она. — Работай как все! Есть же какие-то общепринятые!.. (Ценности — она имела в виду.) Старайся! О, надо было мне раньше оторвать от тебя... (Мальчика — имела она в виду.) Он стал получать четверки! Это перед выпускными!..

— Да, надо было оторвать, — согласился я.

«Прощай навеки! — подумал я в который раз о Тане. И с усилившимся раздражением вдруг вспомнил о Светлане. — Эгоистичная пустая девчонка! Прыгает, как кузнечик, сама не знает, чего надо! И мальчика моего мучает! Мишу! — Жуткая жалость и любовь к этому нелепому существу потрясла меня. — Чем мне помочь тебе? Деньгами?..» Он не возьмет. Наверняка дал матери слово. Ходит в голубой врани, трижды штопанной, вроде Кости Иванова. Надо бы ему купить вельветовый костюм! Сейчас вельвет в моде. Кто этими делами занимается? Конечно, моя милая книжница... Среди ночи я позвонил Нелке.

— Ау! — сказал я.

— Уа! — ответила она. Это означало, что она плачет без меня.

— Нужен срочно вельветовый костюм моему сыну! — нарочито грубо и прямо заявил я.

Неля не обиделась. Ей нравился такой жесткий разговор. Мужчина звонит.

— Двести пятьдесят, — сказала она без промедления. — Через два дня будет.

— Двести пятьдесят? — ахнул я, но, чтобы не терять марки, небрежно бросил: — Я думал — четырехста. — И пробормотав из пижонства: — Я тебе позвоню на рассвете, — положил трубку.

11.

Наступило лето. Кристаллы наши медленно росли. Шеф уехал отдыхать в Югославию. Вова, прихватив в библиотеке Циндерона и повесив на грудь оловянный крестик собственного изготовления, ушел

на месяц пешком в Саяны. Я один остался, без лаборанта и без руководителя, сам себе лаборант и сам себе руководитель. Мне был обещан золотой месяц — сентябрь. Но еще столько ждать...

На улице висели белые облака пыли, в них что-то время от времени поблескивало — то ли ветровое стекло, то ли включенная фара, смотреть больно. Зной нарастал, как международная напряженность. Израильтяне охамели — вбивали колышки вокруг себя и вешали свои флаги на чужой земле. В магазинах появилось больше молока, и было оно на вкус уже почти натуральным.

Я сидел в майке и джинсах, опустив жалюзи и шторы на всех трех окнах, в полумраке, и читал «Приключения Робинзона Крузо», время от времени поглядывая на показания приборов на всех семи включенных печах. Особо ревниво я следил, конечно, за режимом внутри печи номер один. Растет чернит, сказал бы мой сын, растет чернит — американцев очернит!

Днем напряжение в сети плясало, но ПИТ вырубал. Ночью оно было более ровным, и поэтому я мог спать спокойно, дома, но я почти не спал — все думал о своей жизни и перечитывал, как заколдованный, одно и то же место в великой книге — про то, как Робинзон увидел на песке след человеческой ноги. Я разглядывал, наверное, в сотый раз рисунок, изображающий этот момент, и ужас охватил меня, как в детстве. У меня же в комнате не было ни одного чужого следа, тем более женского. Только на видное место я положил шпильку для волос — нашел случайно в книге, куда, видимо, вместо закладки сунула ее Таня. Как-то зайдя ко мне, одинокому и таинственному в смысле личной жизни, зануда Серега Попов спросил:

— Запчасти любовницы?..

— Да. — Я подумал, что, возможно, бывает и такое остроумие, и, предугадывая его вопрос насчет книги о Тамме, добавил: — Кстати, этой даме я и отдал о Тамме. Кстати, тараторит эта дама со скоростью ноль целых девять десятых тамма. — Все физики знали, что один тамм — это единица скорости разговорчивости...

Но Серега на этот раз не был расположен шутить. Мутными от раздумий глазами он смотрел на полки с книгами, бормоча:

— Так... программирование, фортран... статфизика... кристаллы, фазовые переходы... — И неожиданно спросил: — Витя, ты доволен жизнью?

Если бы он спросил, не знаю ли я, какой длины усы у тигра, я бы удивился меньше. Он вообще все знал, собирал, обобщал.

— Какой жизнью? — растерянно переспросил я.

— Вот этой! — Серега повел тоскливым взглядом по комнате и по окну, по вечерним облакам и разбухшему зеленому лесу, в котором невнятно что-то кричали или пели. — Вот!

— Почему ты вдруг?! — Я позволил, наконец, удивлению отразиться и на моем лице. — Ты-то о чем?!

— А почему он не возвращается?! Костя. Как так можно! Мы шли одним фронтом... мы даже общий эксперимент придумали. Я бы посчитал, что было там через десять в плюс двадцатой степени секунд! А ему — до лампочки! Ну, Утешев ворчал... да пошел он нах хауз! — Я не узнавал Серегу. — Это все равно что ребенка бросить на вокзале... оставить слепую мать! Бабушку!.. Ну, довели бы опыт до конца — и

красиво ушел! Я знаю, многие выдающиеся физики любят альпинизм... у меня сердце больное, я бы тоже...

Я хотел ответить, что Костя занимается не альпинизмом, видимо, Серега что-то путает, но не стал ничего говорить.

— А вообще, на фиг вся эта наука? — сказал я.

— Да? — Серега задумался.

Послышался рокот — со стороны юга над рекой ползла фантастической синевы и мощи туча. Она вся дрожала от множества мелких молний, она была начинена ими, как карась косточками. Она разрасталась на глазах. И молнии на глазах становились толще и белее. И вот по окнам ударил первый гром, верхний шпингалет щелкнул — был повернут не до конца — и с лязгом опустился, как затвор у винтовки. Я вздрогнул, а Серега забормotal под нос:

— Километры... мили... лье... Да, белье! — Он вспомнил, что жена просила снять белье во дворе, и заторопился. (Сама она побежала к Нелке Гофман что-то менять или покупать. О, вельвет моего счастья!) — Насчет «на фиг». Я подумаю. Может быть, и можно достаточно строго сформулировать и решить задачу, на какой стадии развивающейся системы нужен отвлеченный аналитический аппарат, наука. Да! Интересно...

Зашумел, как лошадь мордой в сене, ливень. Хрустнула молния — аж вздрогнул наш каменный девятиэтажный дом. Мигнул свет, оставленный в прихожей. Я встал, выключил его, снова лег.

В шуме и сопении дождя, в звонах отдельных струй мерещилась сладкая протяжная музыка. Наверное, мой сын сейчас не спит. И вряд ли спит Светлана. И Люся. Между прочим, эта грубоголосая, плечистая, самоуверенная женщина куда добрее душой, как теперь я вижу, чем моя нежная, интеллигентная Таня. Так печально жить на свете. Люся хоть плакала при мне. Таня — ни разу. Всегда свежа, спокойна, чиста, стерильна, как хирургический инструмент. Кем вырастет Мишка? «Беру свои слова обратно». Тьфу! Пусть дети будут лучше...

Среди ночи я, наверное, забылся... Но вдруг ощутил смутное беспокойство — что-то было не так вокруг меня. Дождь продолжался, мешаясь с ветром, гул ветра порой даже заглушал рокот уходящей грозы. На улице стоял мрак. Я вскочил, как ужаленный, щелкнул выключателем — света не было. Вон оно что — мой холодильник на кухне не щелкал. Нет электричества! Мои кристаллы!..

Я, матерясь, одевался — запутался в штанинах, упал, больно ушиб локоть. В темноте не нашел плаща, уронил со столика в прихожей круглое зеркало. О, черт!.. Я побежал через лес напрямую в лабораторию.

Кристаллы могут безболезненно пережить отсутствие подогрева всего несколько минут... да и то только те, которые уже созревают... часовой механизм опустил ампулу с драгоценностью почти до низу печи, где температура сходит на ноль. Но если кристалл еще только в фазе затвердения, висит в середине фарфоровой трубы, где пик жары... неважно, сколько он уже провисел — неделю или месяц — псу под хвост вся наша работа! Надо заново брать порошок, запавать в ампулу, вешать на нихромовой проволочке в печь... Я даже боялся представить себе, что сделалось с нашим трехмесячным чудом — чернитом... ему еще зреть да зреть! А он такой непред-

сказуемый... Сволочи эти электромонтеры! Неужели нельзя дежурить в грозу?! Сколько не было света? Пять минут? Больше? Наш институт стоял в ночи, как черная коробка из черно-белых фильмов о войне. Только в одном окне желтел огонек — наверное, вахтер затеплил свечу.

Я стал колотить в дверь — наконец показался со свечой в руке наш старик в зеленой гимнастерке, Петр Васильевич. Он был напуган, долго смотрел в окно, потом долго возился, отпирая...

— Вы что?! — заорал я, врываясь в институт. — Это я, Виктор! — И пробежал по коридору налево, к себе. Надо было взять фонарик. Ничего, кажется, есть спички.

Я влетел в лабораторию — и в эту секунду засветились приборы. Я почему-то вымыл руки под краном. В дверях стоял вахтер.

— Сколько времени не было? — шепотом спросил я. — Точно!

— С-семь... — тоже шепотом ответил старик. Руки у него дрожали. Он, как бабочку, сдвигал пламя свечки, погасил.

Я сел на стул перед своими печами, серыми трубами в проводах, которые стояли на манер органа до потолка, и принялся лихорадочно соображать: вынуть чернит или уж рискнуть — вдруг да сойдет... А если скачок температуры отразится на его свойствах — например, треснет? Или изменится плотность, появится затемнение? Ему еще висеть месяц. Приедет шеф, вынет его — а там слои, как на бутерброде.

— Что делать, Петр Васильевич?! — спросил я у старика.

— И ведь не позвонили! Из-за грозы, видать! — отвечал краснолицый старик. — Незапланированное отключение! Запланированное будет осенью.

О, эти идиотские запланированные отключения! Зимой в реке не хватало воды, ГЭС не справлялась, без энергии задышали заводы, поэтому раза два отключали ночью весь город. Экономили. Я не знаю, какую экономию с этого имело руководство города, может быть, рублей сто, но только по нашему институту убыток выходит многотысячный. Гибли бактерии у биофизиков. Замерзали дорогие кристаллы... Даже Поперека, начальник АХЧ, соглашался, что почин глупый.

Я закурил, смял сигарету. Вынул из пятой печи кварцевую ампулу с нежно-голубым камнем (рубий кобальт хлор-три) — он все равно уже был готов, покатав горяченькую с ладони на ладонь, но решил не вскрывать — завтра. Зарядил печь очередной смесью и вопросительно посмотрел на вахтера. Никогда не мог решиться — трогать остальные кристаллы или уж пусть висят.

— В карточки сыграем? — предложил старик. Он, видимо, подумал — все хорошо, никто в окно не лазил, пользуясь отключением сигнализации, не украл наши искусственные бриллианты.

— В буру? — печально спросил я, вспомнив, что была в детстве такая игра, название запомнилось — слишком уж смешное.

Старик вдруг зауважал меня, сел рядом, дал закурить «Беломор».

— Да, сынок... бура — это игра веселая... да я уж не смогу... рассеянность одолевает!

Да я, наверно, сейчас и сам бы не вспомнил. «А вот Костя уж точно знает, что такое бура!» — вдруг зло подумал я о своем далеком друге.

— Иди, дед, мне некогда! — сказал я вахтеру и, когда тот ушел, налил себе в стакан спирту.

Медленно светало. Гроза откатывалась, увлакивая посередевшую от усталости тучу.

Идти домой? Начнет звонить Нелка Гофман, а откуда у меня деньги?.. А не поехать ли в деревню, к маме? Сегодня суббота... как раз успею обернуться. Я налил полное ведро воды и поставил на пол, глядя, как на дне играет рябь света. Вот точно так сиял когда-то свет на волнистом песчаном дне речушки Лосихи, впадающей в нашу великую Реку, где мы жили у самого устья...

Село мое на дне морском, бормотал я, вон там. Сидел и курил над ведром с водой, как делал всегда в минуты жесточайшей тоски. Если за этим делом прежде заставляла Таня, я объяснял, что вода впитывает дым, я пекусь о здоровье Тани... Мой отец всю жизнь провел на воде, в длинной — на три волны — лодке. Красноносый, очки облеплены рыбьей чешуей, брезентовые штаны сзади как зеркало, пальцы в черных трещинах — прорезаны сетями. Как пересели в новый поселок, загоревал старик. «И это якобы жизнь?!» Он и раньше, бывало, срывался, пил, а тут будто помрачение нашло — буянил, на крыше спать ложился, не хотел работать. Да и какая тут якобы рыба, орал. Щука? Не рыба, а гвозди в женском чулке! Где хариус нынче, где ленок, где таймень? Где счастье, где вера, где порядок? Помер он, и по настоящему друга отца, Никиты Путятина, похоронили его на новом кладбище, на самой макушке холма — чтобы наш, противоположный, затопленный берег видать. Старик Никита оказался провидцем — новоявленное море стало в непогоду ежиться, гнать огромные волны, рушить берега, подбедать и подкрадываться все ближе — пришлось целую улицу заново перетаскивать от воды подальше, а потом и край кладбища. Так и двигалось теперь мое село, пятясь от водохранилища к городу, да и город, расширяясь, шагал в тайгу, к моему селу. Между ними высились плотина, питавшая светом окрестности. К слову, мы как-то подсчитали на ЭВМ — если не дай бог стукнет по плотине метеорит из космоса или еще что, родится вал воды высотой в сто сорок метров и весь наш город снесет. А ведь кто-то утверждал проект? Мой шеф однажды обмолвился — лично он предлагал строить ГЭС ниже города, в двухстах километрах — обошлось бы на пятьдесят миллионов дороже, но зато Река бы в городе зимой замерзала, не парила, люди бы не болели, да и опасности вот этой не было... Интересно узнать, где сейчас эти люди — авторы проекта? Мой отец, помню, долгие годы записывал в тетрадку фамилии всех-всех браконьеров, вплоть до высоких начальников, кто, по его мнению, шел против народа, против совести. «Вот отправлю в ЦК!» — грозился он, потрясая тетрадкой в коричневом коленкоре, сверкающем от чешуи. Бряд ли послал... Но ведь прав был отец — если мы прославляем хороших людей, почему не позорить плохих? Нарисовать портреты проектировщиков на здании этой ГЭС...

Я слил воду из ведра, выключил свет, запер лабораторию и побрел домой, обходя на асфальте белые, словно молочные, лужи. Почтальон Валентина с тяжелой сумкой на животе несла почту.

— Вам, — протянула она телеграмму.

«Господи!.. — Все обмерло во мне. — Не от мамы ли?..» После смерти отца я стал бояться телеграмм.

Нет, телеграмма была от Кости: «ДЕНЬГИ ПОЛУЧИ ГЛАВПОЧТАМТЕ ТАМ ДАЛЬШЕ И ПИСЬМО НАШИМ НИ СЛОВА ОБНИМАЮ КОШТА ГОМЕШ».

Я пожарил яичницу, разглядывая телеграмму. Она была из Тувы. Из Тувинской автономной республики. Ничего себе, носит человека — с востока на юг страны! Бич. Бездельник. Я поел, порвал телеграмму и, глянув на часы, поехал в город.

Он перевел мне двести шестьдесят рублей. Поразмыслив, я понял: шестьдесят — это проезд на БАМ. «Точным стал!» — еще больше озлобился я после беспокойной ночи.

— Должно быть еще письмо, — сказал я девушке, которая сидела за буквой «Н». — Посмотрите — Нестерову.

— Пишут, — отвечала девушка.

«Вот! Я еще должен теперь сюда ездить, ждать письмо!» — все больше распалялся я. В переполненном автобусе вернулся в Академгородок, и только вошел домой — ко мне постучалась Люся, в белой юбке, белом пиджаке и рубашке, с коротким синим галстуком. Лицо у нее было мятое, мучнистое, видно, тоже плохо спала.

— От Кости нет ничего? — буркнула она.

«Узнала от почтальона, — понял я. — А чего мне врать?»

— Прислал деньги. В телеграмме было — Тува, проездом.

— Правильно, Тува. — Люся, не моргая, смотрела на меня. — Я все больше вижу — ты очень порядочный, Витя. Я тебе верну Таньку, вот собакой буду!

— Не надо, — тихо сказал я. — Не надо мне Таньку.

— Как хочешь, — тут же согласилась она, занятая, конечно, своими заботами. — А он честный. Молодец. Возвратил долг.

— За проезд, — уточнил я, проверяя, сказала ей Светка про первую телеграмму насчет денег или нет.

— Вот! Я не догадалась, а он...

— Я бы у тебя не взял! — Было ясно, что Светка молчала как рыба. — Да и у него... Но раз уж прислал... Могу тебе отдать!

— Да ты что, смеешься?! — вдруг заплакала Люся. — Издеваешься?! Вы же, правда, меня все куркулихой считаете?! Будто я толкнула на пагубный путь! Я получаю двести — разве нам с дочкой не хватает?! Да она сорок рэ стипендии! А я училась — двести старыми получала! И все! И ничего — выросла! Где директор? Где парторг? Все в отпуску! Я больше не могу! — Она достала из сумочки сложенный лист бумаги.

— Ты что, заявление принесла?! — испугался я. Еще не хватало ей сейчас развода. Или отречения от мужа.

— Возьмите!.. — Люся протянула бумагу. Я развернул. На ней было написано следующее: «Ввиду того, что я не смогла оказать должное положительное влияние на своего мужа, Иванова К. А., который сейчас работает на различных стройках страны не по специальности в связи с необходимостью улучшения своего физического состояния, прошу вывести меня из состава профкома института и снять с меня все общественные нагрузки, как-то: Фонд мира, общество трезвости, общество «Знание», из-за отсутствия моральных прав с моей стороны...» и т. д. Я читал это безумное, тоскливое послание, которое, разу-

меется, не стали бы всерьез принимать в расчет ни директор, ни парторг, а Люся села на стул и разревелась, совсем как простая деревенская баба.

«Господи, — думал я. — Женщины наши милые! Зачем наукой-то занимаетесь?! Зачем лезете в руководство?! Рожали бы, воспитывали детей. Вы не нам — себе, себе делаете хуже! Вы и докторскую можете защитить, и академиками стать... только надо ли?! Кому что доказываем?!»

— Я передам, потом, — сказал я, понимая, что ей нужно отдать эту бумажку хоть кому-нибудь, сбавить с рук и успокоиться. — А сейчас иди и работай.

— Я правильно поступила? — спросила Люся, вставая и утирая тяжелой кистью в веснушках мокрое от слез лицо. — Да?

— Ты поступила как настоящий хороший работник, — произнес я идиотскую фразу, наверняка слышанную в каком-нибудь кино. — Иди, Люсенька. А если что будет от него, я тебе передам.

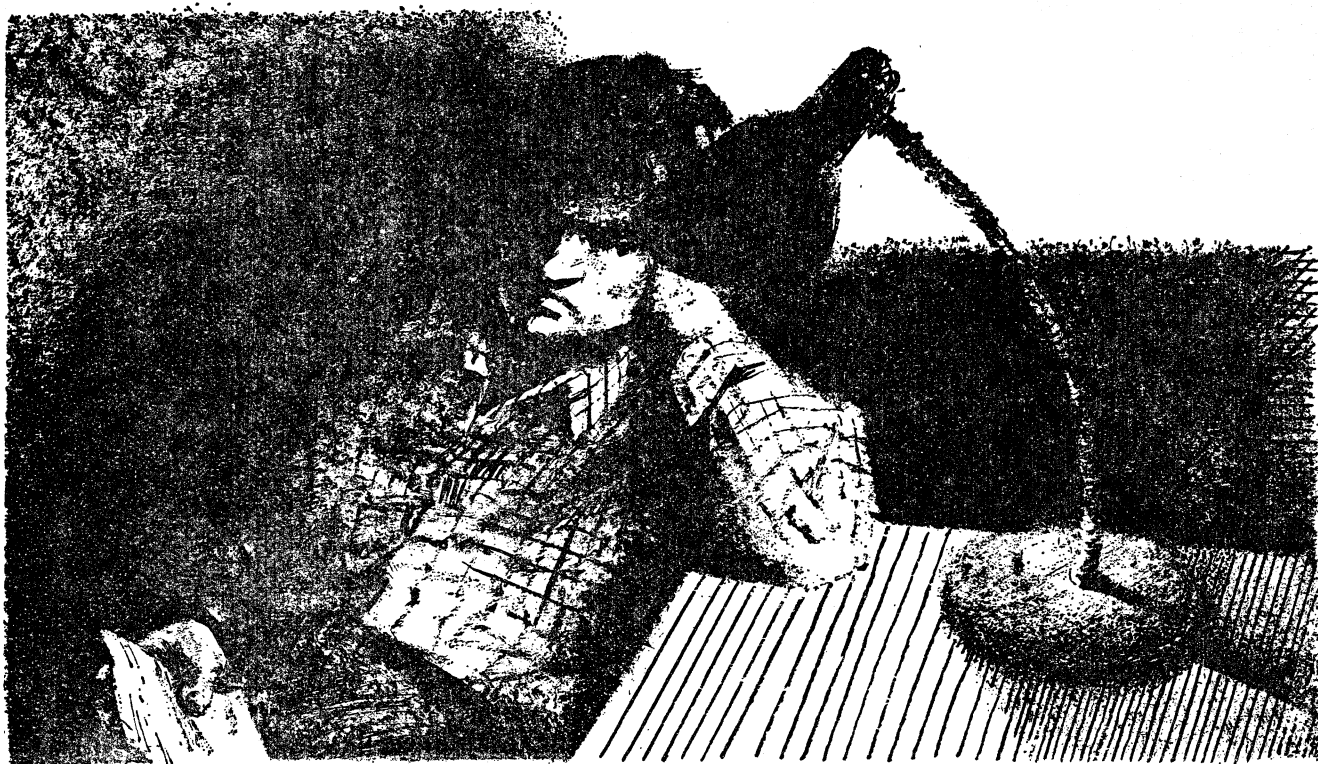
Она обняла меня, поцеловала. Не хватало еще, чтобы в эту минуту ко мне заглянул кто-нибудь из соседей.

— Эх, Татьяна! Это я, я виновата... — прошептала Люся и выскользнула, прикрыв бережно дверь за собой в знак уважения ко мне...

12.

Наконец пришло письмо от Кости Иванова. Я читал его поздно вечером, вернувшись из города, — мы с Нелей Гофман ходили на американский фильм «Три дня Кондора» (о честном работнике ЦРУ. Ха-ха!), перед сеансом я забежал на главпочтамт, но при Неле не стал вскрывать конверт. Кстати, Неля смотрела на экран отнюдь не узкими глазами, они у нее были восторженно-круглые. Но когда мы вышли на улицу, она снова их сузила — наверное, ей казалось, что так она больше нравится мужчинам, так в ней больше ума и значительности, не говоря о темпераменте. Кто знает, может, она и права. Насчет вельвета я сказал ей, что подумаю, что мне обещали японский велюр...

Костя писал: «Ну, здравствуй, Витек! Не хотел я тебе писать, все равно не поймешь, но сегодня такое расположение облаков на синем небе — напоминает детство, вдруг и тебя проймет... Старина! В сутках 24 часа. 8 мы спим. Часа два едим и прочее. Остается 14. На работе — минимум — 10. Остается — 4?! Это на книги. Кино. Плакаты. Названия магазинов. А что это значит? Мы — смотрим — на мир — чужими глазами (книги, кино, телевизор). Мы — слышим — мир — чужими ушами (радио, телевизор). Мы — живем — чужой жизнью! Истинную жизнь — землю, на которой нам посчастливилось родиться — ты видишь только по дороге в НИИ. Это две-три березы, на которых рассеянно остановился твой взгляд. Синица или ворона. Белка на сосне, занятая своим делом. В лучшем случае, обломок стекла, стрельнувший зеленым лучиком тебе в душу. Кошка, перебежавшая дорогу. Старик Петр Васильевич, кушающий яйцо с солью. И неизменно шутящий, что соль — бертолетова! Вода из-под крана в лаборатории, которой мы запивали спирт. Голубая, чистая. Пьешь, даже не думая, что наша река — может быть, последняя в Сибири, вода которой без очистки идет в трубы водопровода. Другие реки уже

опасны. В них щелочь (Ангара) или кислота (Томь). Можно даже соединять реки и устраивать взрывы, что и будет в будущем... Короче! Живем свою жизнь — и не свою. По чужой колодке. Почему я пошел в университет, да еще на биофизику? Престижно. Помнишь, девять человек на место?.. Родись я на пять лет позже — пошел бы уже в экономический или даже торговый. Нет? Да и в школу повели учиться в престижную, номер 1, куда брали особо развитых или детей не совсем рядовых родителей. И повели-то с 6 лет — уже умел читать, считать... И конечно, тут все предопределено: золотая медаль, ленинский стипендиат, аспирантура при БГУ и — в НИИ... хотя тут и начинается буксовка... кончившаяся, как сам видишь, побегом. Аукаются мои многолетние терпения (можно так сказать?), суровая четкость нашей семьи, тихий непререкаемый голос бабушки... считающая, что только так можно жить, правильная до квадратности ногтя на мизинце ноги бедная моя мама... ей бы не в судьи, не в кровь и гной... а варежки вязать, цветы сажать... А если ты, Нестеров, побежишь — аукнутся беспаспортные годы твоих предков-крестьян... но ты не побежишь! И не вылезай! Чем скромней, тем прекрасней! А я вот шишковать собрался... на выручку (6—7 тысяч) машину куплю. Не себе — Люсе. Она когда-то мечтала, а потом подавила желание. Значит, еще больше мечтает (хотя бы во сне). А скажет «нет», Светке отдам. А ей не надо — сдам в Фонд мира, и Люську изберут в еще более высокий орган Совета Защиты Мира (так называется?). Там, глядишь, моя баба будет заседать в ООН! А кто поможет?.. Скромный муж-работчик! Ах, не в злотых дело, ясновельможный пан! Скажи, ты давно брал в два пальца прозрачный натек смолы у лиственницы на порезе и нюхал, и жевал? А давно пилил бензопилой «Дружба» хоть пру-

тик, торчащий из земли? (Кстати! Из одной колонии два парня улетели — состряпали вертолет из двух бензопил «Дружба», пропеллеры из досок сообразили, прицепились и — над колючкой... и — ушли! Одного ты видел — Ситников с бородой... Разве не гениален наш русский народ?! Королевы, Гагарины без всякого высшего образования!) А давно ты купался в проруби? Спал на леднике? А можешь ты поднять центнер? Умрешь? А вдруг нет? Как же так, мы пришли на этот свет и уходим через десять в восьмой степени секунд — не только что этот свет, но и себя не узнавши?! Я не о том, чтобы по углям ходить, но все же... Ну, вырастишь ты еще миллион кристаллов, защитишь, как я, кандидатскую, и ляжет еще одна никому не нужная, старательно склеенная тетрадоочка в библиотеке! И что? Мир перевернулся? Великие вопросы бытия решены? Если не получается, лучше хоть что-то другое попробовать! Но чтобы — на пределе! Почти грандиозное! Я бы мог вкалывать и в городе, но Люське будет неловко, да и девчонка взрослая... Пока я далеко, они еще могут как-то пристойно это объяснить. Да и мне лучше вдали — можно с людьми разговаривать. Вот попробуй на улице останови незнакомого дядьку (не говорю уже о женщине), спроси: кто он, откуда. Что думает о смысле жизни... Хорошо, если по морде не даст. Да и сам не решишься подойти. А вот в чужой стороне... особенно в дороге... Люди истосковались по искренности — поэтому бегут, желая непременно говорить с чужими — те скажут, что думают... Одно плохо — приходится пить... без вина с людьми иной раз не разоткровенничаешься... какая-то стена... Только умоляю — не вздумайте меня искать! Не найдете! Я тут шишковую, потом рвану на Камчатку. Хочу на вулканы! Говорят, там нужны геофизики. А почему бы нет?! Диплом я тогда у Люси слямзил, сунул в кар-

ман... на всякий пожарный. Хочу попробовать себя со всех сторон, как космический аппарат, влетающий в плотные слои атмосферы. Выберу самое интересное — остановлюсь. Прощай! Обнимаю! До встречи в старости! Ты — красивый пенсионер, загорелый на курортах Ан СССР, прославленный, а я к тому времени — изношенный, в лохмотьях, беззубый, но счастливый. Как там мой? Черкни, так и быть: Тува, Кызыл, главпочтамт, до востребования. Качуеву Андрею Ивановичу. Твой Константин Паузовский-Иванов».

Я читал и злился. Какую-то конспирацию затеял! Какого-то Качуева нашел! Черт, не надо было мне тогда спать — я бы не упустил его из вагона. Раздражение усиливалось еще оттого, что не все было понятно из письма, а в разговоре не успел спросить. Например, почему он заикался на Севере? И что это за жаргон? Чтобы подстроиться? Или уже отсидел в какой-нибудь камере? Я все больше распалялся, читая эти мятые листочки, понимая, что не хочу думать о самом себе. О своем собственном кризисе... Конечно, Иванов был во многом прав. Но наши судьбы, несмотря на свою схожесть, имели совершенно разные корни. Я тоже попал в школу с шести лет, но не потому, что умел считать и писать, а по рассеянному самодурству отца-рыбака. Он забыл, сколько мне, и, несмотря на слабое возражение матери, постановил отдать. А в университет я пошел, чтобы скрыться в совершенно другом мире. От стыда за своего отца. Он не только записывал в тетрадочку фамилии «врагов» — в последние годы слал письма в прокуратуру, в милицию, в райком партии. Сотнями! Его приглашали, уговаривали забрать заявления, пугали. Распустили слух как о склочнике. «Подумаешь, милиционер поймал трех осетров... может, он сам забрал у браконьеров? Подумаешь, инструктор плыл с сетью — он же говорит, что взял ее вместо гамака для жены...» Отец стучался все выше по кабинетам. «Когда-нибудь!» — грозил он пальцем, снимая очки и вытирая слезящиеся глаза. Я убежал от него, не стал ему помощником. Да и не любил я эту крикливую работу со множеством людей, мотом-перематом, неводом, длинными жестяными лодками, тяжелыми веслами, ржавым звеном тракторной гусеницы вместо якоря. Мать моя стоит кладовщицей у складовских весов, резиновые сапоги в чешуе, как в старом сугробе, руки в чешуе, гири в чешуе, рыжая чешуя блестит даже на волосах, выбившихся из-под темного платка. Все пропахло рыбой. Даже мед. А я любил тишину, не реку, а озеро, и если рыбалку, то с одной удочкой. Со всех сторон замерла тайга. Вода гладкая, черная, как агат. Светимость ее равна нулю люменов. Глубина невообразимая. Даже страшно. Мой зеленый камышинный поплавок торчит над этим черным зеркалом. Вдруг — медленно двинулся в сторону. И я ушел в кристаллы, в красоту. Если честно, я сбежал. И заикание мое от крика отца. От его бунтов и матерных рифм: «Сколько мы будем Европу целовать в... пятку?!» Трудный был человек. Сейчас я тоскую по нему. Вот бы сейчас к нему... хоть на день! Послушать его речь: «Это якобы мой сын?! И якобы ко мне он приехал?!» Ведь если забыть весь шум, он столько сделал для нашего села (даже для нового). Его все-таки воры боялись. И рыба в магазине была. Теперь по его стопам пошел мой брат Мишка. Только что ловят-то? Шуку!.. «Гвозди в женском чулке». Мать

устала от слизи и вони, перешла из коопторговского в государственный магазин, где музыка играет, цветастые платья на плечиках, конфеты в мешках. Всем хочется красоты. И тишины. Почему же Костя бежит от всего этого?..

На отдельном листочке фломастером он написал: «Письмо провалилось в патронташе, вот решил еще... Хочется многое забыть. А чтобы забыть, надо подарить. Дарю тебе идеи, которые создало человечество о зарождении жизни на Земле. Ты ведь вроде камбалы — узкий специалист, хоть чем-то расширь твой кругозор. Аксиома: первичная атмосфера состояла из аммиака, метана, водорода и воды. Миллер и Фокс говорят: молнии могли бы создать огромное разнообразие мономеров и полимеров. (Я попробовал электроразряды — да, это так.) Добавим сюда и радиацию с неба (тогда не было озонного щита). И выбросы вулканов. Но каким образом из этого варева возникли высокоупорядоченные живые системы? Как говорит Мурбаф (Англия), далее — таинственный маленький пробел в семьсот миллионов лет! Как организовался первый белок — что белок?! — как возник весь механизм РНК-ДНК... способность к однозначному самовоспроизведению?! Нейман доказал теорему о невозможности возникновения самовоспроизводящей системы в результате слепого случая. Так каким образом?! Бог? Это несерьезно. Или слишком серьезно. Кроме — мы НИЧЕГО не знаем. Вариант поиска: Уайт (США) работает с глиной. В ее порах возникают удивительные реакции. Глины на берегах древних океанов было много. (Или: края жерл вулканов плюс дожди.) Смена жары и холода — ритмическая. Света и тьмы — ритмическая. Но вопрос: можем ли повторить? Значит ли хотя бы продолжительность дня 4 миллиарда лет назад? Планета крутилась быстрее. Ашер говорит: продолжительность была от 5 до 10 часов. Значит, ритм перемен быстрее... Попробовать? Пробовал. Чтобы проанализировать все химические реакции, которые возникли, я считал полгода. И запутался. А зачем считал?! Пусть за граница считает! Делать им не хрен! И вообще, все это неинтересно! Жизнь есть — и слава богу! Змея сама себя не съест. Познать, как возникла жизнь, невозможно (вот прекрасная тема для теоретика Сереги Попова — только ведь не станет разрабатывать, потому что тема бесперспективная, ибо — пессимистическая! Все пессимистическое — как дурную траву с поля вон!). Понять нельзя, но создать можно! Я — бог, создал Светлану. Ты — бог, создал Мишку. Надо теперь жить да радоваться! Что я и делаю! А ты завидуй до клекота в горле! Прощай!..»

Я сидел с полчаса или час, перечитывая письмо. Он разочаровался в своих силах. Если бы бил в точку, из него бы вышел ученый. Все же он разбросанный. А я, пожалуй, нет. И все-таки меня глодала неясная тоска, будто я стоял спиной к крутому глубокому оврагу...

Я включил телефон — он тут же задребезжал. Я хотел позвонить Нелке, сказать, что сейчас закачусь в гости, забудусь, глядя в ее ложнокорейские глаза. Мы до сих пор еще, впрочем, не перешли последнюю черту, хотя давно уже перебрасывались шутивными намеками на сей счет. Я думаю, сегодня, после совместного посещения кинотеатра, она приготовила коньячку и лимончику и ждет... но это я должен был ей позвонить, а не она. Это ужасно, если женщина просит. «Снегопад, снегопад...» Более по-

шлой и более унижительной песни я не знаю! Впрочем, это мое личное мнение. Если звонит Неля, я к ней не пойду; а если не она, кладу трубку и бегу именно к ней, к Неле. Я снял трубку. Звонила Неля.

— Ну, что? — интимным ночным шепотом спросила она. — Как дела? А я слушаю Альбинони. Хочу перебить этот кровавый фильм. Сейчас буду баиньки.

Она не напрашивалась, а если напрашивалась, то очень тонко. Но это еще хуже! Ну почему она несчастна? Почему у нее, такой гибкой, узкоглазой, страстной, никого нет? А откуда ты знаешь? Может, есть. А сегодня — ты. Вельвет.

Я молчал.

— Ну? Баиньки? Завтра позвонишь? Все-таки мне принесут вельветовый костюм — может, помотришь?

— Спасибо, — пробормотал я. — Спокойной ночи... — И, подождав, когда она положит трубку, положил и свою. Черт ее знает, может, мне все это мерещится, и ей нужно только по хорошей цене сбавить заказанный вельветовый костюм?.. Тане позвонить? Сказать: ты!.. завистливая, сухая!.. Сергею Попову? Попросить этого зануду подсчитать какой-нибудь трудный интеграл к утру, поклявшись, что мне это необходимо, но у меня не выходит?..

Ну, Костя, ну, Костя!.. Черт знает что. Я порвал письмо и лег спать..

13.

Наступил конец августа, мне пора ехать в отпуск. Я уже решил так: навещу мать в деревне, потом закачусь на три недели в дом отдыха «Голубой камень» — на берегу изумительного озера под таким странным названием. Говорят, во времена Екатерины сюда приезжали поправлять здоровье всякие графья, вода обладала целительным свойством — после купания мужчины молодели и становились любвеобильными. Уточняю — я не потому собрался ехать туда, что мне нужно было поправить здоровье, а просто досталась дешевая путевка; да и рыба там клюет отлично — сорожка и окунь, ну и мать рядом — через сопку и через Черный бор...

Я сдал дела шефу и лаборанту Вове. Кристалл чернита был собственноручно извлечен Иваном Игнатьевичем из кварцевой ампулы и рассмотрен в лупу, пока еще предвительно — красоты необычайной получился камень... но более скрытые, глубинные качества проявятся позже, при шлифовке и проверке на приборах.

Только я собрал чемоданчик, в дверь позвонили — пришла Люся.

Она все лето провела на работе, в мрачном нашем НИИ, но каждое утро тайком загорала на балконе и стала вся нежно-золотистого цвета. Костя, дурак, где ты бегаешь?! Светка же на днях вернулась из турпохода (уж не с Вовой ли ходила по Саянам? Не Цицерона ли читала?) — обветренная, смуглая, как индианка, и ужасно раздраженная. Мы встретились на улице — небрежно кивнула и прошествовала мимо, будто не она всего два месяца назад плакала передо мной в лесу, опустив голову. Бедная Люся, каково ей со взрослой дочерью!

— Ой, хорошо, что я тебя застала, Нестеров! — заговорила Люся, выбрасывая из чемоданчика рубашки, майки и прочее белье и аккуратно заново все

складывая. — Витек! У тебя месяц свободного времени?

Я кивнул и стал с наслаждением объяснять, что я сначала заеду к матери, а потом... У меня мелькнула мысль, что она попросит привезти ей из тайги мумиё или даже приворотный корень, чтобы растолочь его и переслать проклятому мужу, насыпав, например, на конфеты. Но Люся вдруг упала на колени передо мной, складывая руки, как это делают на сцене актеры в трагических спектаклях, и закричала:

— Витенька! Ты поедешь к Косте!!

Никогда еще не стояли передо мной женщины на коленях, даже коллекционеры редких камней, не говоря о том, что я сам никогда не стоял, стеснялся этого ужасно. Я подхватил под мышки тяжелую женщину и усадил на тахту.

— Ты че? — обиделся я. — Я маму не видел три года!

— Ты к маме потом поедешь... и не один! Пока ты едешь за Косьюкой, я тебе Таню верну!

— Да я сказал тебе — не надо мне ее, курву стеклянную! Я и один проживу! Лучше найди мне подругу!

— Найду! — клялась Люся, не отнимая сложенных ладоней от груди. — Только привези Костю! Начнется новый учебный год... директор обещал... в университете его студенты ждут... Он так замечательно читал им биофизику, Витя! Ты сегодня же поедешь к нему! Я всю жизнь буду тебе обязана, Витя!

Я потер лоб. Ну, как же действительно быть?! Хорошо, я путевку отдам Сергею...

— Ты что думаешь — он так и сидит в Туве?! Он, может, уже на Камчатке?!

— Последний раз ты восточку получил из Тувы?

— Из Тувы. — Под взглядом Люсиных глаз я не мог врать.

— Значит, там его следы. Я тебе оплачу дорогу. Умоляю! Пожалейте меня, товарищи!

Я закурил.

— А если его там нет? И где я его искать-то буду? Тува большая, целая республика. С горами. Как Швейцария.

— Найдешь! — Страстно смотрела в окно, как бы на далекую Туву, на город Кызыл, Люся. — Ты же мужчина.

«Аргументы у вас у всех одинаковые», — подумал я, вспоминая фамилию, через кого я мог сообщить Косте о своем приезде. Качуев Андрей Иванович.

— Но он хотел заняться шишкованием! — вспомнил я. — Тебе на машину денег накопить...

— Не хочу я машину! — закричала Люся. — Я ее в реке утоплю! Я его самого хочу... бедненького моего...

— Ну, хорошо. — Положил я руку ей на плечо, чтобы она не плакала. — Я поеду. Но как я найду его? Ты же не думаешь, что он стоит сейчас в Кызыле на главпочтамте и ждет меня? А возьмусь там караулить — откуда я знаю, кто из проходящих Качуев. Буду подслушивать — еще арестуют, как шпиёна! Что ли жениться на работнице почты? Ну, ты вот умная — разве не глупость искать его? А напишу «встречай» — тем более исчезнет в тайге! Нет, Люся, пустой это номер.

Люся поджала губы, моргнула мокрыми светлыми глазами. Наверное, в ее мозгу сейчас бешено крутились варианты не меньше чем у Анатолия Карпова

или Гарри Каспарова на мировом первенстве по шахматам. И вдруг она неуверенно прошептала:

— Ты... дашь ему телеграмму...

— О чем?! Что вы со Светой болеете? Не поверит. Может быть, у него тут есть человек, который его информирует.

— Ты...—она торжественно затянула паузу,—ты попросишь у него... денег в долг!—Люся все-таки нашла гениальный ход.—А чтобы он поверил, побольше! Ты ведь тоже честный и стеснительный. Он тебе пришлет. А обратный адрес размотаем! Он ведь обязательно напишет где-то свой обратный адрес. А поскольку сумма большая—напишет подробно!

Я с удивлением смотрел на нее. Что-то подобное зрело в моей башке, но она сообразила быстрее. Неужели женщины умнее нас? Или это только тогда, когда дело касается их собственного существования?

— Ну как? Пойдет?

Мы, будто дети, играющие в таинственную игру, вместе прибежали на почту. Люся мне подсказывала шепотом, я писал: «ТУВА КЫЗЫЛ ГЛАВПОЧТАМТ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ КАЧУЕВУ АНДРЕЮ ИВАНОВИЧУ КОСТЯ ВЫРУЧАЙ СРОЧНО ТРИСТА ВИТЯ».

— Срочную?—спросила работница почты.

— Да, да!—Замотала головой Люся, протягивая ей сотенную бумажку. А когда мы вышли на улицу, робко спросила:—Может, в ресторан сходим? Такой бледный. Тебе надо подкрепиться.

«Вот еще, будет она меня угощать взамен за мою помощь!»—возмутился я. Люся поняла без слов.

— Я к тому, Витя, что такая тоска на душе... Давай у меня дома, а? Есть коньяка полбутылки... музыку включим...

Мы поднялись к ней в квартиру. Светлана сидела в вечернем сумраке перед телевизором, мрачная и одинокая, в черном длинном платье, как старая леди.

— Дочка, дядя Витя едет к папе.

— Угу,—отозвалась дочка.

Люся притащила на кухню японский магнитофон. Он замурлыкал, посвечивая дорогими кнопками. Мы сели друг против друга, Люся подкладывала мне в тарелку всякую закуску и шепотом говорила:

— Ты главное скажи ему—здесь все как-то привыкли... ну, чудак, ну, захотел посмотреть мир. Но ведь сколько можно, верно? И мне неловко, верно? А приедете—мы можем вместе поехать к твоей маме.

— И на озеро Голубой камень?—с нахальным вызовом спросила из соседней комнаты дочка. Она сидела, не включая света, и все слышала. Я не понимаю, что, у детей слух лучше?

— А что,—не понимая намека, согласилась мать.—Там брусника по увалам. Дочка, а не хочешь лимонада за здоровье папы?

— А он у нас есть?—раздалось из темноты. Мне это не понравилось. Я встал, вышел к Светлане. Она валялась на тахте, как я валяюсь, когда у меня плохое настроение, и курила. Не хватало только рядом ведра с водой.

Как можно более строго хмурясь, я показал на сигарету—Светлана с улыбкой покачала головой.

— Она курит?!—догадалась Люся и выбежала из кухни.—А ну прекрати, негодница! Тебя этот поход испортил! Провоняла вся бензином, табаком! Ночью зубами скрипишь, как грузчик!—Она вырвала у дочки окурок, курнула сама и смяла в пепельнице.—Чтоб я больше не видела!

— Дядя Витя,—слабо позвала, зевая, Светлана,—возьмите меня с собой! Я хочу на папеньку посмотреть.

— Он его... они вместе вернутся,—сказала Люся.

— Нет,—покачала дочка ножкой в гладком чулке.—Светит незнакомая звезда. Этого не будет никогда! Передайте ему—если он не вернется, я выхожу замуж! Вот!

Мать вдруг обмякла и села рядом с дочкой. Было видно, что между ними что-то происходит. Я стал извиняться и откланиваться. Но они обе вцепились в меня, не отпускали:

— Нет, нет!.. Сиди!..

Видимо, они устали быть вдвоем—им нужен был кто-то третий.

— Дядя Витя, я утрирую... но это подействует!

— Видишь?—прошептала Люся, кивая в сторону дочери.—Привези, милый! Привези его! Сделай все возможное и невозможное!..

Через два дня главнопочтамт пришел телеграфный перевод из Владивостока, от Иванесова Константина Авксентьевича. Наверное, ошиблись телеграфистки, подумал я, получая деньги. Мы с Люсей запросили обратный адрес Иванова (Иванесова), и через день я уже знал его: Владивосток, улица Лазо, 5.

На следующий день, проклиная все на свете, но заинтригованный, как при чтении детективного романа, я вылетел во Владивосток.

14.

И было мрачное утро, и было сияние на востоке—там выгнулось зеркало океана.

Мы приземлились—и я пошел искать эту улицу и этот дом. Я-то уж думал, мне придется, как разведчику, выпрашивать у людей, не видели ли вот такого человека, и прихватил с собой фотографию Иванова. Настояла Люся, хотя, конечно, это было смешно: он теперь в бороде, а если уже и сбрил ее, все равно не похож—фотография сделана лет пять назад, когда у него, у Кости, было совершенно другое выражение лица. Это очень важно, другое выражение лица. Раньше у Кости оно было постное, как у схимника или у вора на суде. А сейчас, если вспомнить нашу весеннюю встречу, вон какой мордovorот. И голос как у ээка. И глаза как у горца.

Я стоял перед деревянным двухэтажным домом, у входа в который висела стеклянная доска: АКТЕРСКОЕ ОБЩЕЖИТИЕ. Я удивился, но не больше, чем если бы здесь было написано, что здесь школа космонавтов. Ну, актерское так актерское. Видно, подружился и тут живет. Из коридора пахло селедкой и духами. Я прошел по первому этажу до круглой железной печки—все двери заперты, тишина. Поднялся на второй этаж—здесь тоже никого, и лишь из-за одной двери доносился сладенький, очень гибкий женский голосок:

— Сердце мое... ля-ля-ля... ля-ля-ля... ля-ля-ля-я!...—пели известное танго прошлых лет. Я постучался в приоткрытую дверь, из-за которой дохнуло старыми окурками. Выглянула худенькая, черная, как ворона, девушка в накрученных бигуди.

— Ой! Вы новенький?!

Я кивнул и полез во внутренний карман пиджака за фотографией. Девушка взвизгнула, но я понял—

это она так радовалась. (Она была татарка или башкирка.)

— Вы пистолет достаете?! Мы тут ставили американскую комедию... так вот у них этот жест одному парню стоил жизни! Я — Зульфия. А вы — герой или жанровый?

Я, на всякий случай, сказал, что не герой. Девушка еще более просияла и начала быстро освобождать волосы от черных шпилек.

— Терпеть не могу героев! Задаваки!

— А где... Костя? — осторожно перевел я разговор в нужное русло. — Иванов... Иванесов... Иванкевич... — я вроде бы шутил, искажая фамилию Кости. Но должна же была она знать хотя бы одну из этих фамилий, если он тут живет.

— А, Иванесов! — Она вся затрепетала от обожания, обливая лицо черными волнистыми волосами. — Костюнич! Так он твой друг?! — Откуда-то из этого колокола появилась маленькая цепкая рука и рывком протащила меня через порог. — Ну, входи же! Стоит как Командор! Это он тебя вытащил? Он говорит, скоро всех своих созовет, из разных городов... гениальные ребята! Надо же, такой театр расформировали! Кретины!

— Кто? Где? — спросил я, улыбаясь, как бы зная, о чем речь, но желая услышать из ее уст.

— Как где?! В его родном городе! В Фергане! Был великолепный русский театр! Продержался год!

Я только вытаращил глаза.

— Расформировали! Денег, видите ли, нет! Половина в Питер подалась... а он — по Сибири. Говорит, даже в цирке успел поработать... кормился мясом тигра... то есть тигр делился с ним... то есть укротительница тигров делилась с ним... он такой симпатяга! — Зульфия погрозила мне пальцем и, зайдя за перегородку, полупрозрачную, чуть выше плеч, стала переодеваться. «Ну и нравы», — подумал я, заметив мужские джинсы, валяющиеся на одной из коек, окурки на полу и игрушечный пистолет с шариком на подоконнике — здесь явно живет и ребенок. — А вы в комедиях играли? У вас нос картошкой... и глаза маленькие, свинячьи... чур, я с вами, если что! У нас получились! Я и вы, замечано? Как вас зовут?

— Витя... А где же... Костя? — все-таки решился я напомнить о цели своего прибытия.

— Как где? На репетиции! — удивленно воскликнула девушка, натягивая синие жесткие мужские джинсы и локтем чуть не уронив загородку. — Мы сейчас туда и пойдем! Он репетирует — и знаете что? Вы его, конечно, видели в звездной роли? — И Зульфия, выхватив из-за шкафа шпагу, слегка заунывно начала читать, наступая на меня:

Он молится. Какой удобный миг!
Удар мечом — и он вззовется к небу,
И вот возмездье. Так ли? Разберем.
Меня отца лишает проходимец,
А я за что его убийцу шлю
В небесный рай.
Но это ведь награда, а не мщенье...

Скажи, ты счастлив за своего товарища?! Через неделю газеты напишут — Костя в роли Гамлета!

— Гамлета? — Я закивал, как лошадь, холодея при этой невероятной новости. Я ничего не понимал. Может, все-таки в данном конкретном случае это другой человек? — Иванов?!

— Ну, Иванесов! Он говорит, с Кавказа вообще. Такая чудная смесь кровей! Армянских и цыган-

ских... русских, конечно. А голос! Взгляд! Нет, он гений, это я точно знаю! Давай мы ему отсюда позвоним! Вот обрадуется!

Я подумал: «Может, не стоит? Вдруг сбежит?..» Но мы уже спустились бегом на первый этаж. Возле выхода на тумбочке пылился черный старомодный телефон, весь обмотанный разноцветной изолентой. Зульфия схватила трубку. В кедах на босу ногу и в прозрачной блузке, надетой на почти голое тело, она обняла меня одной рукой за плечи, как брата, и принялась набирать номер:

— Алё-о-о? Занято. Ты с ним играл? Конечно, немного под Володю Высоцкого... — Она изобразила хриплый голос. — Обритый...

— Обритый?!

— Ну, он обрился! А тогда нет? Видно, ищет. В черном трико, под лучом прожектора — прямо как ээк! Алё?.. Занято.

— И без бороды?!

— Конечно! Синяя башка! Черное лицо! — Она тихо засмеялась, радуясь, что я от нее первой узнаю что-то новое про своего друга. — Алё?.. Занято... — И вдруг завопила, оттолкнув меня:

Вот два изобр-раженья: вот и вот.

На этих двух портретах лица братьев.

Смотрите, сколько пр-релести в одном!

Л-лоб как у З-зевса! Кудр-р-ри Аполлона!

Взгляд Мара, гор-рдый, наводящий страх...

Тем временем тонкие розовые пальчики ее продолжали крутить диск и нажимать на рычажки, поскольку абонент был занят. — Но скромный. Он тут же сначала грузчиком в порту... у них Дом моряка, самостоятельность... Вышел — и все обалдели! Весь город! Наш главный — жлоб — говорит: не верю я в эти таланты снизу. А Славка Жерехов пошел, говорит: неплохо. Он наш прима. Мы уговорим его, мы ему вечер в «Золотом роге» закатим — пусть только на один вечер изобразит больного. И вместо него Костя выбежит. Вот увидишь, какой будет шум, газеты напишут... и главный ничего не сможет сделать — возьмет! Алё?.. Занято.

— Так он у вас... еще не работает?

— Да говорю, все бумаги там остались! А в Минкульт писать не стоит — враги... Но он согласен: «Могу числиться в рабочих, только бы роль не хотел бросать...» Будет со Славкой на пару... Алё?! — Она схватила обеими руками трубку, закричала: — Агнечка Васильевна, это Зуля! Еще не начали?! — Закрыв трубку, прошептала мне: — Свет ставят. — И снова в трубку. — Агнечка Васильевна! А Костя далеко? Курит? А нельзя его на минуточку... тут к нему друг приехал из Ферганы! — Она прошептала мне: — Чичас... — и, гримасничая от счастья, обвила в ожидании ногой ногу и рукой самой себе шею. А услышав голос Кости, побледнела и рывком подала мне трубку.

— Костя, — сказал я. — Не бросай трубку мира. Это я, Витя.

В трубке молчали.

— Ты слышишь меня? Это я, Нестеров. Собираюсь в Южно-Сахалинск... так, по пути. Узнал, что ты тут. Ты меня слышишь?

В трубке молчали.

— Я один, без Гертруды. Долг привез... духовный... ты слышишь?

— У Ильфа есть такая запись, — вдруг тихо сказал Костя. — Иванов решил нанести визит королю

Генриху Четвертому. Узнав об этом, король отрекся от престола.

— Я смогу тебя увидеть? Костя?

— Да,— ответил Костя. И после паузы добавил: — Конечно.

— Я с Зульфией. Мы сейчас подъедем?

— Нет,— так же спокойно ответил Костя.— Мне нужно пятнадцать минут. Потом позвоните.

— И ты... присоединишься к нам?— спросил я.

— Да.

— А как же репетиция?

— Все будет,— ответил Костя и положил трубку. Слава богу.

Я вздохнул и мрачно подмигнул девушке. Соврал:

— Ждет через пятнадцать минут. И мы куда-нибудь пойдем.

— Меня возьмете?— запрыгала Зульфия.— Я в этих репетициях не занята, а вечером не мой спектакль!

— Конечно,— великодушно разрешил я. И мы вышли на улицу.

Нас тут же окатила поливальная машина, вся в радугах, как цыганка в расческах, и снова мы забежали в общежитие, пятась и смеясь: девушка от счастья, я от волнения.

— Ой!..— вдруг крикнула Зульфия, будто в нее попала пуля, и принялась копаться в сумочке.— Вот балда старая! Надо другую помаду! Я чичас!— Она сверкнула зеркальцем, доставая красный губной карандаш.— Вот! Теперь ничего.

И мы поскакали по крутой булыжной улице вниз, к морю-океану. Только теперь я ощутил его близость— было влажно, душно, рубашка липла к спине...

В театре Кости уже не оказалось. Седенькая маленькая женщина в служебном вестибюле сердито буркнула Зульфие:

— Убежал как оглашенный...

— Это он переодеваться!

— Я и говорю, наденьте вы вместо этого позорного трикэ лыжный костюм с красными лампасами... и современно, и как бы о крови напоминает...— Старушка была явно думающий человек.

Зульфия, ничего не отвечая, схватила меня за руку, как экскурсовод, и потащила обратно, вверх по сизой горбатой улице, с таинственной полуулыбкой.

— Он разве у вас живет?— догадался я.

— Тс-с! Мы его нелегально устроили...

Мы вбежали, запыхавшиеся, в общежитие. Комната, где жил Костя, была заперта. Зульфия тихо стукнула согнутым пальчиком и, почти коснувшись губами двери, прошептала:

— Иванесов, это мы.

Костя не отвечал.

Зульфия недоуменно заглянула в соседние комнаты, а затем и в свою, которая так и оставалась незапертой, и торжествующе закричала. Я вошел следом. Она разглядывала заклеенный почтовый конверт и хмурилась.

— Видимо, хочет лично с тобой пообщаться. Держи!

Я взял конверт: «НЕСТЕРОВУ, ЛИЧНО». По-

жав плечами, отошел к окну и вскрыл письмо. Синим прыгающим карандашом было написано:

«Оставьте вы меня в покое??? Перестанете доставать из прошлого??? Ну, не душите!!! Я же помогаю семье! А на вашу науку плевал! И видеть никого не хочу! А найдете еще раз— зарежусь на твоих глазах, болван!!! Прощай! Записку порви. Хотя играть у них я уже не буду, не смогу! К.».

— Что он пишет?— спросила девушка. Я чиркнул спичкой и медленно спалил бумажку с конвертом в пепельнице.

— Даже так?— удивилась Зульфия, становясь все более грустной.— Ты ему привез привет от женщины?

Я не знал, что и ответить. Я сел на стул и опустил голову. Опять я помешал Косте Иванову. В такой красивой игре. Попробуй начать жить новой жизнью, если тебя нашел человек, знавший тебя совсем другим.

Зульфия легла на койку, будто меня тут и не было, и уставилась в потолок.

— Ну, иди к нему,— сказала она.— Я понимаю.

— Бежим на вокзал!— Вдруг я решил действовать.

— Зачем?!

Мы выскочили на улицу, я — первый, она — за мной, схватили такси. Я уговорю его воспользоваться случаем, сыграть Гамлета. А я сегодня же уеду... На вокзале я обжег и перрон, и зал ожидания, заглянул в ресторан — нигде Кости не было. Зульфия едва поспевала за мной.

— Ты не помнишь, вещи его на месте?

— Вещи?..— она, кажется, только сейчас начала что-то понимать.— Кейса не было!.. Но он его все время с собой носит! Вы привезли плохую весть? За ним гонятся? Я видела у него наколку на руке! У него ужасно интересная жизнь!..

— Мне надо в аэропорт,— буркнул я.— Может быть, я срочно улечу.

У стоянки такси скопилось много народу. Зульфия от отчаяния закричала, метнулась к «левакам», уговорила какого-то лихача на «Жигулях» — и через несколько минут мы были на месте. Мы вбежали в аэровокзал, нырнули по лестницам вниз и вверх — ни в одном зале, ни в одной очереди Кости не оказалось. Исчез.

— погоди! — замерла импульсивная Зульфия, будто в нее попала пуля.— Я Славе позвоню! Вдруг он что знает!

И в самом деле, мне это в голову не пришло. Должен же был Костя хоть кого-то поставить в известность, коль рушатся его планы. Зульфия скрылась в темном стакане телефон-автоматной будки и, жестикулируя, быстро уже что-то говорила в трубку. Открыла дверку, подозвала.

— Жерех говорит, он позвонил, сказал: все отменяется! Он улетает в один северный город... приглашают на три центральных роли... на будущий год гастроли в Москве...

— В какой северный?.. — пробормотал я, догадываясь, что это уже прощальная, дымовая завеса Кости.

— Наверное, в Северодвинск,— выйдя из будки, сказала печально Зульфия.— Или в Норильск... мне хвалили этот театр. А что ему тут унижаться? Еще возьмут — не возьмут.— Она глянула мне в лицо напряженно-блестящими, чуть бегающими глазами.

— Нет-нет, вы что-то знаете. да не хотите говорить. Хорошо. Я ни о чем не буду спрашивать. Я поехал спать и плакать,— почему-то в мужском роде закончила Зульфия.— Я поехал.

— Да погодите! — остановил я Зульфию.— Ну, постойте! Я сейчас возьму билет, рейс у меня, кажется, ночью. И мы с вами поговорим. Ей-богу, я ему не хочу зла.

— Вам в Южно-Сахалинск?

— Нет, в Белояры.

— Ну, все равно. Давайте я вам возьму, у нас любят театр.— Она как бы делала мне одолжение. Забрав паспорт с деньгами, сунула голову в оконце, где висела картонка с надписью: ОБЕД. И тут же я услышал веселые восклицания, смех девушек внутри служебной комнаты и горестный, гортанный, высокомерный голос Зульфии.— Наш актер... да, приходи-те... я проведу.

И вот я уже держал в руках билет домой. Я глянул на часы: впереди целый вечер и часть ночи.

— Пойдемте в ресторан?

— Нет, по ресторанам я не хожу.

— А где же посидеть, Зуля? В углу на полу, как хиппи?

Девушка оскорбленно дернула уголками рта, избрав улыбку — мол, мне все равно. Исчез ее кумир. Но я все же был из окружения ее кумира. И поэтому она предложила:

— Можно ко мне. Сегодня «Сирано», все заняты, кроме меня. До двенадцати общага пустая.— «Как моя душа»,— могла бы добавить девушка. Она упивалась своим горем.— Чаю попьем.

И вдруг я заколебался. Стоит ли ехать к девушке в город? Как я потом, среди ночи, попаду в аэропорт? Если бы Костя в эту секунду подслушал мои мысли, он бы гневно расхохотался: «Я всегда знал — вы, люди серой, размеренной жизни, малодушны!» Буквально пересилив себя, кажется, даже покраснев, я кивнул. И кроме того, Зульфия мне нравилась. Своей чистотой, бескорыстным характером. Нет, мне надо пролить ей свет на жизнь. Может, даже отбить у Кости. А что? Я холост, я могу и жениться ради истины. Не будет у этих лживых звезд хоть одной поклонницы...

Через несколько минут мы ехали в рейсовом автобусе. И еще закат не бросил жгуче-красный луч на мачты в Амурском заливе, как сидели в общежитии. На электроплитку был водружен старый, крашенный зеленой эмалью, совершенно мне родной, напоминавший студенческие годы чайник. Зульфия, демонстративно безучастная, высыпала на стол карамельки и печенье. Все время она замирала и прислушивалась — но нет, нигде не слышалось никаких шагов. Комнату Кости мы, конечно, еще раз осмотрели — не было ни кейса, ни плаща (недавно, сказала Зульфия, он купил серый, как самолет, плащ). Остались книги: «Моя жизнь в искусстве» Станиславского, стихи Лермонтова, «Дрессировка собак», «Драгоценные камни» Смита...

— Пейте,— вздохнула Зульфия, глядя в открытое окно. И я все с большей уверенностью подумал: вот была бы верная жена, если бы меня полюбила. Она не может двойтаться. Наверное, она и актриса плохая. Слишком искренняя.

— Зульфия,— тихо позвал я ее.— Слушай.— Она повернула ко мне голову.— Выходите за меня замуж. Она, не понимая, смотрела на меня.

— Я серьезно говорю Я одинок, как этот ч-чай-ник. Ты что, Костю любишь? Но ведь... И я за-пнулся, мне стало гадко за себя и страшно, и жалко. Неужели я сейчас был готов к тому, что стал бы объяснять ей, что Костя женат, что у него дети, что он вообще не Иванесов? Какая же я дешевка! Я судорожно глотнул чаю и добавил: — Да, он хороший.

Она помедлила и снова отвернулась к окну. Мы сидели минуту, глядя на далекие темно-красные мачты, на зеркальный шар океана, который угадывался в теплой лиловой дымке... Потом Зульфия тихо спросила:

— Только честно. Вы хотели сказать, что он женат? Да?

«Ты умнее, чем я думал»,— грустно отметил я.

— Он показывал паспорт — там чисто.

«Да сейчас, моя милая, можно что угодно смывать перекисью водорода,— мог бы объяснить я Зульфие.— Командировочные подчищают авиабилеты». Но я тем более ничего не стал ей говорить. Только спросил:

— А почему вы решили, что я скажу, что он женат? Даже если бы был женат, я бы не сказал. А он холост, как и я.

— Я актриса,— медленно ответила Зульфия, снова разглядывая мое лицо напряженно-блестящими глазами.— Я выбираю сразу, чтобы потом не было тяжело, самый трудный вариант. Хуже, если он — женат, и вы — благородный человек. Так обычно и бывает. Странно, что сейчас все прекрасно.

Я опустил глаза. «Если он показывал паспорт, значит, там и вправду не Иванов, а Иванесов. Исправил черной тушью. Какой ерундой занимается взрослый человек! Или уж погоня за новым и водка смешают что-то в мозгу? И вот такая жизнь ему кажется ослепительной, смелой?» У меня с этой девушкой ничего не получилось. Надо была заканчивать. Да и не покидала мысль, что Костя где-то рядом, что он временно «лег на дно». Ведь не было же его в аэропорту, не было на вокзале. Сухопутный болван, я забыл про морской порт! Он мог и на каком-нибудь суденышке уйти. Ну и пускай...

— Я хотел вас вот о чем попросить...— Я достал двести рублей.— Вы, наверное, увидите. Отдайте, ладно? И я записку сейчас напишу...

Зульфия включила настольную лампу, всю увешанную разноцветными нитками, стеклянными побрякушками, и опять отвернулась к окну. Из темноты рванула туча белых бабочек. Вдали слышался лязг и дробный рокот спускаемых с якорями цепей.

«Слушай! — писал я.— Ну, прекрати валять дурака! Нигде тебя не хватит надолго — любая работа требует души. Кедровых шишек нынче мало — побежал в Гамлеты! Ну, играй! Теперь я понимаю, почему ты заикался на Севере. Бездарному актеру что приходит в первую очередь, чтобы как-то непохоже на самого себя сыграть роль? Занкание... Оно помогает обдумать ответ. Быть остроумным. Ты завидовал мне. Но у меня заикание от природы...»

Но чем дальше я писал в этом духе, тем все тягостней было у меня на сердце. Уже второй раз помешал. Какой-то рок. Костя, наверное, возненавидел меня. Но если в первый раз он мог действительно обрести непререкаемый авторитет перед заблудшими людьми и вывести их на свет истины, то сейчас-то всего лишь прихоть, игра, да еще с обманом государства! Ну и что? Кому он вредит? Я, конечно,

искать его более не буду. Сам затоскует по твердой земле, сам вернется. Я порвал листок и начал снова:

«Ну, хорошо! Гамлет. Но что это за слава, если будешь бояться всех фотокорреспондентов, как Остап Бендер? Надеюсь, ты понимаешь, что в газеты тебе попадать нельзя? Значит, сразу нацеливаешься всего лишь на маленькую, кухонную сенсацию? Удивить двух-трех знатоков, какую-нибудь простодушную девчонку и — исчезнуть? И нацепив другую маску — дальше?..»

Я снова разодрал листочек. Я показался вдруг себе стариком, унылым болтуном с тяжелой челюстью.

— Я все-таки завидую Косте, — сказал я искренне. — Я не такой. Я как мох — ползу. Но я зато надежней. Почему за меня замуж не хотите?

— Замуж? — удивилась девушка. И выключила свет. — У вас глаза не любят. Это сразу видно. Вы о другой думаете. Если бы сказал: хочу остаться у тебя... я бы еще подумала. А замуж... — Она покачала головой. — Это серьезно. Я хочу стать настоящей актрисой. Значит, не смогу быть все время с вами. Этот огонь сжигает. Вы ведь будете ревновать?..

— А Костя — нет?

— Костя?.. А Костю я и не люблю — я его обожаю. Я никого не люблю.

«Она не любит его!» — зазвенело у меня в голове. Я стал хвалить себя:

— Вот защищу кандидатскую, создам прибор... можно будет на Луне написать: Зуля...

— Не надо, — отозвалась девушка. — Тогда и другие полезут писать. Это будет ужасно, как забор.

— Ты кристалл моей души, — сказал я и поднялся. Надо улетать, улетать, улетать.

Она сидела в углу, на полу, обняв себя руками за плечи.

— Вас проводить?

— Нет. — Я стоя вывел в потемках на столе, кажется на пачке печенья, свой адрес и телефон... — Если будет тяжело... черкни или позвони. Ага?

— Нет, — тихо ответила Зульфия.

И я поехал в аэропорт. Не понимаю я этих людей, у них свои легенды, свои сладкие обманы, своя вера. Они будто заражены некоей формой гриппа — им радостно от болезненного озноба кожи, от раздранности души... Ну что ж, если Костя понял, что пуст, если ему стала безразлична наука — пусть живет как живет. А я ученый.

— Ты мой кристалл, — прошептал я в самолете, откидываясь на спинку кресла и увидев на краю черного неба перекосившееся зеркало океана...

Когда я сходил по трапу с самолета в своем родном городе, мне на рукав капнул веселый воробей белой жидкостью.

— Вот мой кристалл, — пробормотал я, закрывая глаза. Куда идти? Никто меня не ждет. Как жить?

15.

Я наврал Люсе, что Костя работает мо-ряком, обещает прислать красной рыбы и денег... При слове «денег» Люся заплакала, будто ее ударили, но что я еще мог ей сказать?! Не про ТЮЗ же рассказывать?..

Дослушав мои фантазии до конца, Люся надолго

замолчала, поджав губы. Словно ледяной воды выпила.

— Ну, хорошо, — процедила она — Все. Спасибо тебе, Витек. Ты хороший товарищ. Езжай к своей маме. Вот это ей — от меня! — И всучила мне белую, лакированную, словно из мутного хрустала, корзиночку, сплетенную Костей век назад. На дне лежал сверточек. — Это ей, не тебе! Иначе обижусь! И все, все, езжай!..

Дома я посмотрел — там лежали золотые сережки для мамы. Выругавшись, я побрел в институт. Скучное это дело — отпуск. Сию секунду ехать к матери я не мог — сразу поймет по лицу, что со мной что-то неладно. А начну врать — начну заикаться, она еще больше расстроится... Я заглянул на ВЦ, чтобы отчитать Люсю, и увидел, что она в белом халате стоит с Сергеем Поповым: разглядывают длинный лист бумаги с ноликами и единичками. Я сунулся к своим, в кристаллофизику. «Интересно, проверил ли директор кристалл чернота? И отразилось ли то, что семь минут не было света, на свойствах драгоценного камушка?» Но шефу было не до меня. Бронзовый после Югославии, как Фантомас, он, резко жестикулируя и расхаживая по лаборатории, диктовал статью секретарше Аллочке, которая сидела перед ним на стуле. В таком положении они получались абсолютно одного роста. Шеф махнул мне приветственной рукой и отвернулся — я для него не существовал, я был в отпуске. Вместо меня бродила некая тень с картонкой на груди: СОЧИ. Или: ЯЛТА. Лаборант Вова, надув губы, читал тайком у окна книжку стихов Роберта Рождественского. Эк его — после Китса и Цицерона! Что случилось-то?!

На улице я встретил Светку. Она шла, как взрослая, глядя под ноги и о чем-то думая. Увидев меня, кивнула и проплыла дальше, высоко поднимая, как цапля, ноги, — ветер намет на асфальт первые листья, и девушка берегла от пыли белое, уже знакомое мне платье...

Я забрел в телефон-автомат, кинул в гнездо монетку и набрал случайный телефон. Монетка провалилась, раздалась короткие гудки. И здесь не везет! Я повернул к дому — пора все-таки собираться ехать к маме.

В почтовом ящике что-то белело. Может, повестка из военкомата? Вот бы весело! Но это было письмо от какого-то Конькова из Абакана. Странно, у меня в Абакане — никого.

Разворачивая на ходу письмо, я поднялся к себе. И только сейчас понял, что оно — от Кости. И скорее всего, написано еще до его владивостокских дел. Гочно, вот штемпель — шло дней 20. Пролежало где-то...

«Вдогонку тем моим соображениям... Можно ввести начало координат — ноль живого мира: О_{ж.м.} Получается даже — начало мужчин и женщин. Так вот, каким сроком оно датируется — это Сереге считать. А вот ПОЧЕМУ возникло? Вопрос вопросов. (Между прочим, чем не имя и хвамия? Вопрос Вопросович Вопросов.) Что мы знаем из загадок природы:

1. Существуют странные, качающиеся, как маятник, химреакции. Ты физик, химию знаешь плохо, могу сказать: это периодические химреакции. Капля раствора, предоставленная сама себе, становится то красной, то синей. Без конца! Как живое существо. А ведь по второму закону термодинамики все стремится к дезорганизации, к некоему концу. Почему

же здесь не так? Возьми бромат калия, сульфат цезия, лимонную кислоту и разбавленную серную кислоту. В красно-оранжевом растворе будут ходить голубые волны и исчезать. И снова появляться. Будет работать вечно эта игрушка.

2. Взять амёбы. Если эти одноклеточные поместить в культиватор и дать им бактерии для питания, амёбы будут жить нормально — делиться, расселиться. Но если бактерий МАЛО — одна из амёб берет на себя роль лидера, испускает некий призыв — химерагент АМФ. И все остальные амёбы сгруппировываются вокруг нее. Так легче выжить. Примитивная организация живых организмов. Колхоз нулей.

3. Илья Пригожин (не Рогожин из Достоевского, и вовсе не из СССР, а из Бельгии), кстати, лаур. Ноб. премии, вывел систему уравнений «Брюсселатор». О тех самых качающихся химерагентах. Вдали от равновесия флуктуации могут возрастать, придавая системе некую организацию. Непонятно? Свет солнца порождает маятниковые химерагенты на Земле, а они, в свою очередь, за миллиарды лет... много таинственных группирующихся образований. Из одной из них и могла... но КАК?!

Опять пришли к нулю. Я думаю, эту загадку нам не решить. Не может один человек самого себя лично познать! Не взрежет же он живот, не раздробит себе мозг, сидя перед зеркалом! Так и все живое не может постичь свое зарождение в далеком прошлом. Придется просчитать столько реакций НАЗАД, что за это время человечество уже состарится и вымрет... Поэтому кончай базар и демагогию! Живите весело! «Пейте, пойте в юности! Бейте в жизнь без паромеха!» Зайдешь в мою лабораторию, увидишь колбы на столе — трахни первой попавшейся палкой! Толстой правильно говорил: «В мире насчитали один мух сорок тысяч видов! Когда же тут о духовной жизни думать?» Мне любой светлячок на ночной травинке, Нестеров, дороже любого твоего кристалла, будь он хоть со стол величиной! И тебя мне не жалко — ловил бы лучше рыбу, как твой отец...»

Не твое дело, думал я, разрывая письмо в клочья. Да, понимаю, хочет выжечь из себя остатки мыслей о науке. Видимо, чем дальше, тем больше ее ненавидит. Так, говорят, некоторые в старости начинают поносить женщин, любовь. Мстить за свою немощь. Ругай себя! Но других не надо трогать. Если у тебя не получилось, не надо обобщать. Я не замахивался на нечто необъятное. Я как пчела — ношу свою толику меда. И тем самым приношу пользу. Мало того, сломал себе жизнь — начинает воздействовать на меня. Но теперь, после Владивостока, я думаю, и писать не будет. И слава богу...

Я снял с вешалки в прихожей свой лучший костюм, из чемодана достал чистую белую рубашку, поглаженную еще полтора года назад Таней. Поеду без предупреждения, не то еще спать не будет мама, настряпает всего, нажарит, полдома займет... Я уже вставил запонки в рукава, когда зазвонил телефон.

Я замер. Если это Таня, она подождет звонков пять и больше не позвонит. Если Неля, через два звонка положит трубку и тут же наберет снова — такая маленькая интимная хитрость, она ко всем так звонит. Но этот звонок был длинный, настойчивый и через паузу снова длинный. Меня еще никто так не домогался. Может, из милиции — что-то с Костей случилось?

— Алло! — Услышал я жесткий голос. — Это Утешев. Я вам уже звонил. Вы не можете подойти?

— Я уезжаю, я в отпуске, Владимир Иванович.

— Я знаю. Но вам же не безразличны дела института?

Умеет начальство разговаривать.

— Конечно, нет... — пробормотал я и, нацепив галстук, что я делаю нехотя, в редчайших случаях, направился к нему.

Кабинет Утешева выходил дверью в ту же приемную, что и кабинет Крестова, директора института, моего шефа, но, конечно, у Владимира Ивановича я никогда не был и не собирался быть. Здесь оказался точно такой же стол с красными и белыми телефонами, но была и огромная разница: по стенам сверкали немисливо красочные плакаты, выпущенные ООН, посвященные жизни (дети в пробирке, дети со свечами на дороге и пр.), а главное, на стенах покоились роскошные раковины и морские звезды, пойманные в океанах лично товарищем Утешевым. Он был участником, а то и руководителем не одной океанической экспедиции, где исследовал водоросли и всякие светящиеся микроорганизмы. Если можно было Крестова сравнить с генералом сухопутных войск, остроумным и загорелым, то Утешев тянул на адмирала, сурового старого морского волка. Это был высокий, сутулый человек с замкнутым лицом. Он редко улыбался — лишь когда упорно улыбались ему, особенно женщины, — так загорается в ночи дорожный знак, когда на него светит проезжая фара, но едва фара улетела — знак мертв.

Но надо ему отдать должное — общение с иностранными коллегами многому его научило, во всяком случае, правила Карнеги он читал, и поэтому, как только я вошел, он поднялся и, глядя мне в глаза тусклыми глазами, пожал руку, сказав при этом слова, невозможные в устах моего шефа:

— Выглядите замечательно. Одеты строго. Вот истинный образец молодого ученого. — Кивнув на стул, он, стоя, закурил трубку.

Я, польщенный, сел. Что его заставило вспомнить обо мне, человеке из чужого крыла, не успевшего стать даже кандидатом наук? Конечно, только дружба с Костей...

— Я прямо. — Пыхнул Утешев дымом «Золотого руна». — По слухам, вы поддерживаете связь с Ивановым? Говорят, в лохмотьях ходит, позоря Сибирское отделение Академии наук? Кстати, зачем вы ездили к нему?

— А мне директор разрешил. — Я постарался казаться чуть глупее, чем есть (какое ему дело до моих с Костей отношений?!).

— Ага, ага. — схватил Утешев тут же быка за рога. Он, видимо, мысленно сразу же согласился с тем, что я недалекий человек, и размышлял сейчас только о коварстве директора. — Я так и думал, вы и директор хорошие люди, а я плохой.

— Почему так? — попытался я возразить, но он даже не слушал меня — я был слишком мелкой фигурой.

— Вы любите людей, а я не люблю... А то, что Иванов разбрасывался... ему одному нужен целый институт, чтобы просчитать все варианты! А мы о чем должны думать? — Он показал трубкой на детей, бредущих со свечками по дороге. — О народном хозяйстве! Он смеется, а дрожжи — это хлеб. Кефир — здоровье. А что такое происхождение жизни?

Вон петух с курицей во дворе — фотографируй, вот тебе происхождение жизни! Я утрирую, но от нас требуют! Сейчас особенное время, нам нужно ускоренно развиваться... нам бы на два-три года рвануть вперед, а он думает, что было три или четыре миллиарда лет назад! А получается, я виноват. Не ценю кадры...

Он произнес эту фразу, и я подумал, что она подозрительно смахивает на формулировку. Наверное, Утешев услышал где-то ее и она запала ему в голову. Понятно, думал я, впереди раздел института, и он беспокоится. Такая формулировка, если она высказана моим шефом, имеющим пока что решающее слово в обкоме, может дорого обойтись Утешеву. Ярлычок прилипнет, и, во всяком случае, даже если его директором института биофизики утвердят, в члены-корреспонденты ему потом путь заказан... Экой молодец, с оторопью и страхом подумал я о своем весельчаке директоре.

— Дайте-ка мне адрес, я ему письмо напишу.

— У него нет адреса.

Он мрачно смотрел на меня. Он, конечно, не верил. Я подумал, вот ведь как судьба маленького человека (что для начальства Иванов?) может стать средством в борьбе!

— Правда же, я его и не видел в последний раз, только по телефону говорил, — сказал я, чуть не оправдываясь.

— Жаль. Но ведь он же будет вам звонить? Передайте! — И Утешев раздраженно подвинул стопу бумаги с грязновато отпечатанным текстом, где сверху стояла фамилия Кости. — Гранки статьи! Мы вместе делали опыт, а подписал я одним его именем! — От него не ускользнуло то, что я обрадовался за друга. Он улынулся уголком рта, снял и подарил со стеллажа тяжеловатый розовый коралл, похожий одновременно на оленин рога и на пламя. — Держи! Тебе! Пусть возвращается!

Забрав и статью, я остановился у двери.

— А он талантливый ученый? — спросил я. Мне это было важно сейчас знать. Вряд ли Утешев при мне будет ругать Костю, но и хвалить чрезмерно не станет — не тот человек.

— Он демагог! — вдруг резко выпалил Утешев, краснея. — «Пока я молод, пока у меня яркие, неприглаженные мысли, дайте проверить!» А если ошибаешься?! Кто поручится?! Каждому в молодости кажется!.. Я ему говорю: не пейте, берегите свои мысли до зрелых лет. Вон, академик Энгельгардт или Зельдович... до преклонных лет сохранили ясность мозга — куда иным юношам! Станете доктором наук, я вам дам лабораторию — проверите. Но пока... А он опять: «Эйнштейн в двадцать лет выдал! А потом всю жизнь только подбирал гарнир к своему открытию!» «Гарнир!» Откуда такое нахальство?! Он же был вежливый, тихий парень... я же помню. Предложишь кишечные палочки — исследует кишечные. Предложишь железные бактерии — растит железные. И вдруг — как с цепи сорвался! Нет у нас по разрядке мест для гения! — закричал вдруг Утешев. — Да, он талантлив! Но ничего из него не выйдет, если будет распыляться! Вы кристаллофизик, знаете лазеры... если луч расфокусировать, даже мощнейший, он не то что дерева не прожжет... яйца не подогреет! — Утешев схватил меня длинными жесткими пальцами за плечо, заглядывая в лицо. — Скажите, это точно — он не в Новосибе?

Если его переманили — при чем тут «не бережет кадры»?

— Нет, нет, — сказал я. — Он в тайге...

— В тайге! Вот вы работаете с Иваном Игнатьевичем, я его уважаю, большой ученый... вы же на месте сидите, бывает, что сутками... в вас чувство долга... так подействуйте на Иванова! Разве можно было к защите готовить одновременно три — повторяю, три! — кандидатские! Говорит: «Я вообще-то хотел семь... разные аспекты одного вопроса, от биохимии до социологии популяций... да уж ладно». А по закону мы можем только одну! Он так небрежно: выбирайте, которая больше нравится. Я ему: а вам? А он: мне они как ручейки, что текут через неведомый лес к одной неведомой реке жизни! Чушь! Реклам! — Утешев, видимо, уже не мог не выговориться. — Мысль может быть одна! И лучше, если она работает на дело! Происхождение жизни! Дарвин двадцать первого века!..

И чем больше он ругал Костю Иванова, тем глубже я убеждался, что Костя Иванов действительно талантливый человек, попытавшийся замахнуться на нечто грандиозное, и что если бы он сейчас где-то спился, сгинул, Утешев был бы рад, во всяком случае, более рад, нежели бы узнал, что в эти дни Костя Иванов преспокойно сидит и работает в Новосибирске, где решаются вопросы о высоких научных степенях и где могут запомнить и принять к сведению эту страшную фразу: «Не бережет кадры».

И еще я понял, что я — ноль. Маленькое старательное ничтожество. Потому что мне и в голову не приходило поднять глаза выше очевидностей.

Я вышел на яркий свет безумного золотого осеннего дня и, грохнув об асфальт, вдребезги разбил коралловую ветку. Мы крестьяне. Нам это ни к чему.

16.

И был день, и была дорога к дому...

Когда я приезжал сюда в последний раз? Года три назад. С Таней и Мишкой. Помню, брат Михаил увидел моего подросткового сына. «Тезка! — заорал он, вскидывая красными ручищами семиклассника вверх, как ребенка. — Мослы-то! Мослы! Прямо велосипед!» А Таня испытующе посмотрела на меня — ты бы вот так смог?! Я тоже поднял, в ту же минуту, своего сына. Тяжелый, конечно. Да и зачем поднимать. Не маленький же!

Мы с братом пилили и кололи дрова — тут возле каждого дома высились горы темных неошкуренных бревен, выловленных из моря. Государство не то что не было против — наоборот, поощряло деньгами этот промысел, потому что ниже по течению — нежная, хрупкая плотина с перепадом воды сто десять метров...

Намажавшись колуном по очереди, мы потом пили замечательное пиво из райцентра, не хуже чешского (говорят, оборудование привезли из ЧССР). Заедали вяленой сорожкой, которой у Михаила было больше, чем щепы во дворе. Как и во времена отца, на заборах, на воротах клетей сохли ядовито-зеленые импортные и черные наши сети. Когда они просыхали, их скидывал ветер, и в них попадались куры. Михаил курил, по привычке, перенятой от отца, взяв папиросу в кулак, словно бы для того, чтобы сог-

реться, и расспрашивал меня про успехи в науке. А какие у меня успехи...

А мама с Таней ходила на море полоскать белье. Море цвело. Из колонки же вода была желтоватой. Председатель колхоза Поленов обещал, что скоро всю ржавчину из труб вынесет и вода станет прозрачной. «Не жалейте воды, бабы,— говорил он,— не экономьте!» Все было как всегда...

Мать болела, у нее от перца и соли, которые так обожал отец, до сих пор ныла печень, да еще от вечного стояния на ногах в магазине развился жестокий ревматизм. Она все время глотала какие-то желтые шарики. Таня, будучи человеком серьезным и беспокойным, решила проверить мамину аптечку, полезла в буфет и наткнулась на бесчисленное количество треснувших от времени таблеток в целлофане, просыпавшихся порошков... «Господи! — поразила Таня. — Это надо немедленно!.. Это яд!.. Их ни в коем случае!..» Мать с сожалением смотрела, как Таня закапывает лекарства на огороде. «Да чем сделается?! — не понимала мать. — Лежат и лежат». Таня, подняв палец, объяснила, что, если срок хранения истек, можно отравиться. «И вообще, — Таня перешла на шепот, — лекарства вредны! Вот мы, врачи, сами стараемся их не принимать...» И с той поры мать мне в письмах писала: «Печень болела вчера, попила воды сырой с медом — и как рукой сняло! Права твоя Таня, мы уж забыли народную медицину с этими переездами, хорошо хоть ученые люди помнят...»

Как она там?.. Не болеет?.. Вот и мост. Миновав поселок гидростроителей, автобус выехал на длинное, узкое, железное сооружение, перемахнувшее через Реку. Под нами бурлила вода. Слева же, над головой, угрюмо высилась плотина, затмевая свет

небес. Где-то там, под облаками, летят сейчас моторные лодки; может, и мой брат что-то ловит, матерясь, как отец, в рифму... Автобус миновал Реку, зарычал, затрясся, выбираясь из распадак вверх, — туда, к новым поселкам, к высокой поверхности воды, оставляя за собой, внизу, старые устойчивые берега, старый задымленный город...

Тут, за плотиной, вся тайга была, конечно, порезана и переломана, чувствовались следы великого строительства. То можно было увидеть некое ржавое зубчатое колесо, размером с двухэтажный дом, вросшее в землю... то глаз угадывал среди бурелома отпавшие челюсти экскаватора. Там и сям торчали высоковольтные мачты, гудели огромные трансформаторные станции, размером с футбольное поле, отгороженные крашеными решетками. Дорога сразу стала уже, асфальт сняли, пошла щебенка, зачернели выбоины. По краям дороги замерли в нелепых позах трактора — то ли брошенные здесь в те громкие годы, а то ли изнемогшие нынче без бензина — наверняка у них тоже есть месячники экономии...

Наконец, наше новое село. Вот они, эти крашенные в желтую и зеленую краску стандартные дома из бруса. Наличники грубые, квадратные (резать по дереву уже не умеем), но прехотливо разрисованные, как на детских картинках.

И все-таки это деревня. В переулках среди крапивы пламенеет нежно-розовый иван-чай, жужжат пчелы. Переходят дорогу белые гуси, вожак шипит грозно, как автоген. Изгибаясь в воздухе, летит паутина, словно в истоке потягивается невидимая красавица. А может, все эти паутинки — всего лишь очертания каких-то огромных невидимых существ на земле? Дует теплый, почти горячий к вечеру ветер. Он пахнет зеленым, зацветшим морем и полынью.

А вот и мой отчий дом — новый, подаренный государством, взамен того, затопленного, — с волнистой шиферной крышей, с палисадником, полным белых астр. За воротами, во дворе, вижу кирпичное строение — три года назад Мишка только начинал возводить, теперь дом почти готов. Красный и белый камень вперемешку, как шахматная доска. Правда, вместо крыши пока что одни ребра вокруг печной трубы. Но это дело недолгое, я помогу. Хотя ничего не умею...

Сейчас выскочат навстречу: почему один? Что хоть сына не привез?.. Но никто не вышел на крыльцо. Наверное, взрослые на работе, а племянница Оля в детском саду.

Увидев на двери замок, я по привычке зашарил под половиком. Но ключа не было. Да, новые времена, ходят всякие бродяги, а многие из них тоже в деревне выросли, знают, что где искать. Вот и забрали хозяева ключи с собой.

Сев на нагретые доски, я подставил солнцу лицо. Еще ни разу я так не приезжал. Меня разбудили голоса — это была вся семья: мать, Ксения, жена Миши, и сам Миша с дочкой на руках:

— Господи, прям бич!.. как чужой!.. че не зашел-то?!

— А ключи?! — сказал я, продирая глаза.

— Да в окно б залез! Все же знают — сын!..

Мама моя — невысокая женщина с пласивым выражением на лице, будто всю жизнь стоит на ветру или на дожде. Она обняла меня. Потом, по шутливой привычке, что ж, мол, не приезжал, невеста ткнула меня ладонью в плечо Ксения. Не в радостный час я попал сюда — заболела Олечка, они сейчас были с ней у врача. Скарлатина.

— Будь прокляты эти детсады! — ругалась шепотом Ксения, помогая Михаилу уложить дочку в спальне на высоких перинах, на вышитых подушках. — То отравят, то простудят...

— Оса, — говорила еле слышно девочка, глядя невидящими от страданий, синими, как лед, глазами на окно.

— Нету осы, нету!.. — шептала моя мать, водя перед ее личиком морщинистой рукой. — Прогнала! Улетела!

— Оса, — не соглашалась девочка.

Три взрослых человека беспомощно топтались над крохотным человечком, которого даже не видно было из-за их широких спин. А я вез им в подарок один из первых моих кристаллов, черно-вишневый рубин «роза». Теперь даже было стыдно представить, как точно так же они толпились бы возле драгоценного камушка на белой подушке, а ведь именно об этом я мечтал, кладя в карман свое давнее творение... «Выкину, к черту».

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Анатолий ФОМИН

* * *

Друг мой, как жить? Ты одна у меня.
Есть еще ветер, душа и полнеба...
Есть еще совесть листвы и огня—
Как же так жить, высоко и нелепо?
Взять сигарету, на мокрый балкон
Выйти, твердея душой от погоды...
Спичку зажечь, осветив рубикон
Мокрых перил, невесомой свободы.
Мокрого дерева голос и всхлип,
Что у него за душой деревянной?
Огонь холодный, горячий грипп,
Воображенья колодец багряный?
Даже и дерева нет у меня.
Птица молчит — о судьбе, о погоде —
До перелета, до крайнего дня...
Друг мой, как жить? Вот и осень проходит...

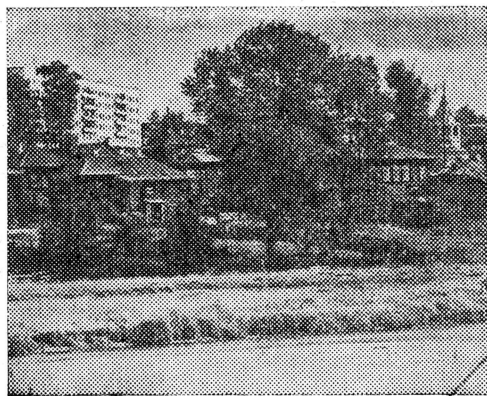
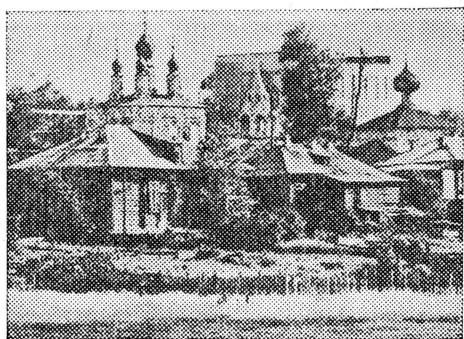
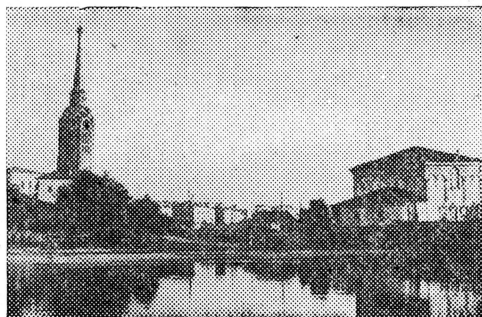
Николай ДРУЖКОВ

ПЛЯСКИ ВЬЮГ

Вам приходилось слышать,
Как вьюги могут петь,
Когда дома и крыши
Стараются взлететь,
Когда седые космы,
Вихрь, кипят вдали,
Когда под самым носом
Не разглядеть земли?
А небо тучи кроют,
А снег кипит вокруг.
И нет в душе покоя
От буйной пляски вьюг.

СТАРЫЕ ПЕСНИ

По аллеям тенистого парка
Молодые гуляют пары,
А с гармоникой и гитарой
На асфальте танцует старость.
И бывает на круге тесно
От нахлынувшего волненья —
Вдруг воскреснет старая песня,
Будто эхо других поколений.
Словно время на прочность пробуя —
Танцем «яблочко», пляской «барыня»
Отбивают веселые дробы
Пожилые мужчины, как парни.
Эх, гармошечка с мандолиною,
Балалаечка — три струны!
У России душа соловьиная,
Разудалый дух старины.
Пусть отстал он немножко от моды, —
Нынче мода дикарски ловчит, —
В старой музыке память народа,
Голос родины в них звучит...

Валентина Астахова
Фото Николая Красовского,
фоторепродукции Юрия Менишкова

НИТЯНЫЕ, КАМЕННЫЕ КРАСКИ

В старинном уральском городе Соликамске я побывала в 1980 году. Не думала я, что он навсегда останется со мной, как далекая сказка детства. Волшебный город. Лет ему сейчас — 557. Его старинные соборы и церкви — словно редкие жемчужины. Краеведческий музей богат ценными экспонатами, особенно интересен отдел изобразительного искусства. Но не об этом пойдет мой рассказ.

Живут в Соликамске художники Олейниковы, муж и жена — Семен Иванович и Надежда Григорьевна. Квартира Олейниковых похожа на музей — все стены увешаны картинами. Первая, бросающаяся в глаза, — бескрайнее поле подсолнухов под ясным голубым небом. Картина слегка поблескивает и светло-зеленая ее рамка искрится, словно усыпанная мелкими хризолитами.

Остальные картины выполнены также необычно. Лесная земляника на небольшом натюрморте из голубины светится рубином, голубые незабудки напоминают викрустацию из бирюзы. Картины с уральскими пейзажами: лесное озеро, березовая роща, сосны на берегу Камы. Посмотришь сбоку, и нет-нет да и сверкнет в них что-то, отражая свет лампы, будто уральский камушек в перстеньке. Что же это за необычная живопись?

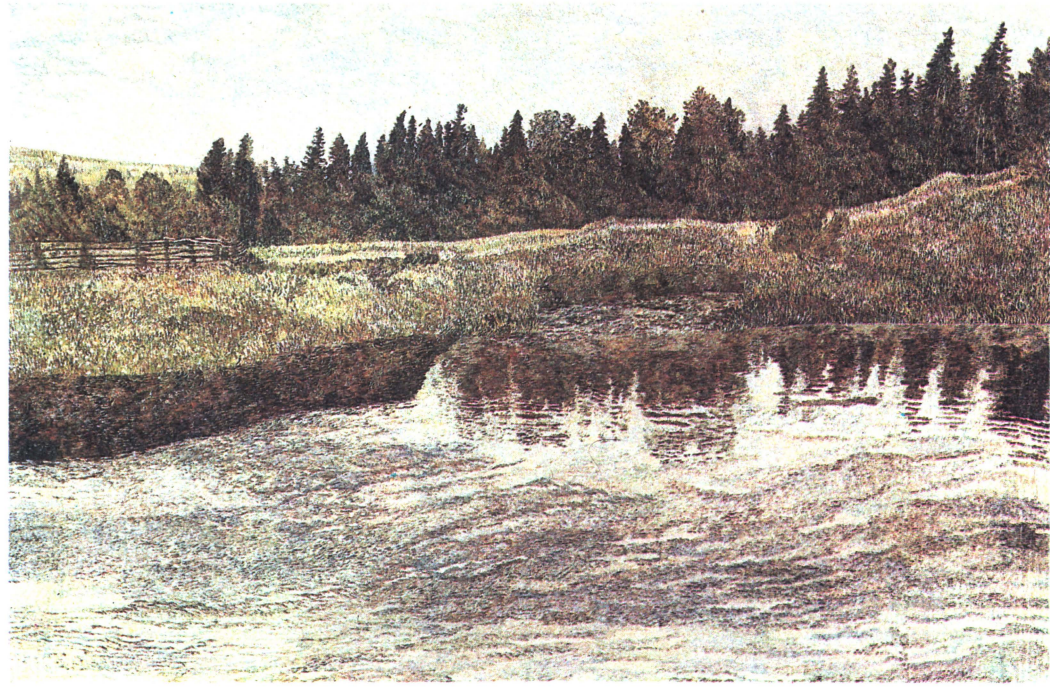
Семен Иванович неторопливо рассказывал о своем искусстве, которое можно назвать уникальным — кроме него никто таких картин не создает.

— Началось это лет двадцать назад. Случайно я обнаружил, что вместо красок можно использовать стекло или камень, истертые в порошок. Я опробовал и другие материалы. Подошло все, что имеет цвет, — толченый кирпич, песок, литейный шлак, гранит, минерал флюорит разных оттенков. Измельченные материалы наклеиваю эпоксидной смолой на какую-нибудь твердую поверхность, лучше всего на деревоплинт. Измельчаю в титановой ступке (медная не выдерживает нагрузки — куется, железная — пачкает чистый цвет).

ЧЕРЕМУШКА. Н. Г. Олейникова, 1959.

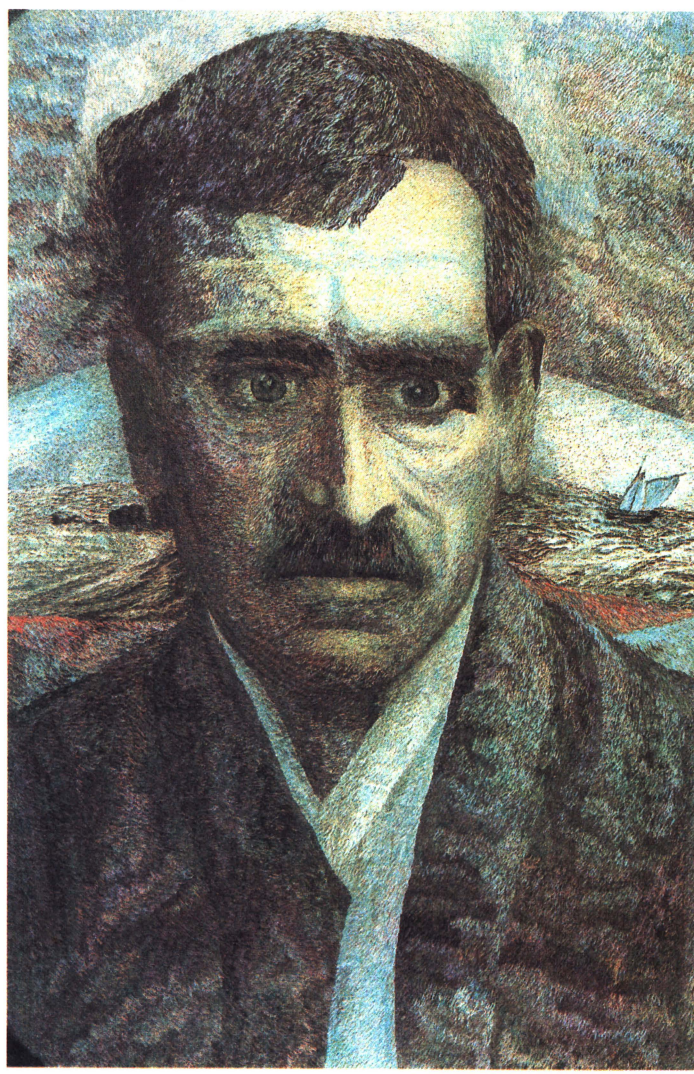

ЕЗОВСКИЕ РОДНИКИ. Н. Г. Олейникова, 1964.

НАТЮРМОРТ. С. И. Олейников, 1979.

СОЛНЕЧНАЯ ПОЛЯНА.
Н. Г. Олейникова, 1980.

ОЗЕРО ГЛОТИХА. Н. Г. Олейникова, 1964.

РЫЦАРЬ ГОЛУБОЙ МЕЧТЫ (А. Грин).
Н. Г. Олейникова, 1981.

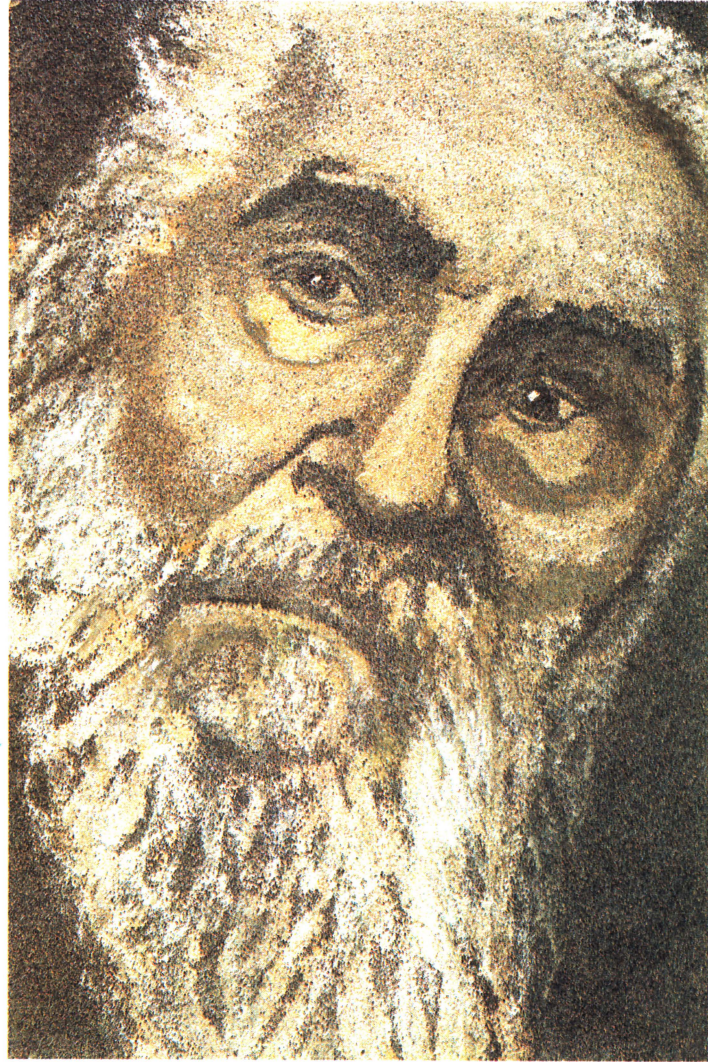
ПОДСОЛНУХИ. С. И. Олейников, 1976.

МАТЬ. С. И. Олейников, 1980.

ПОРТРЕТ СКУЛЬПТОРА КОНЕНКОВА.
С. И. Олейников, 1981.

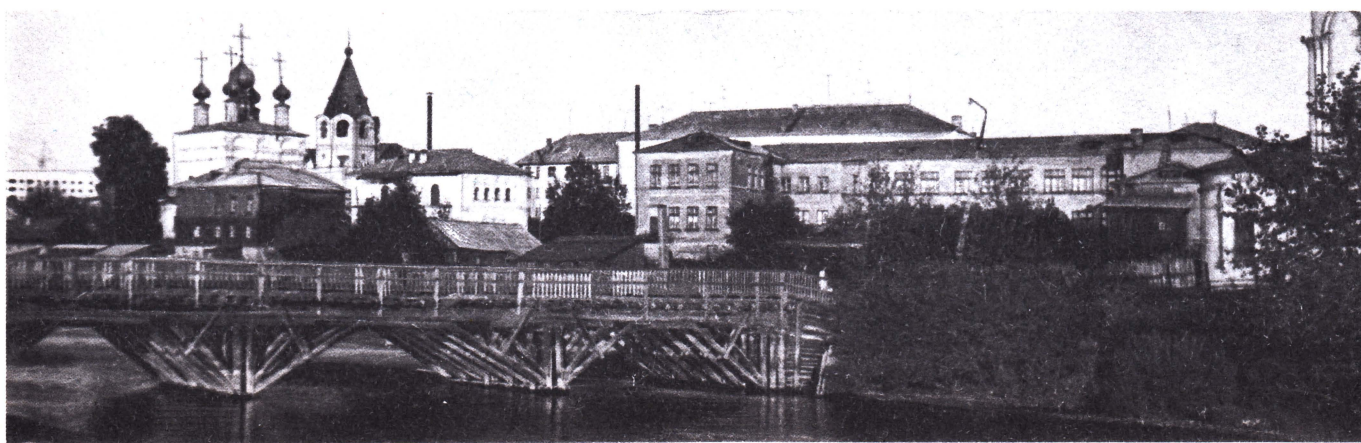

ИВЫ НАД ЦЫДОВОЙ.
Н. Г. Олейникова, 1977.

ЦЕРКОВЬ ПРЕДТЕЧИ В СОЛИКАМСКЕ.
С. И. Олейников, 1979.

Художник показывает свою мастерскую — маленькую комнату, сплошь уставленную подрамниками, кусками прессованного картона, начатыми работами. Измельченное стекло присылают Семену Ивановичу из разных городов. После дробления материал просеивается через сита. Отверстия разной величины дают разные фракции — разные оттенки. Чем мельче фракция, тем светлее оттенок. Самый светлый и мягкий цвет дают стекло и камень, истертые в порошок.

В самом начале Семен Иванович заметил, что коричневая эпоксидная смола оставляет чистыми синий и черный цвета, не съедает желтый, а фиолетовый получается с грязноватым оттенком. Около трех лет ушло на эксперименты для составления цветовой таблицы. После этого работа пошла быстрее.

Увлечение оказалось не из легких: работать нужно в респираторе — пары ацетона ядовиты, стеклянная и каменная пыль могут привести к заболеванию силикозом. Единственное время для создания картин — вечера; Семен Иванович работает на магнитофонном заводе. Ни праздников, ни выходных — творчество поглощает все свободное время.

Невольно у меня возник вопрос: почему не работать масляными красками? Нет тех трудностей.

— Меня об этом спрашивали сотни раз. Избрал я этот путь потому, что в отличие от масляной живописи цвет моих работ не изменится во времени. Их можно мыть водой с мылом — не потускнеют. Вы обратили внимание на свечение изнутри отдельных фрагментов. Этого не достичь красками. Да и потом, чего греха таить, достать необходимые краски не всегда могут даже профессиональные художники... Такая техника годится для выполнения декоративных панно на фасадах зданий. Жаль только, что у меня нет учеников, охотно бы поделился своими секретами.

Семен Иванович рисовать нигде не учился. В детстве мастерил различные фигурки из корней и шишек, в юности увлекался лепкой из глины. Есть у него скульптурные портреты жены, автопортрет и другие работы.

— Мы много ходим по окрестностям Соликамска, — рассказывает Надежда Григорьевна, — делаем карандашные наброски. Меня иногда подолгу преследует какое-нибудь лицо, однажды увиденное. Не могу успокоиться до тех пор, пока не воплещу его на полотно.

Искусство Надежды Григорьевны также самобытно. Свои полотна

она исполняет цветной нитью. Сложно работать над портретами. Полотна подвергаются усадке, стежки нитью еще больше стягивают его, что может исказить рисунок.

Все работы Н. Г. Олейниковой — живописные полотна большого мастера, тонко чувствующего природу и душу человека. Каждый стежок положен как штрих, подчеркивающий форму, а цветовая гамма богата оттенками.

На одной из картин изображена девушка, читающая книгу при свете настольной лампы. Она лежит на кушетке под белым покрывалом, тут же устроилась кошка. Надежда Григорьевна удалась передать сотни оттенков белого цвета, ощущение уюта и тишины.

Много полотен посвящено уральской природе. Вот возвышается над стремниной Вишеры и над вековыми елями гордый утес — Камень Ветлан. Река Цыдовка несет свои холодные струи меж крутых берегов. Так и манит длинная просека среди высоких сосен. Странное чувство овладевает мной, когда я разглядываю большое полотно «Дорога из села Вильгорт в Пудьву»: будто я оказалась в картине и нет желания возвращаться. Напоенный ароматом хвои воздух, тишина... Так и хочется прилечь у дороги под высокими елями.

Почти все портреты выполнены с натуры. Исключение — портрет Александра Грина. Грин близок Олейниковым. Так же, как он, они умеют видеть прекрасное в самом обыденном. Помните, как в «Алых парусах» Ассоль говорит утлыщику: «А ты, верно, когда наваливаешь углем корзину, то думаешь, что она зацветет».

Удивительны глаза на всех портретах. В них бьется мысль человека. С особенной силой это выражено у маленького скрипача Данилки в картине «Рождение». Мальчик с изумлением прислушивается к уходящим звукам рожденной им самим музыки. Эти глаза трогают до слез.

Надежда Григорьевна родом с Украины, там обычно учат девочек вышивать крестом. И ее научила бабушка. Однажды в детстве прочитала она книгу, где речь шла о разорившейся дворянской семье, вынужденной продавать свое имущество. Все они готовы были продать, кроме единственной бесценной для семьи картины, на которой вышит золотой журавль. С той поры мечтает она создать такую же прекрасную картину. Золотой журавль и сейчас не дает ей покоя...

Надежду Григорьевну ни ри-

сунку, ни живописи никто не учил. Окончила медицинский техникум, работала медсестрой, воспитателем в детском клубе. И все свободное время отдавала искусству. Сначала копировала картины старых мастеров. Привлекали ее мотивы русских народных сказок. Постепенно стала создавать свои композиции. Самая первая — пейзаж с косулей на поляне и большой птицей на ветке. Потом была «Сломанная береза». Сюжет подсказала природа — внезапно налетевший ураган. До этого ходила в лес к своей любимой березке. Побежала после урагана, видит — березка сломана... Цветной нитью передала все, что увидела, и себя у этой березки.

Олейниковы живут на Урале уже тридцать пять лет. Он покорила их суровой красотой. И куда бы они ни шли — в лес ли, в горы или к реке — всегда с ними их альбомы. У Надежды Григорьевны очень хорошая зрительная память. На одном и том же месте ей незачем бывать дважды, все запоминает с одного раза. Какое же требуется огромное напряжение внимания! Это сказало на зрении. Только после нескольких операций можно было работать снова. Для работы идет обыкновенное полотно, на нитки — все, что можно распустить. «Сколько простыней, занавесей погубила, страшно вспомнить», — шутит она.

Квартира Олейниковых (и мастерская, и домашний музей) — гордость города. У них побывали уже тысячи людей. Было пять персональных выставок: в Перми, Березниках, Москве и две в Соликамске. В Москве выставка проходила в ноябре 1981 года, длилась две недели. Их искусство покорило москвичей.

Я как-то спросила Олейниковых, во что они верят? Ответили: в творческие возможности человека. Только творчество дает возможность познать себя, свою причастность к окружающему миру.

*Урал явили Вы не каменным,
А — трепетным, живым и*

*пламенным:
Мы просто рады краскам Родины!
И тем картины хороши,
Что из любви к народу созданы.
Из нитей сердца и души.
Нам здесь понятно, что искусство
Всегда в долгу у доброты....
Спасибо Вам — за правду чувства
И за возвышенность мечты!*

В. Радкевич, г. Пермь.
5 мая 1986 г.

Мы открываем новую рубрику — «Память». «Культура», — сказал писатель Сергей Залыгин, — начинается там, где начинается история культуры». Но к прошлому можно по-разному относиться. Можно любить и жалеть, сетовать и восторгаться, глядя со стороны. А можно самозабвенно воскрешать прошлое, чтобы оно помогало будущему.

Наша рубрика рождена временем перестройки, страстным желанием найти в окружающей жизни и осмыслить примеры и опыт активной памяти. Памяти как деяния.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ЮНИЙ ГОРБУНОВ

Эту поляну в центре села Сулём издавна видно плывущим по Чусовой. К ней часто причаливают плоты и лодки известного всей стране туристского маршрута. С удивлением смотрят гости на необычную музейную экспозицию: на ажурном сварном стенде цепи держат едва ли не трехметровый речной якорь и чугунные зубчатые грузила-лоты — атрибуты тех давних времен, когда сплавлялись по Чусовой барки, груженные железом, штыковой медью и прочим товаром, конем славилась здешняя демидовские вотчины.

Сколько барок некогда миновало Сулём! Мне вспоминаются «Бойцы» Мамина-Сибиряка — очерки весеннего сплава по Чусовой, — и будто слышится голос сплавщика Савоськи: «Веселенько похаживай, голуби! Нос налево ударь... нос-от!.. Шабаш, корма!»

И не верится, глядя на спокойную, травой взвзвущую со дна реку, что десятками гибли на здешних скалах «бойцах» тяжеленные барки и каждую весну плыла вместе с ними отчаянная бурлацкая «Дубинушка». Диковато как-то смотрится разлапистый якорь, которому нынешняя Чусовая, что называется, по колено.

А ведь было все, было...

Вот и другой экспонат на поляне свидетельствует — затвор здешней демидовских времен плотины, черный и, кажется, задубевший от чуть ли не двухвекового существования. Мурашки бегут, когда представишь возраст этого рукотворства.

Есть и еще кое-что на той исторической поляне.

На стенде я прочитал имя затравщика этой необычной экспозиции под открытым небом: П. И. Гилев.

Гилевы — старинная русская фамилия. В Сулеме же братья Егор и Иван объявились в 1770 году. К тому времени здесь на малых реках Сулём и Илим Демидовы затеяли постройку плотины, а вместе с ней дорог и амбаров для хранения железа. Вот с этих братьев Гилевых и пошла в Сулеме династия. Да так щедро пошла, так бойко, что все иные фамилии потерялись в ее сонме.

Старое слово «гиль» у Владимира Даля означает смуту, мятеж, скопище. А еще — шутник, балагур, насмешник.

Летом 1918 года, когда шел по Чусовой Сибирский стрелковый полк красногвардейцев, из деревни Сулём больше всех прикинуло к нему Гилевых. Но справедливости ради надо сказать, что и в сулемском отряде белых, вставшем на пути красногвардейцев, Гилевы тоже преобладали.

Они явно задавали тон в первом здешнем колхозе. Но и из шести раскулаченных семей четверо тоже носили эту фамилию...

Одно сказать: и числом брали Гилевы, и характером.

На скромном обелиске непришедшим с последней войны Гилевых насчитывается добрая половина.

Потому совсем я не удивился, прочитав на стенде эту фамилию.

Мальчишкой оставил свою деревню Павел Иванович Гилев. Тяга в города, в индустрию была тогда повальной и патристической. Светлое будущее казалось таким близким, а волшебный ключик к нему таился в индустриальном городе. Павел определился в ремесленное училище, приобрел профессию и всю, можно сказать, молодую жизнь этот ключик искал.

А в Сулеме стоял дом. Текла Чусовая. Жили близкие, дальние и совсем дальние родственники. Династия отдавать не скупилась и на уходящих не сетовала. Деревня, некогда ставшая селом, по-прежнему пахала, сеяла и жала, бывало, из последних сил. Но не плакалась. И не клонила выи.

С возрастом, выйдя на пенсию, стал Павел Иванович почаще наезжать в село.

Из самых близких обитала здесь теперь сестра Валентина Ивановна. Даже похоронив мужа и обрета квартиру в городе, она не смогла оставить дом. Ведь совсем недавно перекатали его, обновили на долгую жизнь. И теперь как потянет на лето, на какой-нибудь попутке приезжает она сюда, моет, чистит, садит огород, радуясь тому, что под крышей высокого, сеном пахнущего двора выют гнезда ласточки.

Еще живет здесь крепкой своей семьей племянник, сын Валентины Ивановны Николай Сергеевич Ошурков.

Есть Павлу Ивановичу куда приехать, где приложить руки. Но, приезжая, редко бывает он дома.

Новыми глазами он увидел родное село. Вот здесь, на слиянии с Чусовой реки Сулём, говорят старики, некогда поставили свои избы первые поселенцы — крестьяне-беженцы из строгаповских вотчин... Эта часть села издавна зовется Деревня. А центральная — Пристань. Здесь когда-то рубили и спускали на воду барки, которые держали путь на Пермь... Вот оставила свои следы гражданская война — можно различить заросшие травой окопы...

Многим ли вдова богатая история села? А потому когда набрел Павел Иванович на берегу на вымытый водой якорь, к которому мужики свои лодки чалили, у него мелькнуло: не поставить ли его у села на виду, как памятник беспримерному труду чусовских сплавщиков?

Так однажды понял Павел Иванович, что отчее село нужно ему не меньше, чем он сам нужен селу.

К родному счастью возвращаются по-разному.

Есть путь обычный: создайте условия — вернусь. Протяните надежную дорогу, обеспечьте твердый заработок, сокультурьте наладьте, дайте возможность держать живности сколько захочу. Тогда вернусь. Почему нет? От добра добра не ищут.

Недавно был в Сулеме сельский сход. Решали, как дальше жить. За десять лет сто человек разбегались по разным местам. Вроде и не много по масштабам города. А если сосчитать, сколько осталось в Сулеме? 220 человек со старыми и малыми! В школе-восьмилетке с трудом наберется два десятка учеников. В иных классах — по два-три. Учителям-то что за работа?

Того и гляди разделит Сулём судьбу некогда процветавших в округе сел и деревень Волегово, Романово, Илима, ныне брошенных, превращенных в крапивные острова.

Зато летом в выходные и праздники Сулём — как полное лукошко. Молодые веселые люди расхаживают по селу, в охотку пластаются на огородах, тащат из лесу грибы и ягоды, споры взмывают стога для родительских коровенок, парятся в дедовских еще баньках, ловят в чувоских притоках хариуса... За пару минут раскупают обычный суточный запас пахучего и мягкого сулемского хлеба...

Кто они — эти воскресные прихожане? Да здешние все уроженцы — Гилевы, Кориюковы, Ошурковы...

Вот и задумался сельский сход: как их вернуть в Сулём? Убыточный совхоз «Висимский» не в силах дать хороший заработок, дороги, соккультурьте. Едва теплится в Сулеме совхозный огормочный пункт. Есть еще участок Билимбаевского химлесхоза, но подсочка — дело сезонное, оседлому человеку неподручное. На него охотнее слетаются «инопланетяне» с южных республик. Вот если бы найти селу хозяина... Скажем, взял бы его на свой баланс Нижнетагильский металлургический комбинат, превратил бы в свое подсобное хозяйство. У НТМК — деньги, техника, инженерные силы, а в Сулеме — головы и руки, жадные до работы. Комбинату отсыпать своим шлаком 30 километров дороги до Висима ничего не стоит. А для Сулёма это — жизнь.

Так резонно рассудил сельский сход.

А в это примерно время на задворках села обнаружил Павел Иванович могильную плиту. Из-под травы, земли и тлена обозначились нездешние слова: «Эпитафия. Здесь похоронено тело коллежского секретаря Михаила Васильевича Борисова. Помре декабря 1 дня 1814 года на 68 году».

Павел Иванович попробовал приподнять чугуину — не тут-то было. Почитай полтора столетия повисли на ней и тянули к себе. Павел Иванович пошел в Сулём, по дороге прикидывая, кого из знакомых мужиков попросить помочь. Что будет плита в его «музее», он не сомневался.

А однажды попала на глаза необычного вида сосновая чурка. Глянул ненароком и увидел вдруг широкое носатое лицо с ушами враспорырку. Раз поглядел на деревяшку, другой — и засвербило что-то внутри, зазудилось. Представилось ему, как стоит на берегу широколикий богатырский вида крестьянин и говорит сулемским мужикам, замаявшим с возом: «Не мучьте-ка лошадедку-то, распрягайте ее. Я вам вашу поклажу нигом на гору доставлю».

Разжился Павел Иванович тем пеньком, доставил его к себе во двор и стал прикидывать, где что надо подправить, чтобы лик богатыря яснее проступил. Совсем немного помощи попросила природа: носачуток прибавить, глаза получше обозначить да картузок на голову соорудить...

И скоро поднялась над Чусовой на могучем стволе необычная деревянная скульптура.

У Мамина-Сибиряка есть мало кому известный очерк под названием «Балабурда». Издатели почему-то его не жалуют. Дмитрий Наркисович рассказал в нем о встрече с крестьянином деревни Матвеевой Кунгурского уезда Васей Балабурдой. Человек он был легендарный, извест-

ный на три губернии как сказочный богатырь. «Громадное лицо с мясистым носом и какими-то детскими серыми глазами».

Силы Вася был неимоверной. Как-то озлил его в кабаке мужичонка, вывел из себя. Сдернул Вася с него шапку, вышел из кабака, одной рукой поднял три венца дома вместе с крышей да в паз шапку и засунул. Так потом чуть не всей деревней ту шапку выручали.

Веснами уходил Вася из деревни на сплав по Чусовой. За шестерых управлялся. А Сулём на барках никак не минуешь. Да и старожилы сулемские припомнили Васю и рассказали Павлу Ивановичу историю с возом.

Так не он ли это, Вася Балабурда, загадочно глядит с берега на Сулём, на редешные и оседающие его дома, ждущие хозяйских рук, на весь нынешний воз сельских проблем и забот, который некому сдвинуть с места, и повторяет любимое свое присловье: «Эх, едрена кана-вущка!»

Павел Иванович, правда, дал своему творению иное имя — СВОЯК, расшифровав аббревиатуру вполне утилитарно: сторож верный охраняет якорь и камень.

Вот так собирался гилевский «музей» на поляне.

Ходят мимо сулемцы, качают головами, посмеиваются: чудак человек. У сестры дом-пятистенок хозяина дожидается, огород вон наполовину лебедой взят, а он камни да плиты могильные на берег таскает. К мужикам липнет, как смола: то ему привари, это трактором подтащи. Что не помогают, сказать нельзя. Экспонаты ведь у Павла Ивановича не шуточные. Стенд, например, собирали из металлолома вместе с Павлом Васильевичем Шмаковым. Затвор плотины «за так» доставил на берег Вячеслав Дмитриевич Гилев. Охотно откликаются Н. С. Ошурков, А. П. Гилев, И. В. Патраков. Но и похвалятся, что много таких помощников, — язык не повернется. Иной раз пообещают, а чуть замешкается Павел Иванович, их и след простыл: работа-то даровая да и несерьезная какая-то. А как быть? Бутылки нынче ой как бьют по карману. Раз-другой пришел на помощь сельсовет. Есть у него такая статья расхода — культмассовая работа. Где ей в нынешнем Сулеме найдешь применение? Вот иной раз и рискует председатель, сомневаясь, однако, правильно ли делает, переводя государственные деньги на сомнительные затеи Павла Ивановича.

А у того что ни приезд, то новая фантазия. Прошлой весной явился с большим мешком за плечами. Сестрин дом миновал за недосугом, сразу — к школе. Ребята окружили — что в мешке? А там 80 кедровых саженцев. Собственноручно в лесу под Нижней Турой выкапывал. Захотелось украсить Сулём кедрами — в память о 80 погибших в минувшей войне селян. Половину с помощью директора школы Н. П. Матвеевой рассадил на горе возле школы, а другую половину — по селу. Лето прошлое, как на грех, сухое выдалось. У Павла Ивановича душа изболелась — выживут ли прихотливые саженцы, не пожалеют ли сулемцы для новоселов ведра воды? Большинство выжило, дождалось дождей.

В школу с некоторых пор Павел Иванович частенько заглядывает. Первыми его бескорыстными помощниками-изыскателями стали мальчишки. Народ они вездесущий и летом незанятой. А тут вдруг поняли свою нужность. Кто-то, купаясь, наткнулся в речном дне на тяжеленную штуковину — оказалось, лот. Вспомнили, что где-то в прибрежном иле торчит лопасть еще одного якоря... Они же, мальчишки, играючи, стали помогать Павлу Ивановичу — красить, подтаскивать, прибывать...

Трое из них встретились мне вечером на берегу. В «музее» они вели себя по-хозяйски. Рассказали, что, где и когда найдено и что найдено, но еще не стало экспонатом. Про стоянку древнего человека. Про барки на лотах... Раздумчивые глаза. Осмысленная связная речь. Наверно, совсем немного усилий надо будет приложить школьному учителю, чтобы прошлое в сознании этих мальчишек связалось в четкую картину с живыми людьми. Чтобы почувствовали они живую диалектику, причинную связь времен, чтобы поняли, чьи они дети. Вот ведь, в сущ-

ности, зачем ташил Павел Иванович в село неподъемную чугунину с трогательно-нездешними словами: «Здесь покинется тело коллежского секретаря...» Все, в конце концов, рано или поздно рассыплется прахом. Но всему, как сказал писатель Юрий Трифонов, есть время и место.

А вечер тот дивный был. Неповторимый в жизни. Один закат, а все окрашивал в разные цвета: речные струи, наивно-иронический лик СВОЯКА, крутоплечие лопасти якоря, высокие, не уступающие старости дома на высоком же берегу и смыленные лица мальчишек... Одинаково прекрасно было то, что создала природа и что сработал человек.

И подумалось вот о чем. Кто культурнее: модный ныне коллекционер старины, завсегдатая музеев и вернисажей, владелец редких автографов и сувениров, праздничный знаток классики и ценитель современных живописных полотен — или тот, кто сработал своими руками такой вот просторный, гордо поднявшийся дом, удобный для жилья человеку и ласточке? Предки нынешних Гилевых не имели личных библиотек с раритетами, но они срубили деревянную церковь в соседнем Илеме, чей малиновый звон до сего дня живет в ушах сулемских старожилов. Живет и болит, как давно ампутированная рука. Они не видели полотен Левитана и Рембрандта, но до наших дней сберегли многовековую сосну на берегу реки Сулём. Это уже в наше цивилизованное время кто-то палил в нее из берданки и резал на стволе непотребное.

У меня в руках книга, напечатанная на машинке в пяти экземплярах. Но ее читали, слышали о ней, пожалуй, в каждом сулемском доме. «Откуда вы это знаете?» — о чем-то спросил я мальчишек на берегу. «Дак в книге написано», — ответили мне.

Это история села Сулём, изложенная Павлом Ивановичем Гилевым. Стиль ее неказист и орфография хромает. Но в ней видна та глубокая культура, которая не всякому записному историку по плечу: прошлое маленького села описано на широком фоне истории русской и уральской. Солидные труды проштудированы автором, многие архивы исследованы, опрошены десятки старожилов. Книга создавалась одновременно с «музеем» на берегу. И тоже олицетворяет активную, действенную память.

Да, утвердился я в мысли, первоисточник прекрасного в том, что сработано собственными твоими руками. Новую социалистическую культуру предстоит нам создавать и пересоздавать на основе приобщения каждого к творческому труду. Без такого приобщения истинной культуры, интеллигентности, образованности быть не может.

Так думалось мне на чусовском берегу, в центре села Сулём, села, узнавшего наконец свое прошлое, но еще не ведающего того, что будет с ним завтра.

Уголок России старой

Михаил ЕВСЕЕВ

Церковь стояла на отшибе у села Липовки. Красивая. Редкая для здешних мест рукотворная красота. Ввысь тянулись безупречных форм островерхие главки. Их было пять. Рядом — звонница. И она, и сам храм — деревянные, бревенчатые, как и избы, что располагались невдалеке. Изб много. Дома частью стоят, частью — большей — подразаумеваются. Церковь с колоколенкой того и гляди порушатся от времени и отсутствия надлежащего ухода...

Местные старики да старухи заприметили возле церкви невысокого, щуплого человека. Все ходил он, приглядывался. Ну, порешили старожилы — турист, а может, и позариться хочет на то, что плохо лежит.

Приблизились к чужаку, охватив его живым кольцом, чтобы дёру не дал. Начали выяснять личность: кто да что? А странный человек не за документами полез, а показывает какую-то картонку. На той картонке увидели нарисованную их липовскую церковь, да такой, какой она запомнилась всем с малых лет...

Задумал Николай Степанович Оленник большое дело. В Екатериновке, что в Тевризском районе Омской области, создать музей из старинных построек. Видит он его как наяву: на некрутом берегу реки Туй — два старинных храма, окруженных соснами да лиственницами. В одном будет размещаться краеведческий музей колхоза «Путь большевика», в другом — музей истории освоения и заселения Омского Прииртышья. Напротив — целая крестьянская улица, какой она была сто и более лет назад. Неподалеку — мельница на сваях. Мельницу, кстати, возродить не придется, она есть, сохранилась и даже действует — на ней до сих пор производится грубый помол зерна.

Эту его идею: проект создания музея деревянного народного зодчества севера Омской области — поддерживали.

С детства Оленник любит, неизменно восхищается всем, что мастеровыми руками излажено. Будь то самодельная керосинка или табакерка старая, что завалились на чердаке, или, к примеру, валеёк для заготовки валежков, или крестьянская зыбка, или прялка с веретеном... Надо ли выбрасывать на свалку то, в чем душа человеческая сказалась? А уж коль эти вещи исчезли из обихода, то место им в музее.

Оленник много лет учительствовал — преподавал труд, рисование, черчение. На его скромных акварельках запечатлено то, что сохранилось от прошлого: и рубленные в лапу избы, и пристройки к ним, и бревенчатый собор.

Специальное образование Николай Степанович получил уже далеко не молодым. Диплом на художественно-графическом отделении Омского педагогического института защитил по проекту Липовской церкви. Это и был проект ее реставрации.

Музей под открытым небом создается, говоря официально, на базе села Екатериновки, где живет Оленник. Здесь есть старинная церковь, сохранившаяся лучше всех на Омском Севере. А ценнее Липовской, по мнению архитекторов и историков, в округе на добрых пятьсот верст церкви нет. Все наиболее характерные деревянные постройки XIX века — жилые дома с подворьями, с внутренним убранством — переезжают в Екатериновку, как и Липовская церковь.

«...ДОСТОИН ТОТ ФАКТ ПЬЕДЕСТАЛА»

Равиль ЕНАКАЕВ,
журналист

Поэт Евгений Евтушенко в поэме «Казанский университет» писал:

*К сожалению, малоизвестно,
Но достоин тот факт пьедестала,
Что татарин создал песню
«Во поле березонька стояла».
И за это, мой названный брат,
Честь тебе,
Ибрагимов Нигмат!*

Русская по силе звучания и задушевности песня «Во поле березонька стояла» многими, даже некоторыми специалистами, считается народной. И действительно, вслушавшись в ее музыкальный лад, замечаешь в ней двойные, будто из фольклора, повторы «Во поле» и «Ой, люли-люли», одинаково завершение каждой строки начальной строфы — «стояла»... И все же у песни есть свой автор — Нигмат Ибрагимов (Николай Мисаилович Ибрагимов), творческая и научная судьба которого еще малоизвестна и незаслуженно забыта.

Он — татарин по происхождению, сын чиновника, родился в 1778 году, воспитывался в Московской университетской гимназии для разночинцев, а затем учился в Московском университете. В дальнейшем был определен в Казанскую гимназию учителем славяно-русского и арифметического классов, был инспектором этой гимназии.

Н. М. Ибрагимов являлся создателем и организатором в 1806

году первого объединения литераторов Поволжья — Общества любителей отечественной словесности. В него входили такие известные ученые и литераторы, как Н. И. Лобачевский, С. Т. Аксаков, В. И. Панаев, К. Ф. Фукс, Г. И. Солнцев и другие. Общество ставило своей целью, кроме «взаимного усовершенствования в словесности», служить и «общему ее распространению в отечестве». Оно было близко петербургскому Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств — самому прогрессивному в то время. Многие члены казанского общества были и членами петербургского, печатались в изданиях, связанных с Вольным обществом. В них были опубликованы труды и литературные произведения Н. М. Ибрагимова, одного из передовых людей того времени, воспитателя целого поколения гимназистов и студентов, поэта, ученого, переводчика.

Н. М. Ибрагимов первым умел замечать талантливую молодежь, оказывал помощь и содействие молодым литераторам и ученым, привлекал их к активной творческой работе.

Однажды, пишет известный русский писатель С. Т. Аксаков, «маленькая татарская фигурка Ибрагимова, прошед несколько раз по длинному классу с тетрадкой в руке, подошла к отдельным скамьям новых учащихся. Ибрагимов стал предлагать всем ученикам, переведенным из нижнего класса, разные вопросы из пройденных ими «Введения» и двух глав грамматики — в том порядке, как сидели ученики. Порядок же был следующий: сначала сидели казенные гимназисты, потом пансионеры, потом полупансионеры и, наконец, своекоштные...»

Сергей Аксаков отвечал свободно и четко, после каждого ответа Н. М. Ибрагимов говорил: «Прекрасно». И вместо трех-четырех вопросов он задал способному ученику двадцать и всеми ответами остался удовлетворенным. Николай Мисаилович приходил в восторг, «изумление и восхищение», «улыбался во всю ширину своего огромного татарского рта». Потом вызвал Аксакова из-за стола, взял за руки, подвел к первому столу и сказал: «Вот ваше место».

Всю жизнь Николай Мисаило-

вич мечтал занять кафедру русской словесности в Казанском университете. Но это не удавалось ему потому, что он татарин. Затем все же был избран адъюнктом российской словесности Казанского университета. Преподавание в императорском университете в то время было для инородца пределом возможного, казалось даже невероятным. Верх взяли обаяние, авторитет и образованность Н. М. Ибрагимова, проводившего большую просветительскую работу. Огромно его влияние на многих литераторов, превосходших талантом своего наставника.

При жизни Николая Мисаиловича в печати появилась лишь небольшая часть его стихотворений и песен. Кроме песни «Во поле березонька стояла», известна и другая — «Вечерком красна девица», тоже ставшая народной. В обиход из нее вошла присловица:

*...Не ищи меня богатый:
Ты постыл моей душе.
Что мне, что твои палаты?
С милым рай и в шалаше.*

Н. М. Ибрагимов умер 17 апреля 1818 года от чахотки, похоронен на Арском кладбище в Казани. Перед смертью написал стихотворение «Прощание», опубликованное в рукописном иллюстрированном журнале «Хлыновский наблюдатель»:

*Простите! Бог велел оставить
всех и все.
Куда меня воззвал,
никто не отгадает.
Ну, что-то, братцы, там бедняжку
ожидает?
Здесь было... дайте честь...
ей-ей, ни то ни се.*

Нам, однако же, не следует повторять столь уничижительную самооценку поэта и деятеля просвещения.

с. Илек,
Оренбургская обл.

КРАСНО- ЗНАМЕННЫЕ ГОРОДА

Лука КОЗЛОВ,
майор запаса

«Фронтовики, наденьте орден!» Давайте повторим эти гордые слова в адрес орденосных городов, вспомним поименно те, что были награждены боевым орденом Красного Знамени.

Первым стал ПЕТРОГРАД — колыбель революции.

Во время второго наступления белогвардейских войск генерала Юденича петроградцы дружно организовали оборону. Одновременно они ни на минуту не прекращали производить оружие для нужд Красной Армии. Петроградская партийная организация послала в 7-ю армию четыре тысячи коммунистов. Всего в октябре 1919 года на фронт из Питера прибыло 28 000 бойцов, показавших в боях беззаветную храбрость и преданность революции.

20 декабря 1919 года на заседании Петроградского Совета всесоюзный староста М. И. Калинин вручил городу на Неве первый советский боевой орден.

ГРОЗНЫЙ до революции ничем не отличался от других заштатных городов российской окраины. Но в историю Великого Октября он вошел как пролетарский центр, как опорный пункт революции. Во время осады белыми грозненцы мужественно защищали город. Их сопротивление поддержало своим восстанием революционно настроенное терское казачество. Соединившись, эти две силы — рабочая и крестьянская — разорвали кольцо блокады.

За героическую вооруженную борьбу против южнорусской контрреволюции в течение 1918—1920 годов и за работы по восстановлению нефтяной промышленности Президиум ВЦИК 26 февраля 1924 года награждал город Гроз-

ный орденом Красного Знамени.

ЦАРИЦЫН (ныне Волгоград) был для контрреволюции ключом к Северному Кавказу и Украине, открывал выход к центру страны и на Южный Урал. Летом 1918 года на город двинулись банды белогвардейских генералов, оккупировавшие на Дону. По замыслу врагов Царицын должен был стать пунктом соединения южной и восточной контрреволюции. Но город на Волге превратился в крепость. С августа 1918 года по январь 1919-го белые трижды штурмовали Царицын и были трижды биты. Обороняясь, рабочие успевали делать на заводах оружие, боеприпасы, строить бронепоезда.

Постановлением Президиума ВЦИК РСФСР в мае 1919 года город был награжден Почетным Красным знаменем, а 14 апреля 1924 года — орденом Красного Знамени.

На третий день после штурма Зимнего, 28 октября 1917 года в далеком ТАШКЕНТЕ тревожно зазвучал гудок железнодорожных мастерских, возвещавший о начале вооруженного восстания.

Три дня рабочие Ташкента, возглавляемые большевиками, героически сражались против юнкеров и казачьих частей. Вооруженное восстание победило, над городом взвилось красное знамя.

Ташкентские рабочие вписали замечательные страницы в летопись борьбы с басмачеством. Город был питательной Советской власти на востоке, что имело огромное политическое значение. 14 апреля 1924 года Ташкент тоже стал краснознаменным.

В числе первых поднялся на борьбу с буржуазным Временным правительством и взял власть в свои руки луганский пролетариат. Тысячи своих сынов направил город на фронты гражданской войны. Героическая оборона ЛУГАНСКА у кургана Острая Могила весной 1919 года помогла ликвидировать смертельную опасность, нависшую над молодой Советской республикой.

В постановлении Президиума ЦИК УССР от 16 мая 1924 года говорилось: «Принимая во внимание большие революционные заслуги перед Союзом ССР рабочих Луганска (Ворошиловграда), которые проявились в защите Советской власти и пролетарской революции от контрреволюционных нападений в 1917—20 годах, на-

градить луганских рабочих орденом Красного Знамени». Орден городу вручил 16 июля 1925 года К. Е. Ворошилов.

На карте бывшей Российской империи КОПЕЙСК не значился. Весть о свержении царя в феврале 1917 года быстро разнеслась по шахтам и поселкам Челябинских копей. Началось формирование красновардейских отрядов для борьбы с контрреволюцией. Шахтеры разоружили черные сотни белоказаков атамана Дутова и корниловцев, с оружием в руках вступили в борьбу с белочешскими легионерами.

«Награждается орденом Красного Знамени, — читаем в постановлении Президиума ЦИК Союза ССР от 2 января 1925 года, — коллектив рабочих Челябинских угольных копей за помощь, оказанную Красной Армии 24 июля 1919 года при занятии г. Челябинска, когда в трудный момент рабочие влились в ряды Красной Армии и, презирая смерть, с пением «Интернационала» бросились в бой и тем помогли Красной Армии отстоять важный узловой пункт — Челябинск».

...С той поры прошли десятилетия. Преобразился краснознаменный Копейск, став крупным промышленным городом Южного Урала.

Ежегодно на площади Красных партизан, там, где сооружен мемориальный комплекс и высечены на мраморе слова приказа Реввоенсовета, копейчане провожают своих сыновей на военную службу.

г. Копейск.

Владимир ЦАРЕВ,
доктор геолого-
минералогических
наук,
Рюрик ПОВИЛЕЙКО,
кандидат технических наук

КАТАСТРОФА ПЛАНИРУЕТСЯ НА ЗАВТРА.

СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ В НЕФТЕЮГАНСКЕ

Заявление от 23 октября 1986 года секретарю Нефтеюганского городского комитета КПСС т. Метакнову М. М. от жильцов дома № 15 во 2-м микрорайоне:

«Мы обращаемся к Вам, Михаил Митрофанович, лично, так как все предыдущие наши просьбы в устной форме в отдел архитектуры горисполкома, а именно к т. Мухину, остались без внимания и без утверждающего ответа. Дело в том, что в течение последнего месяца в доме ощущаются сильные толчки, вибрирует посуда, раскачивается мебель. Толчки (послабее) были и ранее, особого беспокойства не вызывали. Но вот уже месяц, как дом сильно трясет...

Все это вызывает беспокойство и тревогу. В течение месяца спим урывками, тревожно. Уходя на работу, оставляем детей. При сильных толчках они убегают из квартиры. Да и мы на работе, как на иголках. Убедительно просим Вас лично принять участие в расследовании причин подземных толчков и дать нам объективный ответ на наше коллективное заявление. По поручению жильцов дома № 15: Бурзяева, Жарова, Николаева, Цейманы, Палкины, Гайнашины, Айвазяны, Клиндуковы, Музаевы и др. (всего 12 семейных подписей)».

Из протоколов опроса жителей домов 2-го микрорайона города Нефтеюганска 2 ноября 1986 года:

«Дом № 15. От берега реки 0,2—0,3 км. Первые толчки — в декабре 1985 года, затем в январе — феврале 1986 года они учащаются... С сентября толчки стали систематичнее: 60—70 ударов в минуту. Сначала плавно, потом «амплитуду мебель наберет»: она трясется, отходит от стены на 2—3 см. Продолжительность 2—3 мин, затем 1—3, 5-минутные перерывы и снова качание. Поперечные волны — колебания в плоскости, перпендикулярной берегу, а 1 раз (часа в 3 ночи) — колебания в плоскости, параллельной берегу. Как на волнах. Частота пульса. И долго: минуты 2—3. Сначала толчок в спину (лежал на спине), а потом пошло качание, в основном по продольной оси здания. Разделка швов, открытые волосяные

Царев Владимир Петрович и Повилейко Рюрик Петрович — один уже доктор (в области геолого-минералогических наук), другой добивается этого (на стыке экономики и техники). Судьба свела их в Тюмени во вновь организованном Институте проблем освоения Севера СО АН СССР. После года совместной работы выяснилось, что у них много общего, и тогда они сложили свои результаты. Вот что получилось у них на двоих: 100 лет жизни, 50 книг (500 статей), 5 документальных фильмов и 1 официально зарегистрированное открытие. Планы на перспективу — такие же плюс еще кое-что.

ИЛИ О ТОМ, ЧТО МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ В САМЫЕ БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ СО ВСЕЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ ТЮМЕНЩИНОЙ, ЕСЛИ МЫ НЕ ОБРАТИМ ВНИМАНИЯ НА УЖЕ СЛУЧИВШИЕСЯ МЕЛКИЕ, НО ТРЕВОЖНЫЕ СОБЫТИЯ И ОПЯТЬ ПРОИГНОРИРУЕМ НАУЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ

трещины. Качало 30 суток, но на 3—4-й день заметили, что порван карниз. Сам дом — 9-этажка 1976 года, рядом еще одна 9-этажка. Конструкции одинаковые, грунты одинаковые, расстояние 15—20 м. Здесь толчки на 8—9-х этажах такие, что люди с коек слетают, а в соседнем доме на тех же этажах совершенно ничего не ощущается».

«Дом № 4, общежитие, комната 93-б. С июля — августа 1987 года стала отмечаться качка в направлении к реке. Последний раз 2—3 дня назад. Начинается поздним вечером и кончается глубокой ночью. Три дня назад началось часа в 3 — проснулись. Продолжительность разная — до 5 минут. Сила тряски неодинаковая. Перерывы по 5—6 часов. Вечером трясет, потом затихает. В августе были очень сильные толчки, в октябре меньше. До июля — августа вообще ничего не было. Говорят, в доме № 13 (или № 14) на 4-м этаже тоже трясет. Спрашиваем девушек общежития: «Что чувствуете?» — «Ощущение очень даже приятное».

Странность? В чем же она? В каких городах сегодня помаленьку не трясет? Даже если это самые настоящие землетрясения — кто о них не слышал? Вся странность в том, что землетрясения происходят в центре Западной Сибири, там, где их нет, не бывает и не может быть. «Не верим, чушь!» — сказали специалисты. И все же им пришлось отправиться в Нефтеюганск, в самый центр событий.

Что же там случилось? Расскажем. Но сначала отправимся на БАМ...

НЕ ПОВТОРИТЬ ОШИБОК БАМА

Недавно группа высококвалифицированных специалистов — геологов, строителей, мерзлотоведов — побывала на БАМе для изучения аварийных деформаций зданий. Фотографии, которые самостоятельно сделал руководитель группы доктор географических наук И. А. Некрасов, буквально потрясают: натрое разваливающиеся вокзалы, стены из сплошных трещин, озера внутри домов, развалившиеся теплосети, здания, обтянутые металлопоясами...

Что произошло? Здесь строили, не считаясь с мерз-

лотой. И в результате — сваи, «повисшие» в оттаивающем грунте, развалившиеся сооружения, покинутые и заколоченные дома. Что это — новое для науки и практики? Нет, все эти явления деформации русские инженеры описали еще 100 лет назад и даже в этих же самых местах. Постройки — новые, ошибки — старые. Как будто не было и нет вечной мерзлоты, покрывающей 40 процентов территории нашей страны. Как будто нет науки о строительстве на вечной мерзлоте — инженерной геокриологии. Как будто нет специалистов-мерзлотоведов и авторитетнейшего Института мерзлотоведения СО АН СССР в Якутске. Потрясающая мерзлотобезграмотность!

Да и как ей не быть, если служб вечной мерзлоты ни у строителей, ни у путейцев нет. И не предвидится. И беда эта со строителями пришла на наш Тюменский Север — начали разваливаться высокоточные и дорогие компрессорные станции на месторождении Медвежий. Брак здесь оказался фундаментальным — практически все сваи не могли ничего держать. Сначала потери оценили в 2 миллиона рублей, а потом речь пошла о 170 миллионах. Были объявлены 5 выговоров стоимостью каждый в 34 миллиона рублей, выжаты на иные места работы искатели правды — и дело закрыли. В итоговых приказах и последующих разъяснениях было много слов. Не было главного — будет ли служба профилактики и предупреждения подобных катастроф?!

Сейчас, в преддверии 2000 года мы выходим в поход за нефтью и газом на Крайний Север. Для Тюмени это прежде всего освоение нефтегазоносного Ямала. Нефть, газ и другие природные богатства здесь охраняются толстым и очень ранимым щитом вечной мерзлоты. Что же, и здесь, на Крайнем Севере, мы повторим ошибки БАМа?!

Обидно еще то, что на БАМе эти ошибки (сила проявлений которых будет нарастать и нарастать) можно было предупредить. Лет шесть назад, когда строительство БАМа было в самом разгаре, И. А. Некрасов, идя от возможных изменений в климате, предупреждал, что для вечной мерзлоты БАМа сложится катастрофическая обстановка.

«Так в зоне БАМа оттаивает слой мощностью 10—15 м. В более северных районах оттаивание будет меньше, но и там протаивание увеличится на 0,5—1,0 м, что приведет к разрушению структуры поверхности. Таким образом, сложатся условия, в которых устойчивое существование всех сооружений, построенных по принципу сохранения многолетнемерзлого основания, станет невозможным. Но поскольку это основной принцип, по которому строятся все населенные пункты и промышленные объекты, а также линейные сооружения, то их судьба вызывает наибольшее беспокойство». Кто услышал голос Некрасова? Из хозяйственников — никто. Печально, не правда ли?..

ОЖИДАЕТСЯ ОПАСНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ

Вечная мерзлота в нашей стране неоднородна. На Севере и в предгорьях Восточной Сибири она местами прохватывает Землю на глубины до километра. К югу она истончается до поверхностной скорлупы и начинает встречаться островками, бляшками. Это — «вялая» мерзлота. Она предельно неустойчива, и достаточно малейшего притока тепла из за неумного вмешательства, чтобы она вытаяла, растеклась, превратилась во вселенскую хлябь. Домы и сооружения, построенные на этой «невечной» мерзлоте, расползаются.

В Тюменской области пролегает примерно 500 км шириной полоса с запада на восток с этой «вялой» мерзлотой. А здесь расположены почти все крупные нефтегазопромыслы и новые города.

Ученые Москвы и Тюмени завершили разработку модели прогноза климата и температурного режима грунтов Крайнего Севера Западной Сибири. Они с достаточной обоснованностью утверждают, что в ближайшие 3—5 лет завершится вековой этап похолодания на севере Тюменской области и начнется потепление, которое продлится до 2020—2025 гг. Среднегодовая температура повысится

не более чем на один градус, что несущественно для окраинного севера и юга области. Но вот для районов «вялой» мерзлоты с линзами «теплого» льда это потепление может сказаться с особой, пока даже непредсказуемой силой — начнется интенсивное протаивание окоченевшей земли, и оно двинется на нефтегазоносный Север со скоростью 40—50 км в год. Потом, со временем, к середине следующего столетия, все вернется на круги своя, но сколько за это время может случиться потерь!

К сожалению, именно в эту опасную зону попадает значительная часть нефтегазодобывающих предприятий, большинство действующих ниток трубопроводов, многие недавно созданные крупные промышленные центры. Ученые подсчитали: температура грунтов Уренгоя на глубине 10 м повысится на полградуса. Это приведет к повсеместному оттаиванию и осадке песчаных грунтов. Произойдет деформация зданий и сооружений. Особенно большие осадки ожидаются на торфяниках, на участках жилых льдов, нарушенных вмешательством человека.

По всей видимости, при сооружении магистральных трубопроводов и межпромысловых коллекторов в районах многолетнемерзлых пород придется пересмотреть технологию их прокладки, по крайней мере, южнее линии Шучье — Яр-Сале — Ныда — Самбург. В теплый период года неустойчивость будет испытывать полотно железной дороги на участке Тарко-Сале — Уренгой — Фарафонтьевская.

Конечно, есть вероятность того, что предсказание не сбудется. Но полное пренебрежение этими сведениями может привести к региональной катастрофе.

Сообщение ученых П. И. Ключева и В. Ф. Лукичева обо всем этом было сделано 26 марта 1985 года в Новом Уренгое на довольно представительной областной конференции по проблемам охраны окружающей среды в районах Тюменской Арктики. К сожалению, ни на конференции, ни после нее никто не вспомнил о выступлении-предсказании. Может быть, действительно это всего лишь только слова? Откуда же тогда они возникли, где истоки убежденности авторов?

ИЗ ТАЙГИ В КОСМОС

Тюмень, СибПНИИИС, Лукичев В. Ф. Договариваясь о встрече, Вячеслав Федорович Лукичев объяснял по телефону: «По улице Республики — до окраины, где автовокзал и завод медоборудования. Сойдете за мостом и по левую руку увидите невероятно грязно-зеленого цвета здание. Это и есть наш СибПНИИИС, или Сибирский производственный и научно-исследовательский институт по инженерным изысканиям в строительстве». Лукичев — высокий, уверенный в себе, бородастый, крепкий мужчина.

— Я — кандидат географических наук, — начал он беседу. — Свеженький. Только-только защитился в Нальчике. Диссертация выстроена на 1,5 млн. точек измерений. Выбрана тема докторской диссертации, которая звучит примерно так: «Гляциологические объекты районов освоения Севера Западной Сибири». Гляциологические — значит ледовые объекты, в основном вечномерзлотные. Это примерное название. Я — старший научный сотрудник лаборатории геокриологических исследований, а с 11 мая 1987 года — еще и завлабораторией механики мерзлых грунтов. Вот статья, с которой все у меня здесь началось: «Периодические колебания индексов прироста лиственных сибирской в газовой лесотундре и их прогноз». Прочитал ее в журнале «Экология». Авторы проанализировали дендрохронологический ряд. Дендрохронология — оценка скорости роста деревьев в течение нескольких столетий и даже тысячелетий. Видели срез дерева и толщину годовых колец? Они разные, в зависимости от того, помогали или препятствовал климат развиваться деревьям. Сравнивая толщину колец деревьев одной породы и выстраивая их в ряд, можно сделать очень много полезных и интересных выводов о закономерностях (циклах и ритмах) изменения климата.

Суть работы такова: взятые данные о толщине при-

растаемых ежегодно круговых колец на деревьях (а толщина их пропорциональна теплу, поступившему за год, а значит и среднегодовой температуре) за 867 лет и выделены закономерные изменения (периодика, тренд — главная тенденция) и случайные компоненты. Это называется гармоническим анализом дендрохронологического ряда. Известно, что самую замисловатую, «пилообразную» кривую можно представить в виде суммы некоторого количества наложенных друг на друга синусоид с разной амплитудой и частотой (растянутой во времени или учащенной). В этом случае ряд, отражающий в основном термические условия летних периодов, удалось разложить на 12 гармоник или циклов (отбросив случайные наслоения). И это позволило сделать прогноз колебаний возможных температур для Тюменского Севера (в виде индекса прироста сибирской лиственницы) до 2200 года. Но! Без учета того, что в это дело грубо вмешается человек, или без учета изменений климата, которые могут быть вызваны антропогенными воздействиями...

О СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА

Вячеслав Федорович Лукичев обобщал свой многолетний опыт сибирского строительства:

— Ситуация по Западной Сибири тревожная: миллиарды уходят в фундаменты, но никто ими не занимается. Науки о северных фундаментах нет. И потому миллионы рублей еще уходят на их ремонт... На Север пришли люди из Харькова, Краснодар, Донецка, называют себя строителями и строят. Что строят? Они не понимают: знать назубок марки цемента, кирпича, стали — это нуль знаний. Главное — основания и фундаменты. Какую бы коробку ни сделали и как бы трубу отлично ни сварили — все развалится из-за главного незнания. Мы вынуждены строить плохо, чтобы успеть. Спускают сроки строительства совершенно нереальные. И министерства не подготовлены к решению строительных задач на Севере. Где, например, технология бетонных работ? Где автомобили в северном исполнении? «Урал» якобы северный вариант. Возьмите ледовые дороги. На Аляске и в Канаде гораздо хуже условия, но их строят. А мы их не применяем. Есть чудесная машина «Град», похожая на дождевальную, прокладывает прекрасные экспериментальные ледовые дороги в Якутии. Но только там. Север не имеет своей стратегии освоения. Тактика есть, но — ведомственная: Мингазпрома, Минтрасстроя, Миннефтегазстроя, Минэнерго. А стратегии нет.

Все основные ошибки падают на стадию технико-экономического обоснования проектов. Если изменить к этому отношение, то может быть снято большинство последующих негативных проявлений. А пока сегодня с этим плохо. И просто страшно, когда мы начинаем выходить на Ямал. Так мы его можем загубить безвозвратно...

Говорил Лукичев, казалось бы, сумбурно, но постепенно вырисовывалась логика рассуждений, которая возвращала все к той же мысли: стратегии освоения Севера нет.

— Всем, и нам, строителям, прежде всего, ясно, — продолжал Вячеслав Федорович, — что в любое из северных строительно-производственных начинаний надо вкладывать с самого начала в 2—3 раза больше денег, чтобы потом не вкладывать в 20—30 раз больше. И аварийных ситуаций не будет. Но тогда резко подорожает «титул» — то, с чего начинается любая постройка. Нет, титул не трогать! Титульный лист — закон. Ни рублем дороже. Следят Госстрой, Госплан. Потом хоть миллионы пусть на ветер летят. Главное — титул без пятнышка!

Точка зрения, которая высказывалась в СибНИИИСе, была не бесспорна, но высказывалась с такой убежденностью и за ней стоял такой опыт, что просто отбрасывать ее было невозможно.

— Вспомните плавание Седова в тяжелейших льдах. Он неправильно выбрал годы выхода на Север. Но у него и не было другой жизни. В 80-е годы прошлого века было похолодание. А затем началось замечательное потепление в

Арктике, охватившее 20—40-е годы. Тогда шли маломерные суда на Север. Природа помогла Советской власти. Но эта помощь окончилась, и все изменилось к худшему...

СПРОВОЦИРОВАННЫЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

Но вернемся в Нефтеюганск, к странным событиям, развернувшимся в этом молодом городе.

Для объяснения и понимания случившегося проведем такой простой опыт: в прозрачном прочном стакане между двумя камнями-поршнями поместим замерзшую губку, насыщенную воздухом и водой. При этом необходимо соблюдать герметичность. Именно так в ближних глубинах земли — до 1000—1200 м — находятся нефть и газ. Теперь через тончайшее капиллярное отверстие начинаем отсасывать жидкость и газ. Давление в губке падает, однако структура, скелет ее еще держат тяжелую верхнюю толщу. Но вот предел прочности превышен. Мгновенный треск — и губка сплющивается, а по поверхности камня-поршня распространяется ударная волна. Мы смоделировали процессы, которые наблюдаются в тюменском регионе.

Район Нефтеюганска, как и вся Западная Сибирь, — зона спокойная, сейсмопассивная, не проявлявшая себя землетрясениями. И вдруг они проявились. В Нефтеюганске многоочаговые 3—4-балльные землетрясения наблюдались вдоль берега Юганской Оби (в радиусе 1000—1200 м). И виноват в том сам человек. К этому выводу пришли при изучении материалов директор ЗапСибНИГНИ член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской премии И. И. Нестеров и научный сотрудник института А. Резник. Перемещение масс грунта при планировке города, добыча пресных подземных вод и нефти, наконец вибрации от установки шпунтовых свай — вся эта деятельность потребовала от природы неизбежной разрядки в виде малых землетрясений.

Кстати, именно здесь, в Нефтеюганске, 8 лет назад из-за деградации мерзлоты и последующего разрыва труб термальные воды проникли в водоносный грунт — изменили состав пресной воды, повысили ее температуру. Мелочь? А уже через 3—4 года разрывы эксплуатационных труб резко участились, скважины стали выходить из строя в 1,5 раза чаще. Но когда в продуктивные пласты перестали закачивать воду для поддержания пластового давления (при добыче нефти), то положение стало еще более сложным и неопределенным. Вполне можно ожидать, что в ближайшие 5—10 лет (а может быть, и ранее) землетрясения станут опасными.

Все это — результат «дикого» освоения недр Тюмени в течение десятилетий без учета и прогноза экологической обстановки. Лет 20 назад ученые предсказывали наступление периода мелких, а затем и крупных катастроф. И говорили тогда о предстоящих 15—20 годах, называя их критическим временем. И вот это критическое время наступило.

ДОКЛАДНАЯ С УБЕДИТЕЛЬНОЙ ТАБЛИЦЕЙ

«Докладная записка о результатах командировки в г. Нефтеюганск, ПО «Юганскнефтегаз» в связи с сообщениями о землетрясениях в сентябре — октябре 1986 года. Заместителю директора ЗапСибНИГНИ т. Кулахметеву Н. Х.

За время командировки с 30 октября по 4 ноября 1986 года были проведены опросы и выполнены полевые наблюдения за урвненным режимом в водозаборной и строительных скважинах. Документальные сведения (динамика добычи и закачки, аварийные ситуации на скважинах, химсостав пресных подземных вод, размещение промысловых скважин) собраны совместно с работниками отдела разработок объединения; работа выполнялась в контакте с отделом капитального строительства, совместно с сотрудниками ГипЛенНИИПГрадостроительства. О целях, задачах и результатах командировки был поставлен в известность второй секретарь горкома КПСС т. Разумовский Е. А.

Сведения о сейсмогенной ситуации в городе поступили от жителей 1-го и 2-го микрорайонов в октябре (одно из заявлений в горком КПСС от 23 октября 1986 г.). В ходе первоначальных исследований было установлено, что вибрации и толчки в жилых домах связаны с работой виброустановки на берегу реки. Ниже приводятся эти сведения, уточненные в ходе детальных бесед с очевидцами; наиболее существенные опросные сведения записаны на пленку. При сопоставлении режима работы виброустановки с особенностями колебаний и толчков в жилых домах помимо записей высказываний жильцов дома № 15 использовались данные из журнала мостоотряда № 15 «Мостостроя» и др. документы.

Из сопоставления фактов следует, что землетрясения связаны с возмущениями, создающимися работой виброустановки при определенном уровне интенсивности. Полного соответствия нет. Толчки и вибрации происходят не только во время работы виброустановки: частота их проявления лишь увеличивается во время забивки свай. С прекращением работы частота толчков уменьшается, однако толчки-афтершоки могут произойти спустя несколько суток. По всей видимости, здесь и имеют место сопряженные процессы, один из которых выступает в роли возбуждающего, ускоряющего фактора. Расчеты показывают, что энергия виброустановки весьма мала по сравнению с энергией вызываемых ею сейсмоявлений, подготовленных всей предшествующей историей нарушения равновесия в недрах, во всяком случае энергия, потребляемая для раскачивания даже одного 2000-тонного 5-этажного дома, на порядок больше энергии, потребляемой вибратором. В целом сейсмогенная ситуация в городе Нефтеюганске сложна.

Дополнительно отметим, что разрыв эксплуатационных колонн еще в 1979 году привел к поступлению соленых термальных вод в подмерзлотный водоносный горизонт на глубине до 280—300 м. Процесс продолжается и, по-видимому, сопровождается деградацией (разрушением) островной мерзлоты. Изменился химический состав пресных подземных вод. Так, в скважине № 7209 городского водозабора среднегодовое содержание хлор-иона с 1979 года возросло с 42 до 62 мг/л. На том же водозаборе при фоновом содержании хлор-иона порядка 20—30 мг/л имеются очаговые возрастания до 245 мг/л (скважины расположены компактно, среднее расстояние между ними около 50 м). В июне 1986 года на 5-ти из 20-ти действующих скважин содержание хлор-иона временно увеличилось в 2—2,5 раза. Нарушение гидродинамического равновесия в связи с добычей нефти и воды вызывает изменение концентрации напряжений. По новообразованным деформационным каналам термальная вода проникает вверх по разрезу, вызывая растепление мерзлых пород, оседание почвы и др.

Отметим еще ряд событий, имевших серьезное значение для создавшейся весьма напряженной сейсмогенной ситуации в Нефтеюганске: 1982—1983 гг. — изменение солнечной активности (оценивается числами Вольфа); 1984—1985 гг. — время, когда промысловые скважины наиболее часто выходили из строя (разрыв эксплуатационных труб); 1985 год — экспериментальное изменение технологии поддержания пластового давления; 1985 год — дефицит компенсации добытой нефти и попутной воды (давление в пластах упало). Причинно-следственные связи между этими событиями и сейсмоявлениями находятся на уровне предположений и требуют дальнейшего анализа.

Отсутствие гидрогеологической службы в системе Главтюменнефтегаза предопределило невозможность специальных исследований, путаницу в отчетных материалах по анализу химсостава вод, полное отсутствие наблюдений за режимом подземных вод, а также неопределенность в раскустовке скважин (так, изучив размещение 6 кустовых скважин, установили, что плановая основа не вызывает доверия — привязка их по материалам 1980 года существенно отличается от привязки 1986 года). Но организация гидрогеологической службы — это только часть дела. Главное — необходимо обратиться в партийные и

советские органы, создать службы мониторинга окружающей среды (включая сейсмомониторинг) и первый опорный пункт этой службы сформировать в Нефтеюганске. Завсектором ресурсов подземных вод Н. И. Зенков, старший научный сотрудник А. Д. Резник.

14 ноября 1986 г., Тюмень.

ЗЛО И ДОБРО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ

Одно из последних довольно сильных землетрясений в центре Западной Сибири случилось 76 лет назад: 23 марта 1912 года. Энергия, которая вызывает землетрясения даже самые малые (сила их оценивается в баллах по международной широко известной шкале), по человеческим масштабам непредставима. Мгновенное уплотнение на десятки доли миллиметра, отнесенное к глубинам 500—1000 м, проявляется на поверхности разрушительным землетрясением силой 6—7 баллов (энергия около 10^7 джоулей).

Техногенные землетрясения начали проявляться как фактор, тревожащий цивилизацию, всего лишь несколько последних десятилетий. Наблюдения, особенно в Западной Сибири, отрывочны, неполны, но уже приводят специалистов в недоумение.

Странности эти проявлялись и в Нефтеюганске. Один и тот же микрорайон. В одном доме люди говорят: «Да, да, да!». А в 10—15 метрах от него, в доме по соседству: «Нет, не замечали толчков». Вероятно, для техногенных, неглубоких по очагам землетрясений радиусы действия и разрушений невелики — десятки метров и даже считанные метры.

Ничто из природных явлений не может быть оценено однозначно. Трясение земли тоже может нести людям не только зло, но и добро. Уже применяют вибрацию для активации пластов. Замечали: проедет бульдозер, прорычит — и вдруг увеличивается добыча нефти. Связь осознаем, эффект есть, но управлять им пока еще не можем. Примечательны недавние эксперименты по возбуждению направленных деформаций, которые выполняются Институтом физики Земли при участии ученых Азербайджанской Академии наук и Кубанского университета. Провокационные вибрации — разрядка напряжений — активация нефтяных пластов. Схема проста и в то же время исключительно сложна из-за множества побочных факторов фона и окружающей.

Небольшое отступление: зарубежный опыт. При закачке вод в скважину в сейсмояроне у города Мацусиро (Япония) количество землетрясений здесь подскочило, причем очаги их постепенно мигрировали с поверхности в глубину. Район близ скважины «Арсенал» у Денвера (штат Колорадо, США) считался «тихим» до закачки в 1962 году прормстоков. Спустя месяц в окрестности 3×8 км начались многочисленные землетрясения и, хотя закачку прекратили, они продолжались с нарастающей интенсивностью еще 10 лет. В том же штате Колорадо в 1969—1973 гг. были организованы специальные эксперименты на нефтепромыслах Рейнджли, которые дали надежду на возможность управления техногенными землетрясениями (подбор точек откачки-закачки). Опыты в районе Мина (штат Невада) и др. подтвердили возможность разрядки напряжений путем создания, провоцирования рассредоточенных во времени мелких землетрясений. Программа национального предсказания техногенных землетрясений в США уже формируется 10—20 лет и еще не завершена.

Все эти зарубежные примеры — не аналоги Нефтеюганску: различие геологических условий велико и любые параллели здесь явно были бы сомнительны. И все же... В «Арсенале» был выпущен один джинн из бутылки, которого загоняли обратно целое десятилетие. В Нефтеюганске выпущена на свободу целая стая джиннов. Здесь накопление деформаций достигло, по-видимому, критического порога, и сработал двойной спусковой механизм — работа виброустановки, изменение режима закачки в пласты. И разрядились землетрясения.

СЛУЖБА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Есть в медицине теория, которая гласит: живое тело неизбежно накапливает мелкие болезненные изменения, которые необходимо снимать периодическими микровзрывами. Не ждать порогового накопления, когда разверзнется катастрофический очаг болезни, а провоцировать организм к самоочищению. Неравновесное состояние — возмущение, переход к равновесию. В этом, например, суть иглоукалывания и прижигающей терапии.

Интенсивная добыча нефти и газа без полной компенсации «пустот» выводит недра из состояния покоя. Недра кричат, трещат, выпирают из себя сваи и колонны, перекашивают здания, извещают о себе просадками поверхности — сначала мелкими, а затем и катастрофическими. Ждать катастрофы? Нет, предупреждать! Не ждать, когда давление в недрах упадет, а снимать напряжения.

Тюмени нужна служба предупреждения техногенных катастроф. На ее создание требуются мизерные средства, ну, может, сотые доли процентов от тех великих капитальных вкладов, которые идут на подготовку и освоение месторождений. Нужна группа исследователей с сейсмоаппаратурой. И еще эскадрилья бомбардировщиков. Специалисты выявляют геоточки, составляют график, а летчики кидают бомбы. В основном месторождения эксплуатируются в местах незаселенных — поэтому и бомбардировка будет безопасна.

Такое уже в георазведке было, и помощники-бомбардировщики — не новость: в Восточной Сибири, отдаленных районах Якутии это уже опробовалось. Районы там громадные, совершенно необжитые, абсолютное бездорожье, и тащить для глубинного зондирования куда-то заряды, готовить их, взрывать — дело невероятно трудное. Да и зачем оно? Есть авиация, она только спрашивает: «Когда, сколько и куда?» Отмечаем время и точки и ждем поодаль с сейсмоаппаратурой. То же самое и здесь. Взрыв! Если аппаратура показывает нечто большее, превышающее энергию взрыва, то, значит, дело сделано. Отмечена релаксация, землетрясение спровоцировано — напряжения в глубинах сняты, равновесие в недрах восстановлено. Конечно, геологическая картина не так проста, как мы здесь ее рисуем, и организация службы предупреждения в таком громадном и сложном регионе, как Тюмень, представляет много сложностей, но создание ее необходимо. Служба предупреждения техногенных катастроф нужна Тюмени не завтра, а уже сегодня.

НЕ ИМЕЕМ ПРАВА НА САМООБМАН

К чему же мы ведем весь разговор? А вот к чему...

Возьмем хорошую геологическую карту Сибири и рассмотрим фундамент западно-сибирской плиты. Он в большей части своей совпадает с границами Тюменской области. Города Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск, Самбург, Ямбург, Тарко-Сале, Тазовское, Уренгой находятся на рифтах. Это глубинные разрывы, которые расчленяют материк. К рифтам тяготеют крупные месторождения полезных ископаемых.

Да, Западная Сибирь в целом сейсмически тихая зона, но если здесь начнется движение земли, то это найдет отклик в гигантских трещинах-рифтах и по их краям. Именно здесь мы добываем нефть и газ. И здесь мы увеличиваем неравновесие. К чему это приведет? Сначала к едва слышимым землетрясениям. А потом?

До отбора нефти и газа горные массы находятся в равновесии. Берем нефть и компенсируем ее водой, хотя и не полностью — трудно загонять во все опустевшие подземные поры воду, восстанавливая исходное давление. С газом еще хуже, его просто отбирают у земли без всякой компенсации. Возмущенная природа выходит из равновесия и начинает своим вздрагиванием разрушать творения человеческого разума. Растет количество аварий, особенно на вечной мерзлоте. Резко ухудшают обстановку всеческие вибрации, без которых не обходится ни строительство, ни добыча.

Трясет несколько лет Альметьевск в Татарии. Опускается поверхность Шебелинки на Украине. Почти век откачивало из-под себя нужную пресную воду Мехико — и опустилось на 4—5 м, а местами даже на 8—10 м, и совсем недавно там случилось сильнейшее землетрясение. Мы из этого вывода не сделали: «Это у них, это там». А у нас — катастрофическое разрушение поселка Газли в Средней Азии. На небольшой естественный толчок недр здесь наложились техногенные вибрации, и пришел девятибалльный, сметающий все удар.

И вот первый звонок у нас на Тюменском Севере: месторождение Медвежье и город Нефтеюганск. С ними предстоит еще науке тщательно разобраться, но делать это нужно как можно скорее. Ведь самое страшное впереди: сила горного удара пропорциональна размерам очага. Медвежье по размерам поверхности гораздо больше Газли и в нем за десять лет наполовину упало давление пласта. Еще мощнее месторождение в Уренгое. В нем тоже быстро падает давление. На очереди — Ямбург. И всюду здесь слабые породы.

Медвежье, Уренгой, Ямбург — выход из строя даже на короткое время, любого из этих месторождений может принести тяжелые последствия для всей страны. Ущерб трудно представить. Но после Чернобыля мы не имеем права на сладкий самообман.

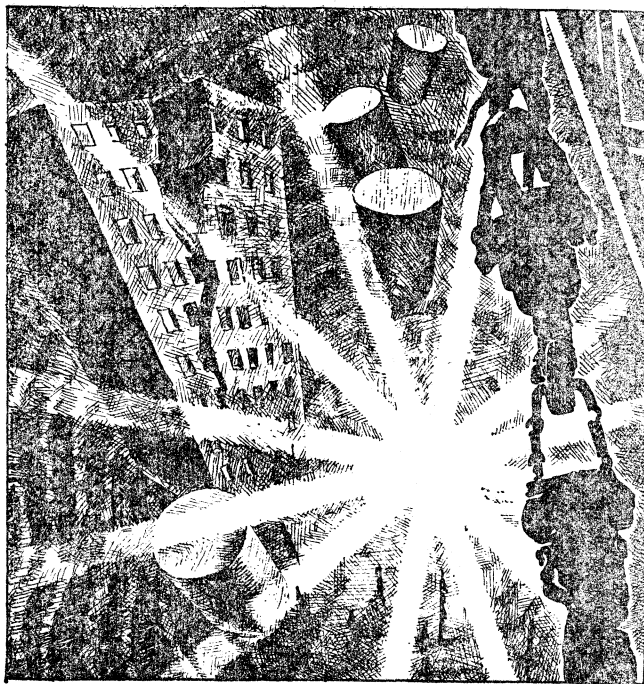
НУ А ЕСЛИ МЫ НЕ ПРАВЫ!

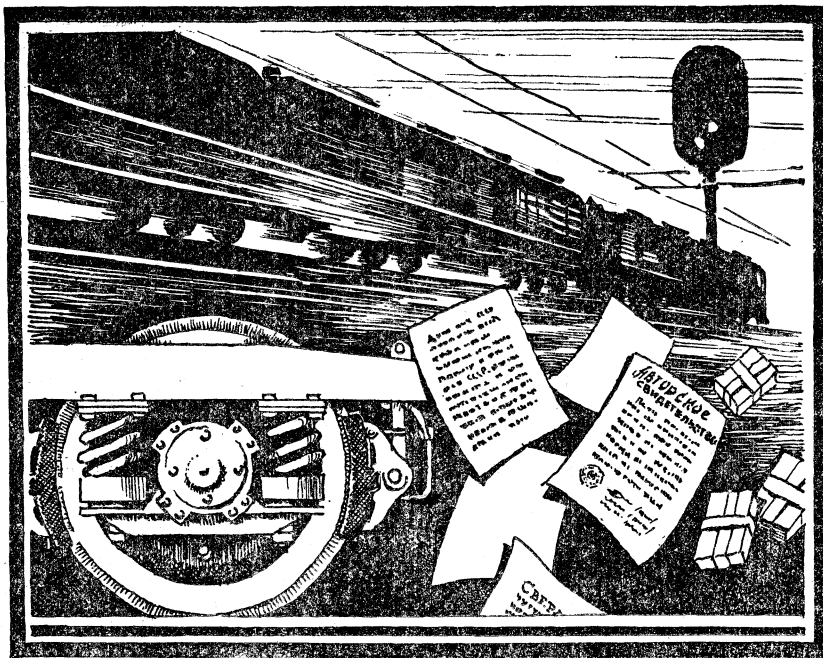
Землетрясение — это беда. Мерзлота — бедствие. Мерзлота плюс землетрясение это уже, действительно, катастрофа. Даже слабое землетрясение в условиях вечной мерзлоты усугубляет последствия в 10, 100, 1000 раз. А если это мерзлота «вялая»? А если это мерзлота протаявшая, бывшая, исчезающая?! Учатся на ошибках пусть другие — неучи, дураки, самохвалы. Мы должны ошибки предупреждать.

Предположим, мы не правы. Допустим, мы перестраховщики. Но Ямбург, Медвежье, Уренгой — это все настолько серьезно, что и перестраховаться не грех! Ставки здесь настолько велики, что любая осторожность не помешает.

И мы были бы счастливы, если бы наши предположения не оправдались!

Рис. Владимира Казакова

«ЧИСТЮСЬ ПО РОССИИ»

Леоид ГАРЯЕВ
Рис. Владимира Казакова

Вряд ли кто не обращал внимания на чугунные колодки локомотивных и вагонных колес. Когда надо остановить состав, машинисту достаточно нажать тормозной рычаг, чтобы эти пятнадцатикилограммовые пластины плотно стиснули каждое из колес, замедляя их вращение до полной остановки.

Просто, казалось бы. Но представьте, какое громадное усилие требуется для того, чтобы погасить скорость тяжело груженного поезда. Удар принимают колодки, которые непосредственно соприкасаются с колесами. Бывает, что колодки (толщиной шесть сантиметров) за неделю становятся тоньше на три четверти. Все остальное перетерлось, превратилось в пыль. Если вспомнить, какое огромное количество локомотивов и вагонов пересекает во всех направлениях просторы нашей страны, то можно понять, какие тучи пыли, недавно еще бывшей металлом, рассеиваются по обочинам стальных путей, — не безвредные, кстати, для здоровья людей.

Ежегодно железнодорожникам требуются десятки миллионов чугунных тормозных колодок.

Как сохранить тысячи тонн металла от перевода его в пыль, собрать немало времени: ведь замена каждой колодки производится вручную и занимает около десяти минут. Чугунолитейщикам Уральского НИИ черных металлов было ясно, что решать эту задачу можно только за счет повышения стойкости, работоспособности колодок. А для этого скорее всего пришлось бы пойти на замену рядового серого чугуна, из

которого отливались отечественные колодки, другим, высокофосфористым, каким пользуются в США, в частности, компания «Эйбекс корпорейшен», снабжающая своей продукцией многие страны мира.

Высокофосфористый — значит, насыщенный фосфором, который обеспечивает колодкам необходимый для их нормальной работы повышенный коэффициент трения. Поэтому и пришлось прежде всего искать новые составы чугунов. Не меньше года исследователи только что не ночевали в лаборатории и цехе опытного завода, но нашли такие, что даже изобретениями были признаны.

Но новые колодки, кроме высокого тормозного эффекта, должны отличаться и хорошей износостойкостью, то есть возможно меньше изнашиваться, подольше сохранять рабочее состояние. Совместить взаимноисключающие, казалось бы, требования можно, легируя чугун, добавляя в него малые дозы различных элементов, прежде всего ванадия и титана. Но какие из множества соединений обоих элементов лучше использовать для легирования? Наиболее известные слишком дефицитны, дороги, и потому нечего было мечтать о них. «А что если попробовать электротермический феррофосфор?» — предложил кто-то из молодых литейщиков. Этот сплав считался побочным продуктом, чуть ли не отходом Ново-Дзямбульского фосфорного завода. Дешевизна, стало быть, гарантирована, а в нем были небольшие примеси ванадия и титана. Повысить бы их содержание! Уральские исследователи, ученые Институ-

та металлургии и обогащения Академии наук Казахской ССР в результате длительных испытаний сумели вдвое увеличить процент ванадия и титана в электротермическом феррофосфоре, который мог теперь не только обеспечивать в чугуне тормозной эффект, но и служить для легирования, выступать, так сказать, в двух лицах.

Плавки высокофосфористого чугуна, легированного ванадием, впервые состоялись на Уралвагонзаводе. Начало было обескураживающим. На завод поступило два контейнера с электротермическим феррофосфором разного состава: один с низким содержанием кремния, другой — с более высоким. По чему-то не рассмотрев тот и другой свалили в один короб. Заметили это, только когда началась плавка. А время поджимало. Оставалось одно — перебирать вручную, благо сплавы немного различались по цвету. Целую тонну перелопатили, работали, невзирая на чины, и кандидаты, и даже без пяти минут доктора наук.

Зато исход плавков порадовал. Проведенные позднее испытания показали: первые советские колодки из высокофосфористого чугуна по прочности вдвое, а по износостойкости в полтора раза превосходили американские.

Итак, направление было взято верное. Но не на беговой дорожке состязаемся мы в данном случае с американцами и, настигнув, даже превзойдя их в чем-либо, не можем позволить себе передышку. Когда все дальше простираются железнодорожные пути, а грузоподъемность соста-

вов достигла казавшейся ранее невероятной цифры — десять тысяч тонн, надо думать о создании еще более совершенных тормозных устройств.

Но для дальнейших исследований нужна постоянная производственная база. Одно дело — добиться обнадёживающих результатов в лаборатории, и другое — подтвердить их в заводских условиях. Найти же предприятие, на котором без излишней спешки, без помех и даже в расчете на помощь можно конструировать колодки новых образцов, а затем и выпуск их наладить — совсем непросто. Выбор пал на Ташкентский тепловозоремонтный завод, производственная база которого наиболее отвечала условиям эксперимента. Привлекало и то, что чугунолитейный цех этого завода возглавлял энергичный тридцатилетний инженер В. М. Ивашутин, металлург по образованию и механик по призванию, владеющий чуть не десятком рабочих профессий, человек, не просто приверженный рационализаторству, но и «блестящий» им. И кроме того, превосходный организатор. За три года он сумел вывести цех с одного из последних на первое место, добиться того, чтобы любой заливщик или формовщик научился видеть за ежедневной однообразной работой маячащий вдали ее конечный результат.

А когда так, то и расстояние — не помеха для взаимопонимания. Смысл любого замечания, высказанного в письме или по телефону, на лету улавливался ташкентскими товарищами и тут же воплощался в конкретные дела. О личных же контактах, хоть и не очень частых, и говорить нечего.

Стратегию поисков чугунолитейщиков определяет рачительный, хозяйский подход ко всему, чем приходится заниматься. Не любой ценой выполнять поставленную задачу, а с наименьшей затратой средств и сил. Высокофосфористый чугун при всех своих достоинствах отличается хрупкостью, а это в условиях сильного сжатия при торможении грозит разрушением колодок. Чтобы уменьшить эту опасность, все они, в том числе прославленные американские, армируются каркасом: пятью рядами объемной сетки из мягкого стального листа, которая закладывается в литейную форму и заливается чугуном. Когда группа начинала работу, возник вопрос: где брать сетку? Заказывать специально на заводах — накладно, да и лист стальной — материал фондовый, для экспериментов не получить. Решили, как бывало не однажды, поинтересоваться отходами других производств, поискать среди них дырчатые стальные полосы, покопаться на складах Вторчермета, да не только в Свердловске, а и в Челябинске, Ташкенте, и нашин.

Конечно, заманчиво было бы во-

обще обходиться без каркаса. Ведь при массовом производстве новых колодок сетки из отходов не напаешься. Придется выбивать фонды на лист, добывать станки для просечки и вытяжки его, а потом, когда получится сетка, покрывать ее краской, не простой, а специальной, предохраняющей сталь от насыщения углеродом, да еще разрезать, гнуть, не вручную, разумеется. Все это требует немалых затрат, которых чугунолитейщики стараются избегать.

Но отказаться от сетки можно лишь при резком повышении служебных свойств чугуна, а значит — дальнейшего вторжения в его структуру, главным образом за счет легирования комплексными микродобавками различных элементов.

Каких? Даже просто перечислить эти сложнейшие по составу добавки, которые металлурги называют лигатурами, нельзя, не увязнув в сугубо специальных вопросах. Да и вряд ли есть в этом надобность. Достаточно сказать, что один из челябинских НИИ взялся изготовить по заказу литейщиков разработанную ими лигатуру, вроде бы подходящую для эффективного применения в ваграночной плавке. Вроде бы — потому что окончательный ответ можно получить, только проведя плавки с этой лигатурой, а затем — испытания новых колодок.

Ради этого и прибыли в очередной раз на ташкентский завод уральские исследователи Воробьева и Кочевых, оставив за крылом самолета почти две тысячи километров и вольно увеселю сумку с драгоценными килограммами металлического порошка...

Для того чтобы лигатура не просто попала в металл, а усвоилась им и сработала в полную силу, не хватает примерно ста градусов, и возможности цеха в этом отношении ограничены. И хоть знает обычно спокойный, сдержанный Сергей Кочевых, что здесь сделают всё для успешного исхода плавки, все же не может сдержать волнения при встрече с главным металлургом завода Ивашутиным, тем, что недавно еще был начальником цеха.

— Владимир Михайлович, так дадите нам температуру?

Ивашутин понимающе кивает: конечно, постараемся, и отдает короткое распоряжение своему молодому преемнику Шухрату Хидирову. Тот, сорвавшись с места, устремляется в дальний конец цеха. Через несколько минут заметно ярче становится цвет металла, люющего из вагранки в ковш — увеличилась подача кислорода. Из отдела главного металлурга прибегает инженер-технолог Зухра Умарова с пирометром, прибором, с помощью которого определяют температуру жидкого металла. К окуляру принимает старейший технолог, многоопытный

Г. А. Одобаш. И удовлетворенно кивает: для опытной плавки достаточно.

Наконец, все готово. На конвейерную ленту укладываются четыре формы без сетки. Сейчас готовят опоки, и сквозь отверстия в формовочной земле польется металл из ковша, который уже подводит заливщик. В эти последние минуты остается только пометить мелом формы, чтобы, когда чугун затвердеет, при выбивке не перепутать экспериментальные колодки с обычными, рядовыми.

Едва успев перекусить, Кочевых вместе с Воробьевой отправляются отбивать литники, застывшие выбросы металла, чтобы по их изломам наметанным взглядом прикинуть, отличается ли чугун от обычного высокофосфористого. Более светлый, чем обычно, цвет среза внушает некоторую надежду. Подкрепить бы ее здесь же, сейчас, не дожидаясь лабораторных анализов у себя, в институте... Но чем? Разве только на прочность испытать — прессовое хозяйство рядом. И вот уже Кочевых тащит из цеха, метров за сто с лишним, держа чуть на отдалении, «свежую», не остывшую за три часа, обжигающую сквозь брезентовые рукавицы колодку. Ее кладут под пресс, и все собравшиеся, не только исследователи, но и Ивашутин с Хидировым, и технологи, и болельщики из числа рабочих, напряженно следят за показаниями прибора. Когда стрелка переходит цифру 30, слышится вздох облегчения, 40 — вызывает чью-то одобрительную реплику, а наконец 50 — восторженный, чуть не девчоночий вскрик Воробьевой, забывшей и о солидности, которую надлежит соблюдать кандидату науке, и о всех своих сомнениях и опасениях. Впрочем, на ее месте вряд ли кто сдержал бы эмоции: 53 тонны нагрузки выдержало их детище, экспериментальная бескаркасная колодка, на двадцать с лишним тонн больше, чем обычные из высокофосфористого чугуна с сеткой.

Достижение? Бесспорно. А точнее — важная ступень к успеху. Насколько полным он будет, скажет позднее только испытательный стенд в Центральном НИИ Министерства путей сообщения, куда после всесторонних проверок в Свердловске, в институте, отправят образцы новых колодок. Если, упрощенно говоря, представить предъявляемые к ним требования — высокие прочность, износостойкость и коэффициент трения — в виде линий, то задача исследователей как бы свести их в одной точке. Ювелирно точно выверенными сочетаниями добавок кремния, кальция, магния, бария и многих других элементов. Такими, в которых и доли грамма каждого могут играть роковую или спасительную роль. Как художник, оперируя всего семью

цветами радуги, достигает бесчисленного разнообразия оттенков, ищет и находит единственно верные, необходимые ему. Чуть оступишься — и осечка, начиная все сызнова.

...А концовка этого материала, увы, грустная. На состав высокофосфористого чугуна с повышенной прочностью получено авторское свидетельство. Но, несмотря на то, что работа проводилась по программе Госкомиздата по науке и технике Совета Министров СССР, создается впечатление, что результаты ее никому, кроме авторов, не нужны. Министерство путей сообщения, выступившее в свое время застрельщиком совместной работы, в дальнейшем начисто утратило интерес к этой теме и, кажется, испытывает какие-то собственные колодки, не посвящая в свои секреты недавних партнеров.

Что остается делать чугунолитейщикам института, на которых насаждают новые, далекие от колодок проблемы? На выяснение отношений с МПС у них — ни сил, ни времени. А по железным дорогам страны идут, густо чадая чугуном срадом, составы с колодками самыми обычными, из серого чугуна. Сравнительно новые колодки — из высокофосфористого — выпускает один только ташкентский завод и готовится стать вровень с ним еще один — коломенский. Что же касается бескаркасных колодок (тех самых, что отливались в Ташкенте), то они, отправленные еще три года назад на испытательный стенд Центрального НИИ МПС, канули в безвестность. И чугунолитейщикам остается, полагаясь только на себя, без всякого стенда, организовать испытания сразу в производственных условиях на одном из заводов своего министерства. Пройдут эти испытания успешно — новые колодки смогут работать хотя бы в железнодорожных цехах металлургических заводов, труд будет оправдан, хотя и в меньшей степени, чем надеялись.

Ведь когда начинали работу, не задумывались о ведомственных перегородках, пеклись не только о предпочтениях «своего» министерства — о всех, чью жизнь могут облегчить новые колодки, чувствовали себя ответственными, говоря словами поэта, «за Россию, за народ и за все на свете».

И хотя обстоятельства разбросали далеко друг от друга тех, кто несколько лет назад начинал работу, каждый из них сохранил в душе этот добрый настрой. Тот, что созвучен словам великого Пушкина, который, отвечая на вопрос, по какому ведомству он служит, сказал: «Я числюсь по России».

ВЕЧНАЯ НАША ЗЕМЛЯ

ЧАС РОДЕНА

Мне взаймы не дано ни мгновенья,
А долги все растут и растут.
Постучат — отворю, и за дверью
Только эхо минувших минут...
Я — сейчас! Лишь передник накинута.
Вновь поверив волнению рук,
Разомну комковатую глину
И в каркасе почувствую вдруг
Сопрежение жестов и линий,
И живое найду в неживом,
Осязая слияние в глине
Клеток кожи с земным веществом.
Вот сейчас...

как ознобом по телу,
Пробежит по душе муравей,
Означая — единственно — меру
Диспропорции лепки моей,
Заклучив и надежду, и муки —
И надежду и муки труда.
И опустятся тяжкие руки.
А в горстях — пустота,
пустота.

ЛЕГЕНДА

На обугленном остова печи,
На безжизненных струпях земли —
Всюду след огневого увечья
И полынь — в неприютной пыли.
То ли глупость сгубила строенья —
То ли злорада утеша.
Что здесь было — зимовье, селенье?
Кто здесь жил?..

Все сгорело дотла.
И какой-нибудь путник случайный,
Отойдя от машины своей,
Постоит у картины печальной
И уедет себе поскорей.
И потом, как потомок бесхозный,
Возникает над мертвой землей,
Озирая далекие звезды,
Полуумный старик-домовой.
На обугленном остова печи,
На безжизненных струпях земли
Он забудет слова человечьи,
Чтобы мысли не мучать свои.
Чтоб не слышать ни зова, ни пеня
В бесконечной ночной тишине
И грибов раскаленные тени
Наблюдать на окрестной луне.

Евгений
ТУРЕНКО

* * *

Любимые,
братья,
сыны...
Отмеряны годы и годы —
Долга их дорога с войны
К родимому дому,
к восходу.
Я вижу, как в утренней мгле,
Земной тишине улыбаясь,
Идут они снова ко мне,
Все явственнее отдаляясь.
Света нет,
и меркнут следы,
Невнятные слышатся звуки.
Бледнеет сиянье звезды
Над синевой гладью излуки...
Стою в перекрестье окна.
Земля —
в ожидании света:
Четыре часа.
Тишина.
Июнь...
Продолжается лето.

ПОЛУСТАНОК

Вот и отходит морозка,
Скоро и первый мороз...
Смолк перелесок сторожко,
Слушая грохот колес.
Миг... и проносятся мимо
Лица в вагонном стекле —
Силою неодолимой
Судьбы несет по земле.
Женщина в красной фуражке
Молча отправит состав,
Возле березы-двойняшки
Чуть постоит, повздыхав.
Шелест скрадет понемножку
Эхо вагонных колес.
Вот и отходит морозка,
Скоро и первый мороз...
Мне ли, наезжему гостю,
Помнить обыденный вид —
Домик, поленница, осень...
Что ж так душа-то болит?
Словно из памяти кто-то
Тихо окликнул меня...
Мама!?

А это — природа,
Вечная наша земля.

Туренко Евгений Владимирович родился в 1950 году в селе Хазки Тульской области. Закончил строительный факультет Тульского политехнического института. Работал мастером, начальником участка, главным технологом, главным инженером, управляющим строительного треста. Сейчас — преподаватель Нижнетагильского строительного техникума.

Публиковался в коллективных сборниках «Гроздь рябины», «Первоцвет», в областных и районных газетах.

В нашем журнале публикуется впервые.

Повесть

Ольга ЛАРИОНОВА

Рис. Дмитрия Литвинова

Звёздочка- Во-Лбу (Чакра Кентавра)

Космическая опера

Это было тотальное уничтожение. В несколько минут обреченную гряду плюющихся дымом холмов окольцевала огненная черта — заряд, распространяющий смерть, двигался так стремительно, что сверху показалось, будто кольцо возникло разом. Не успел раскаленный вал уничтожаемой и расшвыриваемой в стороны материи подняться во всю свою устрашающую высоту, как новый виток убийственной спирали вспух внутри него, а затем и третий, и так все ближе к центру; а наружные валы уже сшиблись, уничтожив все,

Продолжение. Начало см. в № 1, 1988 г.

(т) что было в промежутке между ними, и когда волна из центра подходила к их огненному рубежу, она уже гасилась, делая очаг уничтожения строго локальным.

Сивый крэг, распластавшись на полу командорской каюты, наблюдал за тем, как целый район превращается в огненное месиво; теперь, когда его каприз был выполнен, оставалось только ждать, пока остынет расплавленная масса и осядет пыль. Но для этого не обязательно было болтаться в воздухе.

— Всем приготовиться! — разнеслась по малым каютам общая команда. — Садимся на прибрежное плато, в серые надолбы.

Этот безлесый островок совершенно гладкой поверхности они присмотрели заранее. Каменистая равнина простиралась километров на триста и круто обрывалась к океану, не расцветенная ни единым живым пятнышком озера или оазиса. В самом центре виднелось что-то вроде хаотически набросанных треугольных камней, огораживающих пятачок, на котором едва-едва разместилось бы два корабля.

Но Асмур этого было достаточно.

По его сигналу мак произвел свой обычный переход через ничто и в следующую секунду уже стоял на потрескавшейся почве планеты.

— Дуз, Флейж и Ких — на вахте, остальные — со мной!

Закрывая застежку скафандра, Асмур обернулся на седого крэга — тот тяжело поднялся с пола и взлетел на пульт огневой защиты, примостившись на каком-то верньере, словно чудом прилепившийся снежный ком. Глаза закрыты пленкой, крылья обвисли... Словно не для него затеяна вся эта кутерьма.

Командор прошел через каюту Гэля и первым выпрыгнул на прогретую близким солнцем землю. Следом вывалилась шестерка дружинников. Некоторое время все стояли, настороженно озираясь и прислушиваясь. Место это было хорошо тем, что сюда не подберешься незамеченным — до леса никак не меньше ста километров по гладкой, как лысина, пустыне.

Но ведь кто-то мог притаиться и здесь, в серых надолбах... Вблизи их уже трудно было назвать надолбами или даже просто камнями — это были скорее пирамиды высотой в три-четыре человеческих роста, определенно рукотворные, о чем говорили узкие оконца, прорезавшие почти у самых вершин глухие серые стены.

Не теряя друг друга из вида, разведчики осторожно обошли все полтора десятка пирамид. Ни малейших проявлений жизни, не говоря уже о разуме. Ни змей, ни даже пауков. Омертвление, длящееся веками.

— Гэль, загляни внутрь,— распорядился командор.— В случае опасности отступай сразу на корабль.

Неровность кладки позволила юноше в одно мгновение очутиться наверху — природная ловкость компенсировала неудобства скафандра. Направив узкий луч фонарика в щербатое отверстие, Гаррэль заглянул внутрь и разочарованно покачал головой:

— Пусто! Помещение небольшое, всюду только пыль.

Следовало ожидать. Если это захоронения, то они много веков назад разграблены. А затем бесследно исчезли потомки и тех, кто здесь покоем, и тех, кто их грабил.

— Загляни и в другую!

И снова Гэль, проворный, как белочка, вскарабкался по наружной стене и прижался синеватой поверхностью скафандра к щели:

— Никого, командор.

— Влезь-ка на самую большую.

Через несколько секунд он был и там. Вспышка фонарика...

— Командор!!!

Древняя кладка крошилась под тяжелыми сапогами, и тем не менее Асмур был наверху едва ли не быстрее, чем его юный дружинник. Тот посторонился, уступая место у оконной щели. Щелчок фонарика...

Внизу были кости — конусообразное помещение было завалено ими. Кстати, нигде не видно входа — вероятно, укрывшиеся здесь замуровали себя изнутри. А на стенах... Асмур провел лучом по стене, и ему, прославленному бойцу, стало не по себе.

Набросанные углем контуры были смазаны и недорисованы, но талантливый художник, потративший последние минуты своей жизни на то, чтобы оставить разгадку происшедшей трагедии, и не старался воспроизвести какой-то сюжет или образ. Главное — смысл происходящего, а он стал ясен после нескольких секунд знакомства с этими зловещными фресками. Оскаленная лошадиная морда с клыками гиены... Нет, это не конь — кентавр! Вот он разбивает копытом голову лежащего у его ног старика. Преувеличение, черепная кость достаточно крепка, и мозг не может выбрызгиваться таким фонтаном... но это — символ бесчеловечности, перед которой разум бессилен. Или вот — кентавр держит в зубах новорожденного ребенка, готовый швырнуть его в горящую хижину... Кентавр на полном скаку, волочащий за волосы женщину... Древние боги, совсем джаспериянка! И еще — два вздыбленных чудовища раздирают человека надвое. И кровь, кровь, кровь...

Асмур отвел глаза, чтобы подавить приступ тошноты. Затем подвинулся на уступе и за-

глянул в соседнее окошечко, в которое был виден край другой стены.

Там был всего один рисунок, набросанный прерывистыми, неуверенными штрихами, — вероятно, последнее, на что хватило сил у гибнущего человека. Рисунок изображал сытого зверя с окровавленной мордой. Над его головой — как символ возмездия — был очерчен крылатый меч.

Асмур спрыгнул вниз.

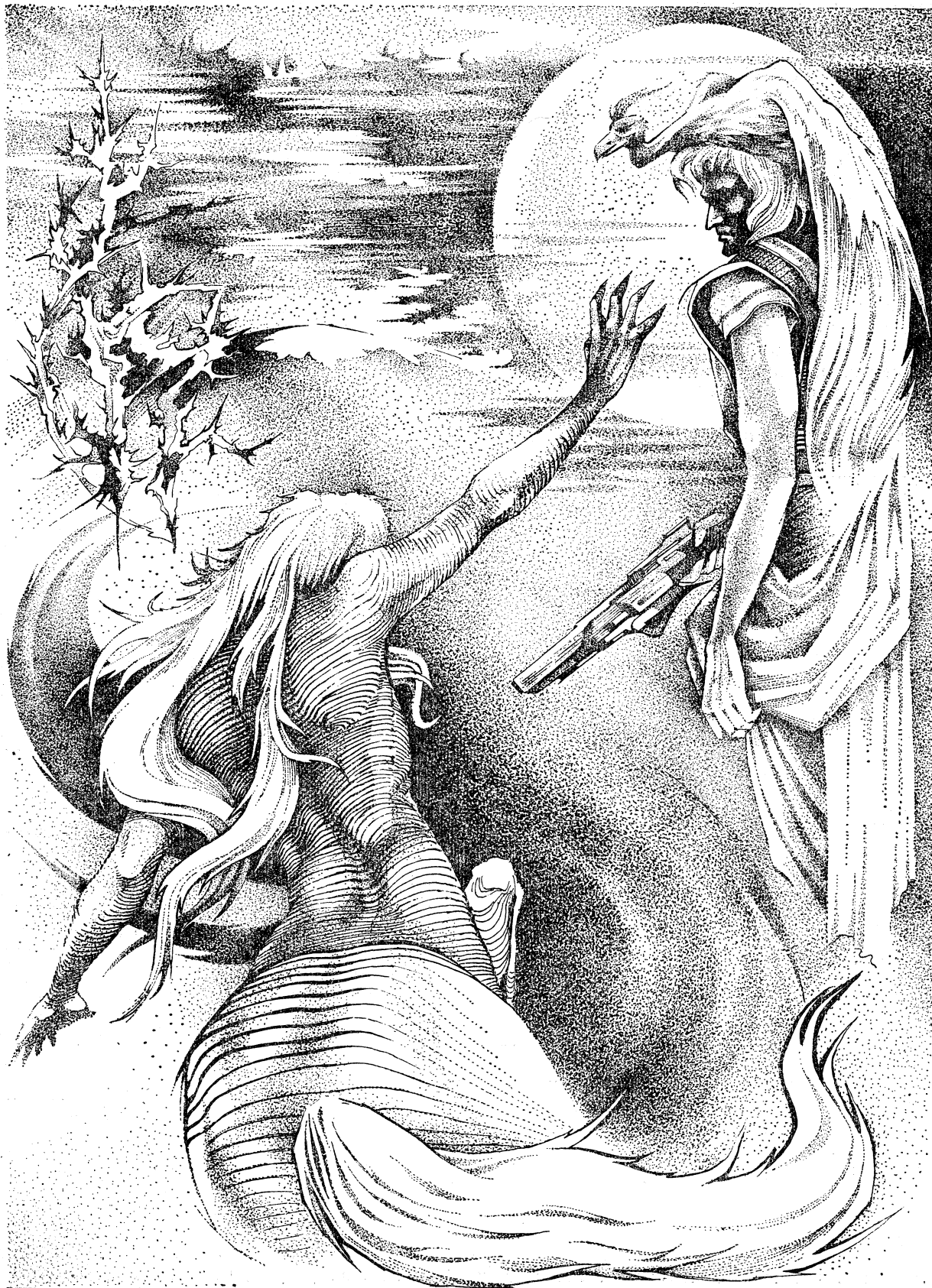
— Вахтенных сюда,— проговорил он негромко.— Пусть посмотрят все...

Фа ноз?

Последнее стадо закидали отравленными шашками. Крылатые кони, теряя высоту и запрокидывая головы, рвались прочь от клубов ядовитого дыма, но всадники удерживали их возле места засады, чтобы не дать никому вырваться из смертоносного кольца. Два или три крупных зверя попытались-таки уйти в чащу, но Гэль и Скюз, оказавшийся непревзойденным стрелком, настигли их прежде, чем те успели заползти в укрытия. Это были те самые короткохвостые самцы, которые вчера пытались захватить Флейжа. Каждый день дружинники докладывали своему командору, что предгорье полностью очищено от хищных тварей, но стоило кому-то из них зазеваться с наступлением темноты, как следовал стремительный бросок из лесных зарослей, и цепкие когти ухватывали добычу.

Вот это обстоятельство чрезвычайно изумляло Асмур: если уж кентавр мог подобраться к человеку, особенно лежащему, то почему он не пытался убить врага первым же ударом копыта? Зачем было тащить человека в чащу? Обычай? Но обычаи бывают у разумных существ, а не у таких вот плотоядных... Они вряд ли открыли бы подземную пещеру, где укрывалось целое стадо, если бы Гэль, понадеявшись на крепость своего полускафандра, не разрешил себя похитить и протащить до скрытого убежища.

Еще три дня они потратили на то, чтобы удостовериться в полной своей победе над омерзительными хищниками. В первый день попала пара однолеток, пытавшихся нырнуть в озеро, но разряды десинтора достали их и там. Два других дня пропали даром. Кони, утомленные бесконечным кружением над лесистыми холмами, с каждым днем повиновались все хуже и хуже — видно, здешний корм, такой сочный на вид, плохо на них действовал. Они тощали на глазах, отворачивались от родниковой воды. Асмур встревоженно гладил своего вороного по холодной чешуе, в который раз жался, что способность

говорить дана не коням, а крэгам. Было ясно — нужно возвращаться к кораблю, надежно укрытому между серыми пирамидами, и дать животным несколько дней отдыха и душистого джасперианского сена. Он уже хотел скомандовать возвращение на стоянку, как вдруг в кустах что-то захрустело. Асмур обернулся, выхватывая оружие, — по сухому лиловатому мху прямо на него полз кентавр.

Он был очень стар. Задние ноги его, похоже, были парализованы, но он, отталкиваясь руками и передними копытами, сделал еще несколько конвульсивных движений, стараясь дотянуться до сапог человека. Наверное, он уже ничего не способен был сделать, но в глазах его сверкала бешеная злоба, спутанные белые волосы, переходящие в гриву, извивались и приподнимались навстречу врагу, и на их кончиках обозначались ядовитые стрекала; частое дыхание срывало с изъязвленных губ клочья пены. Дыхание было скверным — похоже, старая тварь страдала четырехсторонней пневмонией.

Дряхлость всегда вызывает невольное сочувствие, даже когда перед тобой пещерный медведь или крокодил-людоед. Асмур медленно переводил калибратор десинтора на максимальную мощность, тайне надеясь, что чрезмерное напряжение оборвет жизнь чудовища раньше, чем придется стрелять. Но кентавр остановился, потрянул головой, так что седые космы откинулись назад, и вдруг до людского слуха долетели мягкие, укоризненные звуки:

— Фааа ноз?..

Может быть, это был случайный вздох, всхлип, парадоксальное сочетание звуков, дополненное горестной интонацией и поэтому показавшееся осмысленным? Ведь и собака может выть жалобно! Но чем бы это ни было, оно так ударило по напряженным и без того нервам, что рука сама собой нажала гашетку...

Асмур, сдерживая невольное подергивание лица от чересчур близкого и сильного разряда, отвернулся и пошел прочь, оставив позади дымящуюся, опаленную яму; конь стоял так тихо, что хозяин, привыкший к его дружелюбному пофыркиванию, должен был поднять глаза и поискать своего вороного в быстро надвигающихся сумерках.

Конь стоял, прижавшись головой к стволу дерева, и из глаз его текли крупные слезы.

— К кораблю! — крикнул Асмур.

Ночь, мягкая и полнолунная, текла над маленькими пирамидами, и металлические немерцающие шарики непривычно близких планет повисли, казалось, над самым маком. Командор глядел в небо, опершись левым плечом о шершавую стенку пирамиды-усыпальницы. Он только что велел своим дру-

120

жинникам еще раз подняться к оконной щели и еще и еще смотреть на неотомщенные кости, на крылатый меч — символ справедливости.

И все-таки он не знал, как поведет завтра в последнее сражение этих людей, доверявших ему, как богу.

Потому что он сам не верил себе.

— Асмур-крэг, — прошептал он в отчаянии, — ты, к которому я ни разу не обратился в своих собственных горестях и заботах, скажи мне сейчас: они разумны?

Крэг разом поднял перья, не расцепляя когтей, встряхнулся, что было у него признаком отвращения, и скрипучим голосом произнес:

— Не более, чем... попугай.

Он говорил очень медленно и с какой-то неестественной правильностью выговаривал каждый звук — еще бы, ведь крэги так редко снисходили до разговора с людьми, что иной джасперианин умирал, ни разу не услышав их голоса. Однако в эту минуту Асмур забыл о нелюдимости и высокомерии своего необычного собеседника:

— Но если это так, то разве помешают они, эти бескрылые и неразумные существа, мудрому старому крэгу, который будет парить высоко в небесах? Зачем же уничтожать остальных кентавров?

Крэг молчал, пощелкивая клювом, словно ожидая, что человек сам ответит на свой вопрос. Но Асмур молчал.

— Ты... не взвесил... всего. — Паузы стали еще продолжительнее, а голос — неприятнее. — Когда-нибудь... сюда могут... прилететь существа с другой звезды.

Асмур почувствовал, что его обдало жаром стыда. Как мальчишку. И поделом. Он искал слова и не находил их.

И в третий раз прозвучал механический голос:

— Крэги... мудры, — заключил Асмур-крэг, как бы ставя точку не только на этом разговоре, но и на всех последующих, которых, как он надеется, человек больше не затеет.

Эрл стиснул зубы. Планета должна быть очищена от скверны хищничества, и он сам закончит начатое, хотя бы потому, что иначе придется пересказывать всей дружине этот разговор.

А так он пойдет один... Нет, одному не справиться.

— Гаррэлы! — позвал он, посылая свой голос в каюту младшего.

Стенки мака раздвинулись, и юноша в одном плаще и без скафандра прыгнул на холодный камень.

— Ты звал меня, командор? — Вероятно, он не был уверен, что это ему не присни-

Азиза-88

лось — ведь молчаливый эрл, скупой на разговоры, почему-то назвал его полным именем, а не боевым.

— Да, Гаррэль. Мы задержались на этой планете, а ведь она — только первая, и впереди еще девять. Завтра нужно кончать нашу охоту. На западе и востоке леса спускаются до самого океана — настолько густые, что кентаврам там делать нечего. Значит, остается крайний север — долина оврагов. Там будет трудно. В заросших оврагах легко укрыться. Ты ведь был вчера в разведке?

— Да, могучий эрл, но кентавры не думают укрываться. Это совсем особая стая, их не меньше трех сотен, и все — взрослые, сильные самцы. Они собираются на берегу, возле старой дороги. Когда мы с Флейжем пролетали над ними, они гнались вдоль самой воды, пока не увязли в болоте.

— Удирали?

— Нет, преследовали.

— Прекрасно! Гэль, помнишь место, где старая дорога, петляя между оврагами, доходит до озера с красной водой? Это видно только сверху, но вдоль озера отходит другая дорога — к развалинам древнего храма. Она изрядно заросла, однако пройти там можно. Тем более когда не глядишь ни под ноги, ни по сторонам...

— Не понимаю, командор...

— Сейчас поймешь. Ты сам сказал, что они гнались за вами, надеясь, что вы рано или поздно спуститесь на землю. Ну, так это сделаю я. Да еще велю своему вороному прихрамывать, как тетерка, уводящая лисицу от гнезда. Они бросятся за мной, и я поведу их к заброшенному храму, для бешеных жеребцов — это час, от силы — полтора. И постараюсь не давать им умерить свой энтузиазм...

— А почему не я, мудрый эрл?

— У тебя своя задача, мой мальчик. Помнишь площадку перед храмом, которая сверху кажется лужайкой для фей?

Гаррэль кивнул, напряженно вглядываясь в лицо командора и стараясь не пропустить ни единого слова.

— Так вот, это — не лужайка. Это — мост, широкий мост. И под ним — не овраг, а настоящая пропасть. Завтра, в тот час, когда я выйду навстречу стае, ты полетишь к храму и этот мост разрушишь. Но — бесшумно!

— Я понимаю, крылатый конь...

— Проще, мой мальчик, гораздо проще. В тот момент, когда мы повиснем над бездной, я просто уйду в ничто и вернусь на корабль. На долю дружины будет только не упустить тех, кто отстанет или рассеется по овражистым склонам.

— Слушаю, мой командор!

— Ступай, отдыхай. Как только последний хищник будет истреблен, крэг твоего отца получит эту планету.

Гаррэль поклонился, не тратя лишних слов.

Асмур проводил его взглядом. Этот мальчик получит возможность вернуться домой с гордо поднятой головой, не стыдясь больше собственного пестрого крэга. Все будет прекрасно, вот только...

Что — только? Что тебе не по душе, благородный эрл?

Фа ноз, ответил он себе. Фа ноз.

Храм и пропасть

Дорога скользнула по краю обрыва, и он обрадовался, что с нижней петли серпантина его увидят даже самые последние. Ну, скоро и финиш. А то этот часовой грохот за спиной порядком поднадоел, да и коня все время приходится сдерживать, чтобы несвоевременно не взмыл в небо. Чуть подальше дорога вольется в ровное и довольно широкое ущелье, там можно будет до предела раззадорить преследователей, выжав из них максимальную скорость и в то же время не позволив заглянуть вперед, где им уготован такой сюрприз...

Он послал голос вперед, к стенам храма:

— Гэль, все готово?

— Да, мой командор!

— Возвращайся к дружине. Как только первые покатаются вниз, перекройте дорогу назад и не дайте никому уйти.

— Будет выполнено, могучий эрл!

Жеребцы, наседавшие сзади, тревожно заржали, словно почуяв второго врага.

— Хэ-хэй! — крикнул эрл, концентрируя на себе их внимание. — За мной, кровопийцы!

Ржанье и гортанные крики, не несшие явно никакой смысловой нагрузки, превратились в неистовый шквал. Последнее ущелье легло впереди, как стрела, и в конце его засветилась утренним светом известняковая стена полуразрушенного храма, которая, казалось, запирала это ущелье, превращая его в тупик. Кентаврам, несомненно, эти места хорошо известны — следы это выдают; теперь они гонят вперед незадачливого чужака, как обычные волки загоняют на обрыв оленя, движимые охотничьим инстинктом, а не разумом. Но лишь чужак знает, что впереди их ожидает не широкий мост, на котором его собираются припереть к храмовой стене и окружить — нет, впереди только пропасть, в которую оборвется ущелье, и будет поздно затормозить на самом краю, да и задние не

дадут — слишком могуч напор и чересчур круто взят разбег.

Все ближе белая стена, сейчас из зияющего впереди проема пахнет холодом, и лишь благодаря бешеной скачке обладающие несомненной чуткостью кентавры не успеют ничего заподозрить, вот только не испугался бы конь, которому невдомек, что хозяин не только знает о зияющей впереди ловушке, но и сам ее приготовил. Асмур положил руку на гриву коня, дружески потрепал ее:

— Я с тобой, вороной, ничего не бойся, прыгай смело!

Но конь словно не узнавал хозяйского голоса, искаженного скафандром, и не признавал властной руки, и крылья его сами собой расправлялись, готовясь поднять его вместе со всадником над предательской пустотой, подстерегающей впереди...

— Не смей!!! — крикнул Асмур, потому что преследователи, увидев взлетающего коня, могли понять всю бесцельность дальнейшей погони и в последний момент остановиться.

Он рванул застежку скафандра и, глотнув с наслаждением летящего навстречу свежего воздуха, прижался губами к теплomu уху коня:

— Вперед! — и конь прыгнул.

И в тот же миг, выпрямляясь в седле, Асмур увидел, как распахнулась неразличимая доселе дверь в стене, отделенной от него провалом пропасти; седой кентавр, двойник вчерашнего, только весь в сверкающих браслетах, лентах и крапчатой татуировке, на долю секунды застыл в дверном проеме, а потом с гортанным криком метнул в падающего Асмурса короткую бронзовую стрелу, напоминающую арбалетный болт. Жгучая, ядовитая боль впиалась в горло, в узкую щель растегнутого скафандра, парализуя тело, туманя рассудок и все дальше отодвигая зыбкую, существующую только в воображении границу реального мира — и того неведомого, которое называлось простым словом «ничто», ибо было слишком сложно для понимания; Асмур падал вместе с конем, а сверху, раскидывая копыта и путаясь в собственных гривах, валились обезумевшие от ужаса кентавры, и у человека оставался единственный выбор — разбиться об острые камни на дне пропасти или быть задавленным этой лавиной...

И все это видел Гаррэль.

Почему он не выполнил приказа и не вернулся к дружине после того, как разрушил мост? Он не смог бы ответить на этот вопрос, потому что ответ был чересчур прост: обыкновенное мальчишечье любопытство. То, что затеял эрл Асмур — непобедимый командор Асмур, предмет рыцарского поклонения всей

дружины, — просто не могло, не смело остаться никем не увиденным: такие подвиги и создавали легенды, проходящие через поколения и века.

Но кроме Гаррэля, увидеть было некому, некому было бы и потом рассказать...

Он вернется к дружине, — сказал себе юноша. Вернется, но — чуточку позднее. И он спрыгнул с коня, взял его под уздцы и осторожно поднялся на скалу, образующую роковое ущелье. Могучий эрл и следом за ним вся эта копытная свора промчатся вниз, так что никто ничего не заметит. Гаррэль перебрался через обломок скалы, чтобы поподробнее все рассмотреть, но не успел приготовиться, как все уже было кончено: закованный в естественную броню вороной промелькнул, как ураган, и следом за ним в клубах пыли — распаленные преследователи. Юноша с невольной гордостью проводил глазами последний прыжок крылатого коня, как вдруг напротив, точно привидение, возник разукрашенный кентавр, и мелькнуло бронзовое оружие, и вот уже вороной падал, скрежеща по камню крыльями, которым негде было развернуться, и почему-то не происходило главного — эрл Асмур не уходил в ничто, а продолжал падать в ледяную черноту расщелины. Гаррэль вдруг понял, что эрл не в силах совершить этот переход, и уже не раздумывал ни единой доли секунды.

Оттолкнувшись от уступа, юноша прыгнул вниз, представив себе зыбкую грань перехода и сразу же за ней — близкое дно пропасти; в следующий миг он уже был там и падал, но лететь ему оставалось совсем немного и главное — недолго; сверху на него уже рушился обезумевший от страха конь с бесчувственным всадником, и Гаррэль, коснувшись гривы вороного, последним усилием воли захлестнул себя, Асмурса и коня в единый волевой кокон, послав все это в спасительную пустоту, доступную только джасперианину, и дальше, через нее — на ковер командорской каюты.

Ему не хватило сотой доли секунды — донные камни ущелья полоснули по скафандру, но сверхпрочная ткань выдержала; зато не прикрытые защитной пленкой штаны и сапоги лишь в виде лоскутков донесли до корабля на порядком ободранном теле их хозяина. Почесывая ссадины, он осторожно приподнялся — прямо перед ним, занимая всю середину центрального помещения, распластался крылатый конь, судорожно вздымающий бока и заходящийся хрипом; командор лежал по ту сторону конской туши, и пепельный Асмур-крэг, осторожно вытягивая крылья из-под лиловой ткани, выбирался из растегнутого скафандра. Наконец, это ему удалось,

он взлетел на спинку командорского кресла и встряхнулся — кровавые брызги полетели по каюте.

— Асмур-крэг, ты ранен? — крикнул юноша, инстинктивно порываясь прийти на помощь сначала поводырю, а затем уже — человеку.

Крылатое существо еще раз брезгливо встряхнулось и отвернуло голову в сторону, не удостоивая юношу ответом. Ну и ладно. Самое время заняться командором. Гаррэль оперся о бок коня, намереваясь без околичностей перебраться прямо через это естественное заграждение, но вороной, почуяв руку чужака, тут же вздыбил отточенные пластинки чешуи, так что юноша едва успел отдернуть ладонь.

— Фу ты... — пробормотал он и побрел в обход, опираясь о стены каюты, потому что известный своим норовом вороной мог еще и лягнуть в избытке благодарности; но когда Гаррэль добрался, наконец, до окровавленного тела командора, он застыл в нерешительности — короткая бронзовая стрела торчала из горла, и даже неопытный воин прекрасно понимал, что значит тронуть ее.

Между тем Асмур медленно открыл глаза, упершись невидящим взглядом в потолок. Гаррэль в отчаянии обернулся к пепельному крэгу, но тот и не подумал вернуться к своему хозяину. Понимал ли эрл, что находится

(23) уже в безопасности, в собственном корабле? Или мысли его были далеко?

— Мой командор... — прошептал юноша.

По тому, как мгновенно исказилось залитое кровью лицо, Гаррэль понял, что тот прекрасно представлял себе — и где он, и что с ним; одного предводитель звездной дружины не мог даже вообразить: что кто-то из подчиненных посмеет без его позволения проникнуть в его каюту.

— Ты... — прохрипел он, — не в бою?..

Красная струйка побежала у него из уголка рта.

— Пока... хоть один... — больше он говорить не мог, но рука в лиловой перчатке поднялась и твердым жестом показала Гаррэлю — «уходи!».

— Повинуюсь, великий эрл! — проговорил юноша сквозь стиснутые зубы, перебрасывая свое содрогающееся от рыданий тело туда, на вершину скалы против храма, где ждал его боевой конь и еще восемь крылатых всадников, паря над лесом, зорко высматривали отставших хищников, готовые и без приказа командора не знать ни сна, ни отдыха до последней минуты их кровавой охоты...

И длилась она еще два дня.

Когда же на исходе второго дня оранжевое солнце, истекая неистовыми протуберанцами, клонилось к притихшему океану, истомленные кони в последний раз облетели зеле-

Аэлига-88

ный остров с его лесами и пирамидами, оврагами и руинами храмов. Мелкое зверье копошилось в траве, ужи и ящерицы ловили последнее тепло уходящего дня, но ни одного чудовища не было больше на планете, принадлежащей созвездью, где от кентавров осталось одно название. Длинные вечерние тени от летящих коней очерчивали необозримый кратер, оставленный аннигиляционным взрывом на месте семейства вулканов; если бы не след движения заряда — спиральная борозда, усыпанная пеплом, этот кратер легко можно было бы принять за место падения крупного метеорита; теперь же непосвященный встал бы в тупик, пытаясь объяснить это чудо природы — оставалось предположить, что здесь когда-то прилегла отдохнуть улитка с диаметром раковины в несколько десятков километров.

Когда-нибудь и это порастет травой и кустарником, да и вопросов задавать будет некому — планета, как священным табу, охраняется присутствием старого крэга.

— Пора возвращаться, — усталым голосом проговорил Эрромиорг из рода Оргов, старший дружинник.

Жалея коней, они образовали единый конек и перенеслись в одно мгновение к подножью серых пирамид. Спешились, не решаясь войти внутрь корабля. Гаррэль ловил на себе невольные взгляды — после того, что он рассказал своим товарищам о трагическом завершении эпопеи с ловушкой, все почему-то ждали от него новых сведений о командоре. Да и он сам ждал, ждал напряженно, каждую минуту, днем и ночью — какого-нибудь шепота, призыва, может быть — даже слов прощания...

Ничего не было. А пропустить он просто не мог.

Вот и сейчас смотрели на него, а вовсе не на старшего, и юноша, сжав губы, помотал головой — он скорее согласился бы умереть, чем еще раз услышать это хриплое «а как ты посмел...»

Кони, изогнув шеи, склонились над редкими травинками, пробивающимися в трещинах между плоских камней, но ни один не коснулся губами тощей зелени. «Дурной знак, — прошептал Скюз, знаток примет и предзнаменований. — Дурной знак...»

И словно в ответ на его слова матово-желтая, как человеческая кожа, стенка мака треснула, образовавшийся проем распахнулся, как будто раздвинутый руками на полный размах, от плеча до плеча, и, чуть не задев дружинников по шлемам скафандров, оттуда вылетел редкоперый белесый крэг, которого Гаррэль, отправляясь на охоту, оставил в командорской каюте. Древние боги! Да это было

как подарок, как глоток родниковой воды, как слово из уст невесты! Дружный вопль раздался под вечерним небом, куда подымался, не издав ни одного прощального звука и даже не оглянувшись, сивый крэг. Но не этому согласию на отвоеванную у монстров планету радовались юноши — стена раздвинулась, произойти же это могло только тогда, когда человек посылает приказ-импульс. А человек внутри корабля был только один.

Значит, он жив!

Гремя подковками походных сапог и сбрасывая на бегу клейкую пленку скафандров, они вбежали внутрь, в галерею окружных малых кают, и замерли, положив ладони на выпуклую стену центрального помещения. Стена была непрозрачна.

— Командор, — негромко проговорил Гаррэль, посылая свой голос туда, в самое сердце мака. — Крэг моего отца принял эту планету...

Это значило, хотя и было не договорено — «следовательно, нам пора уходить».

Он ждал в ответ голоса, но вместо этого стена под его ладонями начала светлеть, приобретая дымчатую прозрачность топаза, и командорская каюта, блекло мерцающая отсветами настоящей свечи, открылась их взорам.

Конь по-прежнему занимал всю середину помещения, расправив израненные, но уже смазанные бальзамом крылья, а возле него, в откидном кресле, полулежал эрл Асмур — готовый к походу, в застегнутом пояском скафандре. Раскрытый том «Звездных Анналов» покоился на ковре возле самого кресла.

Рука в темно-лиловой перчатке поднялась в повелительном жесте, призывающем к вниманию, и затем опустилась вниз, коснувшись раскрытой страницы. Двух мнений быть не могло: командор указывал на схему, изображавшую систему Серьги Кентавра. Под указующим пальцем скрылась красная точка — третья, следующая от центрального светила планета.

Миры для крэгов

Зато следующие четыре планеты были к ним благосклонны. Почти одинаково прохладные, покрытые причудливой растительностью, но не обремененные даже намеком на зарождающийся разум, они, казалось, были специально созданы для тихого уединения, и еще четыре крэга покинули мак, по своему обыкновению не попрощавшись и даже не взглянув на людей, рядом с которыми провели столько лет.

Командор поправлялся. Сначала его во-

роной выходил на прогулки один — пощипать бледно-розовую травку или выкупаться в пенящемся бесчисленными пузырьками озере; но на последней планете Серьги, где имело смысл устраивать привал, эрл Асмур вывел своего коня сам — впрочем, как всегда настороженный, готовый к любой неожиданности, ни на секунду не расстегивающий скафандра. Молодежь тихонечко покачивала головами — похоже, что пора безрассудной удали ограничилась всего-навсего одной охотой.

Серьга Кентавра была исчерпана, приходилось искать другие звезды с удобоваримыми планетами, и ближайшей оказалась Уздечка. Правда, из трех звездочек, составляющих почти прямую линию, планета обнаружилась только у одной, да и то весьма сомнительная — острые, как сталагмиты, частые пики, подножье которых обросло розовой мимозой. Из этих пушистых зарослей выскальзывали покрытые радужным опереньем питоны; они обвивались вокруг каменных торчков и, цепляясь за мельчайшие неровности, поднимались до самого верха — видимо, из чисто спортивных соображений, так как охотиться на крутом пике было не на кого. Достигнув верхушки, они свивались в сказочное кольцо и бросались вниз, на зонтичные кроны деревьев. Люди, плавно кружа на своих крылатых конях, никак не могли оторваться от захватывающего зрелища, но старого крэга, которому предназначалась эта планета, переливы красок на пернатых гадах в восторг не привели. Он облюбовал себе несколько острых пиков и попросил выжечь лес до самого горизонта.

Пожеланье крэга — закон, и дружинники ринулись было за портативными огнеметами, когда властный жест эрла Асмур остановил их.

Он уже по-прежнему сидел в седле, но до сих пор никто не услышал ни единого слова, которое вырвалось бы из его изуродованного горла. Не сказал он ничего и сейчас, а просто спустился к маку, приземлившись на лавовом плато, и вскоре вынес оттуда две седельные сумки, набитые дымовыми шашками. Это была добрая игра — гнать пернатых змеев и прочее непернатое зверье из обреченного леса, и приунывшие было дружинники натешились всласть, с раннего утра и до темноты с гиканьем и свистом гоняясь между ощерившихся каменных пиков, облюбованных крэгом. Дымом и ракетами гнали они непонятливых питонов прочь, и предводитель — единственный молчаливый всадник — во всем остальном не отставал от их рыцарской забавы.

Пристрелить пришлось только одного змея — в какой-то миг зазевавшийся Пы, во-

обще не отличавшийся особым проворством, спустился до самых древесных крон — и тут же был схвачен перистой живой петлей. Он не успел даже вскрикнуть, как следовавший рядом Скюз, и без того прославившийся своей меткостью, послал точечный заряд десинтора прямо в глаз агрессивному пресмыкающемуся. Это послужило уроком остальным, и до самого захода солнца звездная дружина на деле постигала истину, что бескровные игры веселее и азартнее кровавых.

Когда же солнце село и быстрая темнота сделала дальнейший гон бессмысленным — да и гнать, собственно, уже было некого, лес запылал. Черно-алое море огня, из которого выступали редкие торчки скал, разливалось все шире и шире, то взрываясь снопом искр, то покрываясь змеящимися струями дыма. Вообще-то приказ крэга был уже выполнен, и дальше следить было не за чем, но оторваться от величественного зрелища было просто невозможно, и крылатые всадники парили в ночном небе, то уходя к волнистым облакам, то спускаясь так низко, как только могли выносить опаляющий жар их кони, опьяненные этой огненной скачкой.

И вдруг... Все случилось слишком быстро, чтобы кто-нибудь смог вмешаться — хотя и вмешиваться-то было не во что; но на одном из таких виражей вороной конь Асмур, явно направленный властной рукой своего седока, резко пошел вниз и вдруг камнем упал в дымный, еще не успевший вспыхнуть куст.

Дружный вопль ужаса пронесся над пылающим лесом, и все девять оставшихся всадников тут же повернули коней, чтобы броситься следом, но вороной уже взлетел, подрагивая опаленными крыльями, и, сделав над пожарищем последний круг, направился к стоянке мака.

Когда не успевшие оправиться от этого потрясения дружинники опустили на стоянку, Асмур как ни в чем не бывало сидел возле маленького водопада, и вороной подставлял под искрящиеся от лунного света струи свои многострадальные крылья.

Никто не посмел задать ни одного вопроса — да в этом и не было необходимости: командор был волен поступать как ему вздумается. Тем более что юноши поняли, какая причуда толкнула в огонь их предводителя: рядом с ним на черных камнях лежал ворох радужных перьев. Мона Сэниа... Ради нее любой из них пошел бы и не на такое безрассудство.

И этот поступок раненого рыцаря, вырвавшего из моря огня сказочный подарок для своей невесты, сделал их отношение к нему равным поклонению.

Но оказалось, что это — только начало.

Бес удалства и собирательства вселился в воинственного эрла, да и планеты, как на грех, все оказывались с изрядном — приходилось прикладывать немало трудов и смекалки, чтобы удовлетворить капризы крэгов и... неожиданные причуды командора.

На Уздечке планет больше не было — пришлось отправляться к дальним звездам, Седлу и Крестцу. Было, правда, еще одно солнышко — в «Анналах» оно носило интригующее название Чакра Кентавра; поскольку же на старинном рисунке, изображавшем рахитичного кентавра, это светило размещалось как раз в середине лба, между ушами и глазами, то у дружинников оно получило завидное прозвище Звездочка-Во-Лбу.

Но странное дело — за полторы тысячи лет побывать здесь было некому, и тем не менее название этого солнца было зачеркнуто жирным крестом, а на полях страницы твердым мужским почерком значилось: «Звездные волки!».

Командор не нуждался ни в советах, ни в одобрении — он попросту оставил Звездочку-Во-Лбу в стороне и пошел прямо на Крестец.

Оставалось еще четыре крэга, из них больше всего опасений внушал отцовский поводырь Дуза — привыкший к тропической жаре, он отказывался от одной планеты за другой, предоставляя свою очередь тем, кто был не столь теплолюбив. Целая цепочка планет Крестца, однако, тоже не обещали быть жаркими, к тому же большинство было просто газовыми гигантами. Одна, правда, оказалась так хороша, что даже напомнила звездным скитальцам их родной Джаспер; но на дневной стороне, постоянно обращенной к светилу, самое удобное для обитания место было занято какой-то доисторической башней, совершенно очевидно сооруженной звездными пришельцами с других планет.

Башня не помешала бы крэгу и даже, наоборот, служила бы ему превосходным местом, если бы не одно обстоятельство: уходя своей вершиной в грозные облака, она служила превосходным коллектором для собирания атмосферного электричества, а так как не имела громоотвода (по всей вероятности, когда-то он был, но за давностью пришел в негодность), то каждые тридцать секунд с венчающего ее шара срывалась мощнейшая молния, бившая во что попало — и, естественно, ни крэгу, ни людям отнюдь не улыбалось, чтобы попало именно в них.

Однако пожелание крэга — закон, а ему возжелалось стереть злополучную башню с лица планеты. Сделать это было чрезвычайно легко, и младшие дружинники решили, что сия задача непременно перепадет именно

им. Сразу же после слов крэга Гаррэль, Ких и Пы шагнули вперед, вызываясь добровольно уничтожить обреченную башню.

Но эрл Асмур словно и не заметил их прорыва. Обиженная молодежь недоуменно переглядывалась, а он, надменным движением руки запретив им даже подыматься в воздух на своих конях, отправился неторопливым шагом вперед, где на желтом песке еще не попадалось стеклянистых пятен от ударов электрического разряда. Он не дошел примерно двухсот шагов до хорошо видимой границы реальной опасности, как вдруг четкий контур его фигуры размылся и исчез: осторожный эрл ушел в ничто.

И в ту же секунду громовой удар потряс воздух — и на том месте, где только что виднелся темно-лиловый силуэт, ослепительный столб огня врезался в землю.

Молодежь заметно присмирела.

Асмур же, вернувшийся к кораблю так своевременно, точными скупыми движениями перебрасывал зарядные шашки к самому подножью башни. А затем он вскочил на коня и, все так же жестом запретив себя сопровождать, удалился в сторону горных озер.

Трудно сказать, сколько времени ждала звездная дружина, не зная, ЧЕГО им нужно ждать. Наконец, справа от башни, шагах в пятистах, возникло какое-то движение — на песке растекалось озерцо, тускло и тяжело поблескивающее при каждой вспышке молний. Оно стремительно росло — угадывалась умелая переброска вещества, несомненно производимая руками и волей их командора, и по мере этого роста молнии, словно притянутые, нацелились именно туда, в стылую поверхность, в которой юноши только сейчас признали самородную ртуть.

Молнии, уже не отвлекаясь в другие стороны, били исключительно в подставленную им мишень, подымая облако ядовитых испарений, а у подножья башни появлялась на десять-пятнадцать секунд и тут же исчезала гибкая проворная фигура в темном полускафандре, со знанием дела размещавшая заряды возле башенных опор. Да, он умел сочетать удаль с осторожностью, их командор, и когда последние капли ртути испарились под ударами молний, все было сделано. Дрогнула земля, и десять коней разом заржали, пригибая головы, а башня, изламываясь и прочерчивая в грозном небе медленную дугу, уже падала, рассыпаясь ржавым прахом.

И седьмой крэг пошел в высоту, покинув корабль.

Осталось трое.

Нужно было перебираться на следующую планету, но Асмур и здесь помедлил — вернулся на то место, где его чуть не испепелил

дальний разряд, и выкопал из песка трубчатый стеклянистый сгусток — след удара, след промашки судьбы.

И — еще один перелет.

Четвертая Крестцовая была ординарна и, как того опасались все дружинники, снова напугала теплолюбивого Дузова крэга. Зато Сорк получил простейший приказ — всего-навсего спустить воду из горного озера, расположенного в самой середине причудливо изогнутого полуострова. Что-то трепыхалось в его глубинах, безобразное и неповоротливое, изредка показываясь на поверхности и вступая в явный конфликт с эстетическими концепциями крэга.

Спустить воду, подорвав перемычку, отделявшую озеро от соседней долины, было бы делом нескольких минут, однако и тут Асмур почему-то задержался. Он снова собственноручно разместил заряды, и когда прогремел взрыв, вода потекла весьма умеренной струей, постепенно обнажая покрытые тиной откосы. Кружа над понижающейся поверхностью воды, Асмур внимательно всматривался в глубину мелеющего озера, и дружина постепенно присоединилась к нему, хотя он не делал никакого знака и даже не пытался разъяснить, что задумал. Наконец воды осталось не более чем в человеческий рост, и тогда в ней панически забились, подыхая от ужаса, головастые сине-зеленые твари.

Многие из них были раза в два крупнее самого большого коня; бесформенная голова с необъятной круглой пастью и пучком гибких усов над нею переходила в конусообразное тело, окаймленное двумя полотнищами плавников. Это была помесь гигантского бычка со скатом, и было в неповоротливых тушах что-то бесконечно безобидное и жалкое.

Звездная дружина — существо крайне пластичное и податливое на внешнее воздействие; возможно, у другого командора эти же самые юноши сейчас с восторгом принялись бы расстреливать подыхающих животных — то ли от охотничьего азарта, то ли из стремления как можно скорее закончить затянувшийся поход и вернуться, наконец, на желанный Джаспер.

Но здесь никто не выказал ни малейшего нетерпения, и все, наверное, одновременно почувствовали жалость к этим нелепым тварям.

Командор взмахнул плащом, привлекая их внимание, и широким жестом указал вдаль — туда, где уступы гор спускались к едва видимому отсюда морю. Но юноши уже поняли, они улавливали каждую мысль своего предводителя если не с полуслова, то с полужеста; и когда он, снизившись до самой воды,

(21) привстал на стременах и, оттолкнувшись от шеи коня, перескочил на хребет водяному чуду, все последовали его примеру, и десяты замерших от изумления тварей вместе с людьми на их спинах разом растаяли, словно их и не было, чтобы через долю секунды очутиться уже в морской безбрежной стихии.

И это тоже была добрая охота, и дружинники, мокрые с головы до ног, состязались друг с другом в скорости, а воды в бывшем озере уже совсем не осталось, и к последним страдальцам пришлось брести по колено в тине, и началось новое состязание — погоня за детенышами, которые старались зарыться в ил. Тут в дело вмешались кони, зараженные порывом людей, и их чуткий нюх и сильные копыта помогли откопать несколько десятков препотешных головастиков, которых можно было уже не переносить в морскую пучину, а просто туда швырять; но когда последний был спасен, все, не дожидаясь приказа, ринулись в воду — смывать грязь и тину, которая делала их похожими на водяных духов.

Море было прозрачно и безопасно, и обнаженные тела юношей, разгоряченные рыцарской потехой, плескались и кувыркались в пенистой голубизне волн, и только эрл Асмур, первым окунувшийся в воду, не снимая, как всегда, скафандра, стоял на страже, зорко оглядывая берег и небо с прибрежного утеса. Да, если подумать, странный получался поход... Как будто бы и битвы были, и опасности, и трудности. И в то же время подвиги всегда были добрыми, перелеты — всегда удачными, забавы — всегда благородными. Словно не тяжкий сыновний долг отдавали они, а показывали удаль и доблесть на славном турнире. И еще одно: была во всем этом какая-то ненасытность, неутоленность, словно предстояло натешиться на всю жизнь, которая больше никогда не будет ни такой радостной, ни такой беззаботной, ибо самую тяжкую долю всегда нес на себе их командор. Вот и сейчас: они плещутся, гоняясь за морскими угрями, а он застыл, как изваяние, на прибрежной скале, и белый гибкий ус спасенного чудовища намотан на лиловую перчатку. В этом тоже была какая-то странность: не было планеты, с которой благородный эрл не унес бы подарка для своей царственной невесты.

И в то же время не возникало ни одного повода заметить, что он спешит на Джаспер...

Мокрые и счастливые, уносящие в волосах кристаллики соли и на губах — морской ветер, юноши вскакивали на коней и возвращались на корабль. Последним покинул берег эрл Асмур.

Перелет оказался счастливым: планета, на

которую они опустили, прожаренная солнцем и окутанная плотными сернистыми газами, не позволила бы людям сделать ни единого вдоха, но тем не менее привередливый крэг, за которого так боялся Дуз, благосклонно кивнул в знак согласия и навсегда покинул мак, напустив в раскрывшуюся на миг Дузову каюту нестерпимой вони. Да, неисповедимы причуды крэгов... Но теперь остался только один — поводырь матери командора, Тариты-Мур. И одна звезда — Седло Кентавра.

Звездочка-Во-Абу

Здесь было только три планеты, и две из них пришлось обойти стороной: они были густо заселены какими-то разумными существами. Может быть, в чьей-то душе и шевельнулось завистливое воспоминание о тех далеких временах, когда люди Джаспера свободно путешествовали по необозримым звездным просторам, исследуя чужие миры и радуясь даже отдаленному намеку на разум... Теперь для этого не было ни времени, ни людей. Исполнить сыновний долг — и скорее возвращаться домой, где и без того слишком много забот и с каждым поколением — все меньше обитателей...

Поэтому высадились прямо на третью планету, молчаливую, с жиденькой атмосферой и громадной дымной впадиной, где чадили естественные выходы горячего газа. Здесь, похоже, жизнь и не думала зародиться, тем не менее крэг, поднесенный к краю этого древнего метеоритного кратера, брезгливо отвернулся и скрежещающим голосом, каким говорят с людьми крэги (никто не слышал, чтобы они переговаривались между собой), произнес:

— Камни.

Все недоуменно переглянулись: камни как камни. Крэг не отказывался от планеты, но что значили его слова? Что камни следует убрать? Уничтожить?

Асмур бережно отнес материнского поводыря обратно на корабль и осторожно спустился в дымную долину. Здесь, на порядочной глубине, кислорода хватало, чтобы поддерживать горение естественных факелов, но чтобы жить... Почему же тогда крэг невзлюбил какие-то мертвые камни? Они попадались то тут, то там, и во всей долине их насчитывалось не более сотни. Их странно правильная прямоугольная форма наводила на мысль, что это — огромные кристаллы. Асмур провел по поверхности одного — под слоем пыли действительно заблестела изумрудно-зеленая грань исполинского берилла. Следующий отливал лиловато-сиреневым аме-

(238) тистом, а чуть дальше чернел турмалин. Чем они пришлось не по душе крэгу?

Вопрос был праздным: пожелание крэга — приказ. Взмахом руки командор созвал дружину, и все вместе они попытались поднять или сдвинуть с места самый скромный из этих кристаллов — поставленный на малую грань, он достал бы Гаррэлю до груди.

Но камень не сдвинулся с места.

Рукояткой десинтора Асмур попытался отбить уголок — камень был неуязвим. Острие кинжала о него тупилось, плазменный разряд не оставил на поверхности никакого следа.

Дружинники переглянулись. Борб пожал плечами и отправился к маку за переносным аннигилятором, а настойчивый эрл тем временем перепробовал на зеленом кристалле все возможные калибровки своего десинтора. Борб, волоча на загривке тяжелый агрегат, уже возвращался от корабля, как вдруг до дружинников донесся его изумленный крик:

— Древние боги! Они же движутся!..

И действительно — сиреневый каменный брус медленно приближался к Асмур, словно его толкала незидимая сила. Эрл сделал знак дружинникам, и они расступились. Теперь в тишине, нарушаемой только потрескиванием пламени, отчетливо был слышен скрип песка — зеленый и лиловый камень ползли навстречу друг другу, наращивая скорость, а между ними стоял Асмур.

— Берегись! — крикнул Гаррэль, но эрл опередил его предостережение и, оттолкнувшись от упругой почвы, резко отпрыгнул в сторону. В тот же миг раздался громовой грохот, и радуга мельчайших осколков взметнулась над тем местом, где две монолитные глыбы столкнулись с такой силой, что обе рассыпались на куски.

— Эрл Асмур!..

Еще два камня сшиблись с орудийным грохотом, и снова Асмур, повинувшись какому-то инстинкту, успел отскочить. А слева и справа, набирая скорость, сближалась новая пара нападающих — теперь уже можно было отступать в сторону без паники, потому что глыбы подчинялись простейшим правилам игры: во-первых, приходили в движение те из них, между которыми оказывался предводитель дружины, и никто другой, а во-вторых, ползли они только по прямой, переходя в стремительное скольжение лишь тогда, когда между ними оставалось не более шести шагов.

Эрл нетерпеливо махнул рукой — всем отойти как можно дальше, чтобы люди или ползучий дым не помешали ему вовремя заметить надвигающуюся опасность. Быстро темнело, и красноватые блики естественных

факелов, отражаясь в бесчисленных осколках уже разбитых камней, рассыпали кругом мириады разноцветных искр, придавая этой странной игре вид экзотического представления. Но теперь Асмур сам выбирал себе нападающих, становясь между ними и холодно-кровно наблюдая, как кристаллы с тупой размеренностью набирают мощь для смертельного удара, не предполагая в противнике большей проворности, чем имели сами. И, недоступные воздействию человеческого оружия, погибали, разрушая сами себя...

Грохот и снопы каменных брызг прекратились внезапно — оглядываясь по сторонам, Асмур вдруг с удивлением увидел, что в долине не осталось ни одного целого камня. Мелкие осколки, по которым нельзя судить о строении загадочных монолитов... Он покачал головой — жаль, увлекся. Эрл медленно пошел к кораблю, нагибаясь и подбирая сверкающую самоцветную мелочь, и Гаррэль, с непонятно почему пробудившейся жалостью глядевший ему вслед, мог бы прозакладывать голову, что с каждым шагом он все неохотнее и неохотнее подымается по склону.

Командор не хотел возвращаться!

Когда-то это промелькнуло невероятным предположением — теперь догадка стала уверенностью. Но — почему?

Эрл Асмур добрался до края кратера, где мерцающей нездешней громадой высился их девятигранный мак. Не оглядываясь, открыл раздвижной люк и исчез внутри. Спутники, не шевелясь, следили за его движениями — то ли всем передалось настроение Гаррэля, то ли они сами что-то почувствовали...

— Пусть он простится с Тарита-крэгом, — прошептал Эрл.

Они ждали, глядя в безлунное небо — белое крылатое существо, как бы быстро оно ни поднялось, не могло остаться незамеченным. Но время шло, а крэг не появлялся. От дыма и напряженного взглядывания в темноту глаза начали слезиться, что-то мелькало, и чудилось — как будто над кораблем расправило крылья нечто темное и бесплотное, словно сама ночь; ждать дальше было бесполезно, и все, движимые странным предчувствием, заторопились к маку.

Стенки центрального помещения были медово-прозрачны, и в кресле, уронив на пол толстую книгу «Анналов», полулежал Эрл Асмур — совсем как в тот вечер, когда они вернулись после охоты на кентавров. Сколько с тех пор уткло времени, сколько чужих миров они повидали — и за все эти дни они не слышали от своего командора ни единого слова.

Страшная догадка перехватила дыхание, и Гаррэль понял, почему прославленный воин

не торопится домой, к своей царственной невесте: он потерял дар речи!

Но в этот миг, словно в ответ на его догадку, Эрл Асмур поднял голову, как всегда, защищенную непрозрачной пленкой скафандра, и рука в темно-лиловой перчатке инстинктивно сжала горло:

— Тарита-крэг не согласен, — послышался очень тихий, хриплый до неузнаваемости голос.

Рука в перчатке опустилась и легла на книгу, указывая на последнюю звезду, где они еще не побывали, — запретную Чакру Кентавра.

Ту самую, которую кто-то любовно прозвал Звездочкой-Во-Лбу...

К ней подходили неторопливо, заранее отменяя неподходящие планеты, а таких было большинство: или чересчур жаркие, или слишком большие, а одна, к прискорбью, была заселена неведомыми гуманоидами с фантастической плотностью. Оставалась последняя — такая же каменистая и безлесая с жиденькой тухлой атмосферой, как и та, от которой Тарита-крэг уже отказался. Командор подвесил мак в безвоздушном пространстве, давая крэгу возможность полюбоваться на вакантное обиталище со стороны. Дружинники, уже насмотревшиеся на самые разнообразные планеты и вблизи, и издали, бесцельно слонялись по соседским каютам, готовые к возвращению домой — и всеми силами скрывавшие эту готовность; и только Скюз, меткий стрелок, разглядывал не планету, а точечное скопище чужих светил, словно высматривая себе подходящую цель.

— Командор! — внезапно разнесся по всем отсекам мака его голос. — Мы кого-то догоняем!

Перепрыгнув через коня, по своему обыкновению валявшегося посреди помещения, Асмур кинулся в малую каюту, откуда донесся призыв. Стена, которую Скюз почти всегда держал в состоянии кристальной прозрачности, была обращена не на красновато-бурую поверхность планеты, а в черноту межзвездного пространства. И оттуда, как бы рождаясь на глазах, неторопливо всплывал какой-то причудливый кокон, который в первый миг все приняли за живое существо, потому что на нем отчетливо виднелись многочисленные шипы, хвосты и глаза, правда, расположенные самым нелепым образом. Когда межзвездное чудовище, размерами чуть поменьше их мака, разинуло рот, кое-кто из дружинников, столпившихся за спиной своего предводителя, готов был бежать к пультам анн-защиты.

Командор молча наблюдал.

И тут из черного круглого зева медленно

выползли два существа. Покрытые длинной белесой шерстью, отливающей металлом, с единственным красновато-фосфорическим глазом, они мерно покачивались возле своего жилища, сцепившись голыми крысиными хвостами, словно купались в черной ледяной пустоте. Мертвящей жутью веяло от этих циклопов, и непонятно было, что же внушает такой ужас — волчье мерцанье глаза, настоженное шевеление смертоносных клешней или чуткий, подрагивающий хобот, готовый, казалось, мгновенно высосать кровь из своей добычи.

И в этот миг за спиной прозвучал властный голос Тарита-крэга:

— Звездные волки! Уничтожьте их!

Дружина разом отпрянула от окна, готовая ринуться выполнять столь естественный приказ, но командор остановил их.

Эрл Асмур, как и в первый раз, невольно поднес руку к горлу. Голос его прозвучал еще тише — однако за немощью звуков стояла такая несокрушимая воля и столь укоренившаяся привычка повелевать, что не было на корабле ни единого человека, который посмел бы послушаться могущественного эрла, когда он произнес:

— Захватить живыми.

Тарита-крэг, которому перечили впервые в жизни, возмущенно захлопал крыльями и взлетел к потолку командорской каюты, словно готов был покинуть мак прямо сейчас, а потом, гневно щелкая когтями, ринулся к себе в алтарный шатер. Если бы вся дружина не была занята поспешным натягиванием полных скафандров, может быть, кто-нибудь и заметил бы, что крэг словно хочет сказать что-то и не решается.

Один только Гаррэль вдруг на миг остановился и недоуменно перевел взгляд с пола каюты, где светился круглый иллюминатор, на командора: ведь с того места, где лежал старый крэг, была видна планета, но уж никак не обиталище звездных волков...

Однако его товарищи, уже одетые и застегнутые наглухо, торопливо выметывались навстречу неведомым и отвратительным хищникам, и он заторопился вслед, не подозревая о том, что с этой минуты круто меняется судьба не только командора и его дружины, но и всего Джаспера.

А с другой стороны...

Что-то тяжелое шлепнулось рядом на пол, послышался скрежет, потом на долю мгновения словно раздвинулся театральный занавес, и в проеме означилась медовая желтизна, в которой плавало изваяние дракона; что-

то мелькнуло, но слишком поспешно, чтобы в нем можно было распознать человека или животное. И занавес сомкнулся.

Навалилась абсолютная темнота.

Юхан полежал еще несколько минут, потом осторожно, стараясь производить как можно меньше шума, перевалился со спины на бок и включил нагрудный фонарь.

Полукруглая стена, переходящая в потолок, а с другой стороны — крупноячеистая решетка, превращающая этот сегмент в темницу. И на полу — второе тело в скафандре, лицом вниз. Юхан подполз, приподнял неподвижное тело за плечи, легонечко встряхнул. В шлемофоне послышалось сдержанное мычанье.

— Юрг! — позвал он шепотом. — Юрген!

Глаза под прозрачным щитком приоткрылись, и Юхан поспешно выключил фонарь.

— Больно, Юрик? — спросил он участливо.

Вместо ответа тот, кого он называл Юргеном, сел и в свою очередь включил фонарь.

— Перебьюсь, — ответил он, морщась. — Драться в гостях при погашенной иллюминации — дело дохлое.

— Было бы с кем, — вздохнул Юхан. — Впрочем, тут что-то нам подкинули...

— Где? — насторожился Юрген, шаря лучом по полу.

В световом круге заискрился морозным инеем какой-то кирпич. Две головы в шлемах разом нагнулись над ним — это был здоровый брус хорошо замороженного мяса.

— Бред какой-то, — оценил ситуацию Юрген. — Не трогай, Юхан, вдруг это человечина... Перейдем-ка к интерьеру.

Решетка из прозрачных прутьев в палец толщиной была явно раздвижной, но стык смыкался намертво, не поддаваясь прогибу и уж никак не желая отворяться. В крупные ячейки прошла бы рука, но для этого нужно было снять скафандр. К тому же никакого замка с той стороны видно не было. Зато справа, возле стены, к решетке была прикреплена поилка, наполовину наполненная прозрачайшей водой, над поилкой виднелась дверца — по-видимому, отсюда и был заброшен мороженный деликатес. И чем дольше они глядели на откидную дверцу, небрежно закрученную проволокой, тем больше приходили в недоумение.

Дверца была не крупнее форточки, но мало-мальски тренированный человек мог пролезть в нее без особого труда.

— А эти с приветом, — пробормотал Юхан, как всегда, от волнения впадая в удвоенные гласных. — Замууровали, называется!

Юрген посмотрел на часы.

— Так. Запас кислорода — на три часа.

Из них два пятнадцать уже прошли. Я снимаю скафандр. Ты — только по моей команде.

— Это почему же?..

— Потому, что я — командир станции!

— Так где та станция...

Гражданин Финляндии, полковник военно-воздушных вооруженных сил Юхани Туурсвалу был человеком дисциплинированным, но обожал флегматично препираться. Это у него органично сочеталось.

Сейчас возражать дальше не имело смысла, потому что командир уже расстегнул скафандр.

Снял шлем.

— Дышитесь, — сказал он удивленно. — А ну подсади...

Оставшись в тренировочном костюме и толстых шерстяных носках, он двигался не принужденно и бесшумно и детскую задачу с форточкой легко мог бы решить и без помощи бортинженера. Очутившись по ту сторону решетки, он осторожно подкрался к занавеске, приоткрыл щелку и заглянул в слабо освещенное помещение. Несколько секунд он стоял, окаменев от изумления, потом тихо повернулся и махнул рукой — разоблачайся, и поживее!

Юхан, настороженно наблюдавший за каждым его движением, мог бы поклясться, что на лбу командира выступили крошечные капельки пота. Он в один миг скинул скафандр, радуясь тому, что именно в этом полете перешли на облегченную модель, подтянулся на руках и с обезьяньей гибкостью, не утерянной к тридцати семи годам, выскользнул наружу и встал плечом к плечу со своим командиром.

Юрген осторожно повернул голову и посмотрел на своего бортинженера с надеждой: может быть, его самого обманывали глаза, и открывшееся им — плод воображения? Но у Юхана тоже медленно отвисала челюсть — значит, не чудилось.

Мало того, что у противоположной стены спал, прикрыв морду крылом, иссиня-черный дракон; но на фоне этой темной громады на пестрых подушках, небрежно брошенных прямо на ковер, мирно почивало самое пленительное создание, какое только могло возникнуть в воображении земного мужчины.

— Сатана перкеле! — прошептал Юхан, истощивая этим весь свой арсенал крепких выражений.

Для человека, два часа назад взятого в плен посредством самого непостижимого и откровенно разбойничьего нападения со стороны каких-то лиловых головоногих, это зрелище было столь ирреально, что он перешел на язык жестов и красноречиво поднял большой палец. По-видимому, это должно было

означать: «Если сия особа — предводительница пиратов, то я — руками и ногами за космический разбой!»

Командир орбитальной станции «Марс-3» летчик-космонавт Юрий Брагин, ценитель женской красоты и человек стремительных решений, что тоже в нем органично сочеталось, показал в ответ два пальца и выразительно пожал плечами: «Вот уж не ожидал от отца двоих детей!» — а затем повернул большой палец книзу, что со времен функционирования Колизея ничего хорошего не предвещало.

Сейчас же это значило одно: берем за ложника.

Но не успели они сделать и шага, как сверху, из-под потолка, на них обрушилось что-то ослепительно розовое, бьющее мягкими крыльями и уже нацеливающееся изящным клювом прямо в лицо; однако реакция прекрасного натренированного космолетчика сработала прежде, чем разум смог оценить всю несерьезность такого нападения, и огромная блистательно-аметистовая птица через секунду уже самым непочтительным образом была зажата у Юхана под мышкой. Инициатива бортинженера оказалась в какой-то степени скованной, и Юрген, опасаясь, что эта пусть даже почти бесшумная возня может несвоевременно разбудить хозяйку дома, ринулся вперед, одним броском перекрывая несколько метров, — счет пошел уже на доли секунды. Дракон выпростал из-под крыла лошадиную голову и возмущенно топнул копытом; лицо спящей дрогнуло, и она, не открывая глаз, легко подалась вперед, отталкиваясь от подушки и гораздо быстрее, чем мог предполагать землянин, нашаривая лежащий рядом клинок, но в следующий миг Юрген одной рукой уже крепко держал ее за плечи, а другой зажимал рот, машинально борючись что-то на космическом интерлинге.

При звуках его голоса она вздрогнула и замерла, но в этой неподвижности не было притворства затаившегося животного — нет, так замирают, когда напряженно ждут новых звуков, стараясь не пропустить их; у него возникло достаточно нелепое предположение — может быть, в довершение всей невероятности происходящего, она еще и понимает его?

— Потерпи, милая, — шепнул он, едва шевеля губами, чтобы показать, что благодарен ей за отказ от сопротивления, и тут же услышал серебряный звон: шлага выпала из разжавшейся руки и скользнула на пол; на всякий случай он инстинктивно подхватил оружие, отпустив ее руки, и тут же они легко метнулись к его лицу, и он почувствовал беглое прикосновение ее пальцев, как это дела-

ют слепые, но в этих движениях не было любопытства, нет, здесь сочетались недоверие и страсть, жадность и благоговение... И лицо ее, узкое смуглое лицо с закрытыми глазами — оно было обморочно напряжено, и только губы под его рукой, зажимающей рот, непрестанно шевелились, как будто она быстро-быстро повторяла одно и то же. Он напругся, стараясь уловить это слово, его рука дрогнула и опустилась, и в тот же миг ее губы очутились возле самого его лица; едва ощутимо касаясь его, они жарким и влажным контуром очерчивали каждую его линию, безошибочно угадывая и изгиб бровей, и легкую горбинку носа, и по мере этого узнавания медленно раскрывались глаза — огромные, сияющие, гиацинтово-лиловые, как чароит, неподвижно глядящие в одну точку.

— Асмур! — рождалось, как заклинание, возле самого его лица. — Асмур, Асмур...

Он не знал, приветствие ли это или имя, земной или неземной язык звучит сейчас перед ним, но инстинктивно чувствовал одно: происходит ошибка, горькая и жестокая, и он — ее виновник. Ему нужно было как-то вмешаться, но он понимал, что это будет все равно что ударить по этому прекрасному слепому лицу.

— Асмур! — вдруг крикнула она с отчаянием, и ее пальцы с неженской силой рванули ворот его костюма, так что брызнули во все стороны звенья молнии, и черные волосы скользнули по его груди — замерев, она слушала, как бьется его сердце...

И в тот же момент сиреневая птица, воспользовавшись полным ошеломлением Юхана, вырвалась из рук бортинженера и, самоотверженно ринувшись к своей хозяйке, точным движением спикировала ей прямо на плечи, прикрыв голову и руки девушки пушистым фламинговым покрывалом. Сияющие глаза, обрамленные розовым оперением — зрячие, жадно ищущие его глаза, — вскинулись на Юргена... и за какую-то секунду только что счастливое лицо исказилось целой гаммой совершенно противоположных чувств, и они не чередовались, сменяя друг друга, а наслаивались — отвращение, разочарование, смертельный ужас; эмоциональный взрыв, который мог быть порожден лишь безумием, был настолько силен, что сменился даже не беспамятством, а каким-то окаменением — на руках у Юргена лежал сведенный ужасом манекен.

— Да помоги же мне, Юх! — в полной растерянности крикнул командир, подготовленный к любым экстремальным ситуациям, кроме подобной.

— Ппо-моему, — пробормотал Юхан, начавший удваивать не только гласные, но и

согласные, — у мадемуазель температура...

Юрген наклонился над девушкой и сделал то, что было в данный момент самым естественным — дотронулся губами до ее лба.

Тем не менее она вздрогнула, как от удара электрического тока.

— Точно, — с некоторым облегчением сказал командир. — Под сорок. И сделай милость, убери этого розового гуся...

— Пошел, пошел, — Юхан взял крылатое существо за шкурку, собираясь вторично проявить по отношению к нему полнейшую непочтительность. — Тут не до тебя — видишь, человек болен!

«Гусь» вскинул голову и хрипло, нечленораздельно прокричал какое-то слово.

— Попугай! — разочарованно пробормотал Юхан. — Юрг, берегись!

Стены комнаты будто лопнули сразу в девяти местах, и в этих разом распахнувшихся отверстиях показались люди, вооруженные самым разнохарактерным оружием — от рапиры до пистолетов, весьма напоминающих лазерные. И у каждого из них на плечах, положив клюв на голову человека, сидела диковинная птица. Изумление, ужас, восторг — самые противоречивые чувства отразились на их лицах, заставив землян заподозрить, что и эти девять — тоже безумны; но смятение это было столь велико, что, пожалуй, для его причин одного появления здесь экипажа орбитальной станции «Марс» было маловато.

Наконец восемь юношей, соскочив на ковер, благоговейно приблизились к смуглой леди и, преклонив колени, замерли в самой почтительной позе; и только один, самый юный, носивший на плечах что-то пестрое, напоминавшее курочку-рябу, ни секунды не раздумывая, бросился на Юргена с обнаженной шпагой.

Попытка была предпринята с явно негодными средствами — экс-чемпион Военно-воздушной академии по фехтованию, Брагин несколькими незамысловатыми приемами выбил оружие из рук юнца, а Юхан, экс-чемпион начальной школы по примитивным уличным дракам, подставил ему подножку.

Следующего претендента не нашлось. И вообще окружающим было явно не до землян — здесь происходило что-то из ряда вон выходящее, и постичь смысл этого без дополнительной информации было невозможно.

Сэниа-Юрг

Она открыла глаза, медленно обвела взглядом коленопреклоненных воинов звездной дружины — явились-таки без спроса.

Впрочем, теперь все равно. Подошел к концу славный поход, и последний из старых крэгов исчез в красноватой дали четвертой планеты Чакры Кентавра. А потом...

Потом было то, в чем она одна виновата. Неженское дело — водить дружину в поход, потому что хватает сил и на тяготы, и на подвиги, и даже на постоянный, пусть священный, а все-таки обман; но вот устоять, когда вдруг забрезжит перед тобой иллюзорное, как будто бы навсегда потерянное счастье — это не по женским силам...

Одним из тех жестов, которым никто и никогда не смел перечить, она отвела поддерживающие ее руки и медленно запахнулась в бархатный плащ, служивший ей одеялом. Поднялась во весь рост. Девять пар глаз смотрели на нее снизу, как на воплощение всех древних богов, вместе взятых.

— Наш совместный путь окончен, — проговорила она своим обычным полновзвучным голосом. — Под нами Джаспер. Сейчас мы спустимся, и вы покинете корабль, бывший вашим домом. Все это время вы с честью несли имя дружины Асмур, и я ничем не могу отблагодарить вас за это. Единственное, что я смогу сделать для вас, — это ответить, если вы спросите. Спрашивайте!

С минуту стояла напряженная тишина — каждый хотел спросить, и никто не решался. Наконец поднялся с колен Скюз, лучший стрелок дружины:

— Ответь нам, принцесса Сэниа...

— Я больше не принцесса, — прервала его мона Сэниа. — Я стала женой эрла Асмур по завещанию и порвала родство с королевским домом Джаспера.

— Ответь нам, принцесса, — повторил Скюз, несравненный стрелок. — Где эрл Асмур, наш предводитель?

— В земле Серьги Кентавра, — ответила мона Сэниа недрогнувшим голосом.

Принцессы дома Джаспера не оплакивают своих мужей при посторонних.

— Разрешить спросить тебя, принцесса Сэниа, — выступил Дуз, хозяин фиолетового крэга. — Где в таком случае крэг твоего супруга?

— В огненной долине Седла Кентавра, — отвечала она. — Тарита-крэг отказался от этой планеты ради него.

— Благородная принцесса, — спросил Эрм, старший из дружинников, — это эрл Асмур передал тебе право командовать нами от своего имени?

— Нет, — сказала она, хотя никто и никогда уже не смог бы подтвердить правдивость ее слов. — Я сделала это по своей воле. Когда я появилась на вашем корабле, мой супруг... Его уже не было.

— Тогда зачем ты это сделала, принцесса Сэниа?

— А вот на это я тебе не отвечу, Эрромиорг из рода Оргов.

Наступила звенящая тишина, прерываемая только могучим дыханием коня. Она стояла перед ними, принцесса — несмотря ни на что, и ее воля была выше всех законов и обычаев, и даже звездные волки, эти чудовища, от которых они все невольно отводили глаза, послушно стояли у нее за спиной, и не как-нибудь, а с оружием в когтистых лапах: один держал клинок Гэля, а другой — шпагу самой принцессы.

Видно, и на то была воля мона Сэниа!

И вдруг простодушный Пы, от которого никогда нельзя было ожидать дельного слова, осмелился заговорить о том, что мучило сейчас каждого из девятерых, с обожанием глядевших на прекрасную принцессу:

— Так ежели... э-э-э... позволено будет спросить тебя, милостивая принцесса... потому как твой высокий супруг... э-э-э... да будет счастлив и покоен его крэг в долине огненной... взял тебя в жены по завещанию... кх-м... так теперь, значит...

Он не смел произнести своего дерзкого вопроса, но все невольно подались вперед, как никогда пристально и, наверное, неучтиво впиваясь взглядами в лицо мона Сэниа, потому что кому-то ведь завещал могучий эрл эту прекраснейшую из женщин Джаспера, и у каждого теплилась надежда, что предводитель звездного отряда в первую очередь должен был подумать о своих товарищах.

Мона Сэниа подняла руку, прерывая речь смущенного юноши, с каждым словом становившуюся все бессвязнее. Странная улыбка скользнула по ее губам — самая дьявольская гордость, надменное сознание безграничной власти над этими людьми и упоение собственным смирением... Чего только не было в этой улыбке!

— Тебе я отвечу, доблестный Пы, мощь и сила дружины Асмур, — медленно проговорила принцесса. — По завещанию могучего эрла, вашего предводителя и моего первого супруга, моим мужем стал тот, кто первым коснулся губами моего лба. Я не знаю его имени, но вот он — перед вами!

Она обернулась и величественным жестом опустила прекрасную руку на волосатое плечо чудовища, державшего ее шпагу.

И как ни велико было оцепенение ужаса, охватившего всех джаспериан при этом сообщении, в следующий миг восемь шпаг и мечей взвились в воздух, чтобы освободить свою повелительницу, и только юный Гаррэл, по-прежнему сидевший на полу, закрыл

лицо руками, чтобы никто не видел невольных слез отчаянья, брызнувших из его глаз.

— Назад! — крикнула мона Сэниа, но в ту же секунду оба звездных волка довольно бесцеремонно отшвырнули ее за свои спины и встали плечом к плечу, готовые драться один против четверых за свою драгоценную добычу. Еще бы! Волки волками, а разбирались...

Но мона Сэниа, которой тоже нельзя было отказать ни в силе, ни в мужестве, раздвинула своих страшных защитников и встала между ними.

— Благородные сыны Джаспера, — произнесла она насмешливо, — или вы забыли обычаи своей родины? Вы хотите оставить меня вдовой прежде, чем мой настоящий супруг завещает меня в жены кому-нибудь... хотя бы из вас?

Оружие вернулось в ножны прежде, чем она успела договорить; теперь все взгляды устремились на того, кого ни один из них и в самом горячем бреду не додумался бы предназначить в мужья прекрасной принцессы, но, видно, предначертание судило иначе. Недаром их поход начался с черных козырей.

Звездный волк, умело сжимавший в своей лапе драгоценный эфес, не мог не заметить необычного внимания, обращенного к нему. Глаза, прищуренные гневом и отвращением, скользили по его ногам, подымались до пояса — и останавливались, не в силах преодолеть жуткого красного свечения его зрачков; по сжатым губам и рукам, стиснутым в бессильном гневе, он тоже не мог догадаться, чего же от него хотят; но мона Сэниа снова положила ему руку на плечо и, царственным жестом указывая на всех присутствующих, проговорила:

— Ты должен выбрать одного из них. Если, конечно, не предпочтешь своего друга... или брата.

Он внимательно посмотрел на нее, потом перевел взгляд на друга или брата, как сказала мона Сэниа. Похоже, что-то он все-таки понимал. Потом, видя, что от него ожидают однозначного и недвусмысленного поступка, он наклонился и протянул свою когтистую волосатую лапу юному Гаррэлю, помогая ему подняться с ковра.

Гаррэль машинально оперся на протянутую лапу — и вздрогнул: это была теплая, сильная человеческая рука. Дружелюбная рука. И уж совершенно непонятно что творящая рука: мало того, что она поставила его, самого юного и, что бы там ни было, отверженного — рядом с принцессой, тем самым определяя выбор и передавая ему эстафету ритуального завещания; эта рука поднялась

и ласково погладила пестрые перышки его проклятого крэга!

Все отшатнулись — узнать, что прекраснейшая женщина Джаспера стала супругой чудовища, было пределом здравого рассудка, но присутствовать при том, как эту красавицу, мечту всех юношей королевства, завещают человеку с пестрым крэгом — это было уже выше всяких сил.

— Нет! — крикнул пылкий Флейж. — Лучше нам всем погибнуть, лучше разбить корабль о поверхность Джаспера, чем допустить такой позор!

— Принцесса, — встал с ним рядом рассудительный Борб, — мы повинемся тебе, и не из верности королевскому дому, а из рыцарской преданности и готовности служить прекраснейшей даме королевства. Но ты вспомни о древних обычаях, а по ним ты не можешь стать женой этого... этого неведомого и страшного существа: ведь у него самого нет крэга!

— И этого вопроса я ждала, благородный Борб! Да, я была верной супругой великого Асмуре... хотя никогда не была его женой. И теперь я никогда не стану женой этого пришельца, хотя навечно останусь его верной супругой. Так что и ты прав, пылкий Флейж, неотразимая шпага; лучше бы мне не возвращаться на родную планету, где нет у меня дома. Но и разбить наш корабль я не могу, да и вам не позволю: с нами — наши крэги.

И снова все замерли, охваченные бесконечной скорбью и сочувствием к несчастной принцессе, за которую каждый из них отдал бы жизнь — и даже этим ни на йоту не смог бы помочь.

— Прекраснейшая из принцесс, — проговорил Ких дрожащим голосом, — наши сердца разрываются...

А вот это было уже лишнее.

— К дьяволу! — крикнула мона Сэниа, так что все крэги, подняв перья дыбом, казалось, готовы были немедленно оставить своих подопечных. — Я дозволила вам любопытство, но не жалость! Довольно. Все по местам! Мы спускаемся.

Все, пятясь, отступили — ни один не позволил себе повернуться к принцессе спиной. Волки, брызжа красными искрами, с недоумением поглядывали на окружающих, все-таки плохо понимая, что происходит. И только когда стены командорской каюты расступились, чтобы пропустить дружинников, тот, что теперь был наречен супругом принцессы, громко и насмешливо произнес несколько слов на незнакомом языке.

И десять джаспериан, включая мону Сэниа, вздрогнули: это был глубокий, звучный голос эрла Асмуре.

(35)

Аэлита-88

— Вниз!!! — вне себя крикнула мона Сэниа. И снова у всех дрогнули сердца: она не сказала — домой.

Стены сомкнулись, каюта опустела. И только тут принцесса, недаром носившая прозвище Ее Своенравие, дала волю буруевшим ее чувствам: выхватив из лап чудовища свою шпагу, она одним ударом рассекла узорчатую подушку, из которой полезли клочки сиреневого меха, а заодно и ни в чем не повинный ковер. Следующими жертвами царственной руки были алтарный шатер, где столько дней провел Тарита-крэг, и тяжелый занавес, отделявший дальний угол с загоном для коня.

И тогда вороной, укоризненно фыркнув, двинулся на середину комнаты и, нисколько не опасаясь взмахов яростного оружия, не страшного для его чешуи, с бесконечной кровостостью, какой нельзя было и ожидать от боевого коня, прижался лбом к груди девушки.

Она отшвырнула шпагу и обхватила руками гордую, точеную голову верного животного. И вдруг странная мысль поразила ее.

— Вороной,— проговорила она, заглядывая поочередно в золотые косящие глаза,— конь мой, почему ты не дал мне знать, когда ко мне приближался враг?

Вороной мотнул головой, распустил одно крыло и легким, но на редкость выразительным движением шлепнул аметистового крэга по хохолку.

— Не смей!..— вырвалось у монаы Сэниа, и тут же она осеклась под укоризненным взглядом коня.

Смысл этого взгляда мог быть только один: что значит какие-то враги по сравнению с тем, что сидит у тебя на шее?

Конь медленно вернулся в свой угол, повалился на уцелевший клочок ковра и задрал копыта.

Вот это да! Она никогда не задумывалась над взаимоотношениями между конями и крэгами, и вдруг эта в высшей степени непостижимая сцена, да еще при посторонних... Мона Сэниа оглянулась, отыскивая взглядом пришельцев, и тут же поняла, что тем было уж никак не до внутренних неурядиц джаспериан: распластавшись на полу, они прильнули к круглому иллюминатору нижнего обзора, в котором, медленно приближаясь, плыл зеленый Джаспер. Ну да, их ведь захватили возле четвертой планеты Чакры Кентавра, или Звездочки-Во-Лбу. Мгновенных переходов, когда дружинники единым усилием воли опускали мак на поверхность красной планеты, чтобы выпустить Тарита-крэга, а затем вернулись сюда, в окрестности родного светила—этих тонкостей грубые существа попросту не заметили.

СЭ

Пол под ногами едва уловимо качнулся, и иллюминатор тут же ослеп, затянувшись чернотой—повинуясь приказу, мак утвердился на бетонных плитах звездной гавани. Послышался легкий скрежет—это кораблики дружинников расползались в разные стороны, и большой командорский корабль остался в одиночестве. Мак, безукоризненно прошедший все звездные переходы, распался. Конь заржал тоскливо и нетерпеливо. Мона Сэниа подошла к стене, мысленно приказала ей раствориться—и запах терпкой джасперианской травы хлынул в открывшийся широкий проем.

— Ты свободен, вороной,— грустно проговорила мона Сэниа.— Благодарю тебя.

Конь одним прыжком вымахнул наружу и начал подниматься в небо, заслоняя расправленными крыльями вечернее солнце.

«Юрг!»— послышался за спиной настороженный голос того второго, который, по-видимому, был братом ее неожиданно обретенного супруга. Надо было как-то с ними объясняться, и мона Сэниа обернулась к ним. Придется разговаривать с ними, как с детьми, да сервам велеть побольше лопотать о том о сем. Привыкнут. А его, значит, зовут Юрг. Ну, Юрг так Юрг.

— Владетельный супруг мой и ты, мой брат,— она сделала над собой усилие и склонила голову, увенчанную аметистовым хохолком, будто маленькой короной из перьев.— Проследуйте за мной в замок, который с этой поры принадлежит вам.

Она сделала широкий жест, приглашая их выйти, но они настороженно переглянулись и с сомнением покачали головами—покидать корабль они явно не собирались. Не привыкшая к неповиновению, она нахмурилась—и в это время дробный цокот копыт заставил ее выглянуть наружу.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Аэлита-88

Воспоминания о семинаре

Роман АРЕБИТМАН

Хотелось начать торжественно и красиво. Например, так: «Через много лет, когда этот уникальный семинар войдет в школьные учебники, когда многие молодые авторы, дебютировавшие в его рамках, станут признанными писателями-фантастами... Стоп-стоп-стоп! Уже никуда не годится. Во-первых, длинно и напыщенно. И побыстрее надо убрать про школьные учебники. Даже представить себе страшно, что их произведения могут включить в обязательную программу по литературе и унылая Марь-Иванна будет пытаться еще более унылого Колю: в чем же сатирический пафос повести про Игоряшу «Золотую рыбку»? А Коля, и в лучшие-то времена друеющий от непонятого слова «пафос», будет то скливо отмалчиваться... Нет-нет, не надо! Тем более что Минпрос фантастику не жалуется, даже самую что ни на есть расклассическую...»

Во-вторых, придумается сразу же себя поправлять и уточнять. Допустим, слово «уникальный» более-менее правильно отражает суть дела. Действительно, созданная при СП СССР ежегодная «школа» для начинающих писателей-фантастов со всего Союза аналогов не имела — ни у нас, ни за рубежом. Хотя опыт постоянно действующих Московского (им руководили Д. Биленкин и Г. Гуревич) и Ленинградского (руководитель — Б. Стругацкий) семинаров был учтен организаторами.

Но вот слово «молодые» на писательском языке означает не возраст (средний возраст «семинаристов» — от тридцати до сорока), а всего лишь отсутствие собственных книг. Говорят, если писатель-фантаст к двадцати пяти годам выпустит две-три книги, то перестает быть «молодым». Правда, это пока гипотеза, нашей издательской практикой не проверенная, а Америка нам не указ.

Насчет дебютов на семинаре тоже не совсем верно. Они у этих авторов, чаще всего, состоялись чуть раньше: у кого рассказик проскочил в местной газете, у кого — в республиканском журнале, у кого — в столичных «Знании — силе», «Химии и жизни», «Изобретатели и рационализаторе»... Другое дело, что публикации эти были единичными счастливыми случаями для самих фантастов. Уточним, кстати, и слова «станут признанными». Тут далекое будущее ни к чему: знатоки и ценители фантастики признали иных

из этих авторов уже по первым скромным публикациям, не всегда еще совершенным, но неординарным, позволяющим разглядеть возможности пишущего. Правда, в фантастике свои парадоксы: читательские оценки почему-то на судьбу авторов никак не влияют...

И уж совсем не подходит здесь выражение «в рамках»: в привычные рамки «мероприятия» семинар никак не укладывается. Достоверно известно, что год его рождения — 1982-й и что появились на свет ему помогли Нина Матвеевна Беркова, заместитель председателя Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР, и Виталий Бабенко, староста Московского семинара.

А дальше держаться «в рамках» самому прилежному историку семинара весьма затруднительно. Он еще согласится на «единство времени»: собирается семинар на две недели в Доме творчества писателей в ноябре — декабре. Не самое удобное время? Кому как. Приезжают-то сюда работать, а не развлекаться.

Но вот с «единством места» уже возникает путаница. С одной стороны, семинар все его участники привычно называют «Малеевкой» — по имени подмосковного Дома творчества имени Серафимовича. С другой стороны, с 1985 года фантасты собираются уже не в заснеженных коттеджах Малеевки, а в суперсовременном серо-стальном корпусе на берегу Балтийского моря — Доме творчества имени Райниса в городе Дубульты...

Наконец, «единство действия» — если понять его как некое творческое «единомыслие», одно-единственное «генеральное направление» (которое, помнится, тшился ввести еще Козьма Прутков) — лучшим произведением семинара вовсе не признается. Никаких ограничений не ставится: можешь писать фантастику «чисто» научную, можешь — сказочную. Можешь сочинить роман или маленькие рассказы. На «космическую», «экологическую» и любую другую тему, про рыцарей или про управдомов. Главное — чтобы твое произведение было художественным. И обязательно — оригинальным. Если и действует здесь общая формула, то только одна: «Больше фантастов хороших и разных!» Именно разных, непохожих на других. Знаменитая чеховская фраза о необходимости «выдавливать по капле из себя раба»

вовне применима и к области творческой. «Раб» здесь означает «эпигон», поклонник готовых, уже опробованных решений, человек, нарочно сдавшийся в плен к кому-то из литературных предтеч. Семинар может простить многое: и наивную беспомощность новичка, старательно изобретающего велосипед. И перенасыщенный раствор интеллектуальной игры, где смысл нередко выпадает в осадок. И самые невероятные эксперименты со стилем, которые отстаиваются упрямыми: «Я так вижу!» Не прощают только откровенной заемности, вторичности, не жалуют копистов, даже самых мастеровитых. Занятие одинаково бесполезное, считает большинство «семинаристов», — писать «под Стругацких» ли, «под Булычева» или даже «под Немцова». Стоит ли вообще писать, если тебе пока нечего сказать миру, если твой жизненный опыт — во многом еще опыт читательский?..

«Талантливый имитатор» — такой беспощадной оценкой завершилось обсуждение рассказов одного автора из Астрахани, приехавшего на семинар с подражаниями «гусярскому циклу» Кира Булычева. В этой точной формулировке — признание возможностью автора («талантливый») и нежелание его ими распорядиться (всего лишь «имитатор»!). И совсем иного рода пример — творчество ленинградца Вячеслава Рыбакова. Вот кто, я уверен, мог бы сочинять блестящие стилизации под тех же Стругацких и притом делать это со вкусом, не теряя чувства меры, умно, интеллигентно. Мог бы, но не захотел. Предпочел свой путь — идти ощупью в темноте, совершать ошибки, не зная, что впереди, получится или нет... Жесткость, открытая публицистичность, правда деталей, доходящая до натурализма, — таковы лишь некоторые черты авторского стиля самобытного фантаста Вячеслава Рыбакова. «Самобытный» — эпитет негромкий, довольно затертый, но на семинарских обсуждениях суть его, без демагогии, очень даже ценится.

О самом порядке обсуждений. Слово это родственное слову «суд» — где угодно, только не на семинаре. Здесь этого события ждет каждый, считая его главным для себя — невзирая на то, будут ли его произведения оценены высоко или раскритикованы. Попробуйте предложить даже явному кандидату на критическое аутодафе воздержаться

от обсуждения его рукописей — откажется с негодованием. Пусть неприятная, но правда. Иначе зачем было приезжать?..

Теперь — как это происходит. Начинается все с того, что староста каждой группы определяет последовательность обсуждений: кто за кем. Сразу оговоримся — последовательность эта к содержанию рукописей никакого отношения не имеет. Не подумайте, что сначала, дескать, идут шедевры, а потом остальное. Или что сперва «пробегутся» по вещам похуже, а гениальные оставят «на сладкое». Порядок устанавливает куда более прозаические соображения: объем рукописи и количество экземпляров — чтобы все вовремя успели ознакомиться.

А затем начинается увлекательная, напряженная и нелегкая работа — чтение. Работа ответственная, кропотливая — в особенности, если произведение вас захватывает, если повесть, роман или рассказ кажутся интересными и значительными. Только на семинаре понимаешь, как горек хлеб настоящих (халтурщики не в счет, им всегда просто) литконсультантов и рецензентов. Осмыслить идею автора, оценить оригинальность замысла и воплощения, увидеть достоинства, нащупать слабые места и все это суметь выразить точными словами. Все требуется сделать самостоятельно, толково и быстро, чтобы успели прочитать и другие. Успевают ли? Досужий наблюдатель, заглянувший ночью порой в какой-нибудь из холлов дома творчества, пожалуй, пришел бы в умиление: полдюжины молодых людей сосредоточенно читают и передают друг другу по цепочке страницы рукописи, ухитрясь при этом делать себе пометки к завтрашнему обсуждению, об-

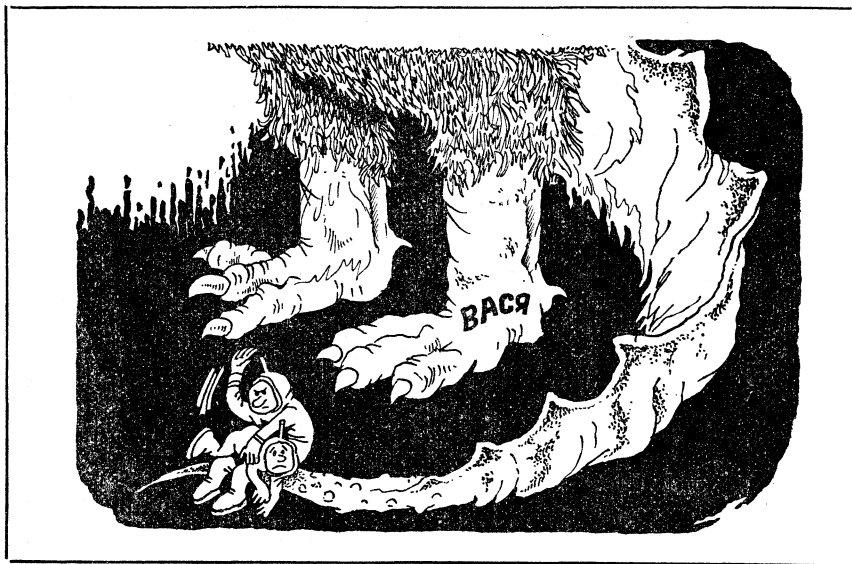
мениваться замечаниями, а плюс к тому — потягивать давно остывший чай и похрустывать предусмотрительно захваченным из буфета печеньем...

Утром — обсуждение. Героя дня усаживают в кресло лицом к лицу с залом, и разговор начинается. Сколько он продлится — никем не установлено. Бывает, все саершается за два-три часа. Бывает, приходится делать перерыв и собираться после обеда. Нет, к счастью, и регламента. Стиль изложения своих мыслей, направление — тоже произвольные, и недаром каждый старается прежде всего подчеркнуть то, что близко именно ему. Разговор, соответственно, часто меняет русло. Не успел автор опомниться от упреков в незнании Шекспира, а его уже хвалят за точное живописание средневекового быта. Только что разговор начал взбираться на критические кручи («А для чего, братцы, нам вообще делить литературу на нефантастику и фантастику? Ясно ведь, все фантастика, все вымысел — кроме хорошей документалистики. Никто с натуры не списан: ни Андрей Болконский, ни Григорий Мелехов, ни инженер Лось...»), и тут же вдруг подворачивается не менее важная проблема: как сохранить от вымирания популяцию домовых, буде такая популяция, конечно, отыщется?.. Вопросы, вопросы. Много юмора, но немало и вещей серьезных. Семинар — театр, его участники — актеры. Нет ни одной заезженной реплики, сплошная импровизация, все создается на ходу, успевай только записывать. Тут же с ходу рождаются новые сюжеты, идеи, решения. На обсуждаемого обрушивается лавина информации — суждений неожиданных, порой спорных. Соглашаться? Не соглашаться? Вот предлагают изменить начало

(«никуда не годится, вяло, растянуто»), другой считает, что «провисает» середина, и его совет: «рзззть, рзззть!», третий недоволен финалом... Наконец, «последнее слово» автора. Он вовсе не обязан каяться, признавать ошибки. Ему дается полное право по пунктам поспорить со своими обвинителями (или защитниками) и, бывает, переубедить их. На семинаре приветствуется шутка, ирония, самоирония. Озлобленное неприятие всего, что сказано на обсуждении (по типу райкинского: «Слушал я вас, слушал... Ну и дураки же вы все!») — дурной тон, на семинаре это редкость, хотя и случается, куда денешься... Однако мы чуть не пропустили важное событие: голос руководителя семинара. Голос этот раздается, когда иссякнут споры, утихнут вопросы и пожелания участников, но — перед «последним словом». Мнение руководителя — это «мнение № 1», но отнюдь не директива и не истина в последней инстанции: оно так же критикуемо — демократия.

Руководители семинара, учителя, наставники, главные советчики и полемисты... В еще не написанной истории «Малеевки» вам будут посвящены центральные главы. Будущий историк XXI века не забудет упомянуть деликатность и мягкую снисходительность Сергея Снегова, вежливую прямоту Владимира Михайлова, дружелюбную, чуть суховатую внимательность Евгения Войскусского... А сейчас — только об одном: о том, кто никогда уже больше не зайдет со своей неизменной трубочкой в зал обсуждений, не сядет в кресло и, задумчиво оглаживая пыльную бороду, не скажет: «Ну-с, кто желает первым высказаться?..»

Дмитрий Биленкин. Был ли он каким-то беспристрастным судьей, «добру и злу внимающим равнодушно»? Ну нет: был он открыт, был он по-хорошему пристрастен, был он просто азартен, когда открывал вдруг для себя при чтении нового талантливого автора, и тут же стремился всем нам показать: посмотрите, как здорово! Случалось и так, что в некоторых рукописях недостатки преобладали над достоинствами. Как мы бывали порой едки и категоричны, указывая на это автору! И как был мудр и тактичен Дмитрий Александрович, замечая проблески таланта там, где мы только оттачивали свои критические перья. «Глядите, вот прекрасная находка», — Биленкин зачитывал какую-нибудь фразу, абзац, и мы неожиданно понимали, что он прав. На его семинаре почти не было отчаяния провалов: даже участник, получивший наибольшее количество «черных шаров», мог уйти с твердым убеждением, что теперь-то он знает, как улучшить свои произве-

дения. Должно еще пройти какое-то время, прежде чем мы сможем оценить вклад в фантастику не только Биленкина-писателя, но и Биленкина-наставника, критика. Оценить — как по числу талантливых фантастов, получивших закалку в его семинаре, так и по числу тех участников, кому он помог задуматься, правильно ли выбран путь, помог увидеть: писать фантастику — не пара пустяков. Был он прост в общении, не вел себя этаким «мэтром», но и не терпел фамильярности. Помню, приехавший на семинар издательский чиновник упорно именовав его при нас Димой. Биленкин был невозмутим, корректен, но предложенного тона принимать не желал, и я не слышал, чтобы он хоть раз назвал своего собеседника Вовой... Благодушным добряком, терпимым ко всякой посредственности, Дмитрий Александрович тоже никогда не был — умел называть халтуру халтурой и не боялся говорить правду в глаза. Все это стоило ему нервов, инфаркта в 53 года, из которого он выходил долго, мучительно. Особенно тяготился он бездельем. «Мои дела однообразны», — писал он в октябре 1986-го. — Сон, еда, прогулка — и опять по второму циклу. И трудно наплевать на этот режим растительного образа жизни, так как после часа-полтора настоящей работы голова садится, как разряженный аккумулятор, доказуя тем, что мысль хотя и нематериальна, но весьма энергоемка и требует приличного сердца...» Последний раз на семинар в Дубулты Биленкин приехал в декабре того же года, уже не как руководитель, как гость, на три дня — встретиться с молодыми фантастами, прочесть доклад. Это было его первое публичное выступление после инфаркта. А еще через полгода, дождливым июльским днем Биленкина провожали в последний путь. Наверное, только на похоронах этого человека и могло встретиться столько молодых писателей-фантастов столицы...

Лица семинара — особая глава воспоминаний, предмет самого пристального изучения будущих историков. Пусть простят меня те, кого я сегодня не назову, — всех невозможно, да и был я далеко не на каждой «Малеевке».

Вот таллинец Михаил Веллер, художавый, язвительный, с мифической улыбкой. Великолепный рассказчик, словно фокусник из шляпы выхватывающий из жизни самые невероятные истории. Неужели все это происходило с ним? Или это просто опробован на нас новый рассказ? Впрочем, не все ли равно! Его первая книга «Хочу быть дворником» сразу же заставила обратить на себя внимание: два с половиной десятка рассказов, и все не-

похожие — юмор, притча, сатира, детектив и, конечно, фантастика. И почти в каждом — парадокс, неожиданность, загадка. Работает Михаил Веллер много, последние публикации в эстонских «Радуге», «Таллине» говорят о том, что он в отличной форме. Когда выйдет вторая его книга? Спросите что-нибудь полегче. А если вам скажут, что Веллер бросил писать фантастику, не верьте, это невозможно: фантастика для него не жанр, а стиль мышления.

Два ленинградца — Вячеслав Рыбаков и Андрей Измайлов. Один — нервный, весь как натянутая струна, и рассказы у него очень похожи на автора, такие же нервные, звенящие, все время «на краю»... Второй — неторопливый, вальяжный, барственный, так и ждешь, что скажет о себе: «мы». Автор лихих рассказов с перестрелками — из «ихней», закордонной, смертоубийственной жизни (если присмотримся, разглядим в них элемент пародии). Всерьез же, по-моему, пишет свои повести, они у него получаются: забавные, чуточку трагические — не о гангстерах или, скажем, кошмарах мегаполиса, а о нашей с вами повседневной круговерти... Ни у того, ни у другого ленинградца отдельные книги пока не вышли.

Михаил Успенский из Красноярска — умеет читать свои очень веселые рассказы с каменным лицом, а когда все вокруг умирают со смеху, он словно бы недоумевает, оглядывается: чего, мол, смешного нашли? Он счастливчик, его неплохо печатают, в краевом издательстве выходит книга — но все по разделу юмора. Хотя Успенский самый настоящий сатирик и фантаст, и сатира у него, должен заметить, не беззубая. Достаточно вспомнить недавнюю его повесть «В ночь с пятого на десятое» («Бисней», 1987, № 2) — остроумную проекцию саркастических булгаковских дьяволят на хорошо узнаваемые читателями реалии современной жизни; сюжет повести — хождения рядового человека по кругам бюрократического ада, на которые уходит, вылетает в трубу вся жизнь...

Москвич Виталий Бабенко — бесменный староста всех «малеевских» семинаров, который делает так много для пополнения числа их участников новыми интересными авторами из всех регионов страны, что давно уже удостоился полушутливого-полусерьезного прозвища «всерьезного старосты»... Спокойный, уравновешенный, чрезвычайно добродушный на первый взгляд, Бабенко таков и на самом деле. Он умеет быть терпеливо-внимательным даже к самым диким высказываниям своих оппонентов — с тем, чтобы потом с ядовитой вежливостью разбить все их аргументы. А его ра-

ботоспособность! Виталий успевает фантастически много и — что немаловажно — делает все одинаково хорошо: он журналист, переводчик, критик, публицист, составитель сборников и, конечно, незаурядный прозаик. Публикация каждой новой его повести — праздник для любителей фантастики (да и просто для читателей). Книги? Увы, нет ни одной...

Улыбчивый киевлянин Борис Штерн говорит и пишет с великолепными «одесскими» интонациями, книга его фантастики вышла только в 1987 году, а могла бы — десять лет назад: большинство рассказов этого сборника к тому времени были уже готовы. Пишет он каждый свой рассказ долго, по полгода, но зато и получаются они у него отборные, один к одному. Так что редактору неловко даже что-то в них исправлять, разве по мелочи: портвейн заменить крепким чаем — в целях борьбы за поголовную трезвость персонажей...

Евгений Филенко из Перми, с виду человек очень хмурый, а на самом деле — застенчивый. Любимая его тема для разговора (хотя много разговаривать он не любит) — самоуничтожение с биением себя в грудь. Потому и повести он переписывает многократно. Перепишет, отойдет в сторонку, и снова посмотрит — и опять переделывать. Интересно работает в разных диапазонах, от миниатюры до романа, к середине 80-х годов мог бы уже вполне издать два-три хороших сборника — написано много... Где они? Дай бог, если удастся в ближайшие год-два выпустить первую книгу, пока нет и этого...

Вот москвич Владимир Задорожный, чей фантастический роман «Защита от дурака» стал событием «Малеевки-83». Такого у нас давно не было: настоящий «роман воспитания», с эволюцией главного героя, поисками истины, осмыслением разных сторон жизни, постижением несовершенств мира, желанием что-то улучшить... Притом произведение это хоть и монументальное, но вовсе не скучное, читается быстро, запоминается: блестящий стиль, динамичный сюжет, юмор, интересные языковые находки. В редакциях роман держат подолгу, сами с удовольствием читают, дают родственникам, знакомым. Потом возвращают автору: «Мы фантастику не печатаем». Или: «Какая же это фантастика?!» Роман до сих пор не опубликован...

Прости, читатель, за вынужденное однообразие этих кратких характеристик: есть, к сожалению, нечто, объединяющее самых разных, по-разному пишущих молодых участников семинара. Александр Силецкий. Дебютировал еще в 60-е годы. Пишет добротные романы, рассказы — и все «в стол»: книги

нет. Эдуард Геворкян — мощно заявил о себе первой же опубликованной повестью, но где публикация других его повестей? Книги, конечно, нет. Владимир Покровский... Борис Руденко... Александр Кацура и Валерий Генкин... Книги нет. Книги нет.

Совет по приключенческой и научно-фантастической литературе СП СССР давно уже принял решение: издавать ежегодно «малеевский» сборник по итогам семинара. Давно утвержден был и состав первого выпуска, рукописи переданы в издательство «Молодая гвардия». Где этот сборник, выйдет ли когда-нибудь? Ведь еще раньше, до принятия этих решений, прибывшим на встречу с «семинаристами» 83 заведующий редакцией фантастики «Молодой гвардии» В. Щербаковым было высказано откровенное пожелание: «Напишите, например, о загадке планеты Плутон — будет, помоему, очень интересно».

«А всякая другая фантастика? — помню, спрашивали тогда участники встречи. — Не «научно-техническая», а, предположим, сказочная? С нею как?»

«Сказочная... Ну, Булгаков, «Мастер и Маргарита», роман, как вы знаете, вышел через тридцать лет после того, как был написан... Нет,

вы пишете, может быть, и ваши произведения будут опубликованы», — хладнокровно обрисовал перспективы В. Щербаков.

Ничего не поделаешь: не желали участники семинара писать «о загадке планеты Плутон» или о чем-то вроде этого, а хотели — о людях, о жизни, о подлинных, не высосанных из пальца проблемах, о Земле...

Будут ли перемены к лучшему? Хочется на это надеяться. И тогда талантливые выпускники «Малеевки» смогут, наконец, во весь голос поговорить со всесоюзным читателем, и встречи эти будут не случайными, время от времени, а постоянными. Вот тогда уникальный семинар... Виноват, я уже начинаю повторяться.

— Минуточку! — раздается голос скептика. — У меня вопрос. Так ли прекрасно все на ваших семинарах, как вы тут расписываете? Каждый год приезжает три десятка человек, и что же, среди них ни одного графомана?

Ну, во-первых, рукописи действительно попадают разные — иногда у одного и того же автора. Неудачник никто не скрывает, и если что-то плохо, автора по головке не гладят. Все честно.

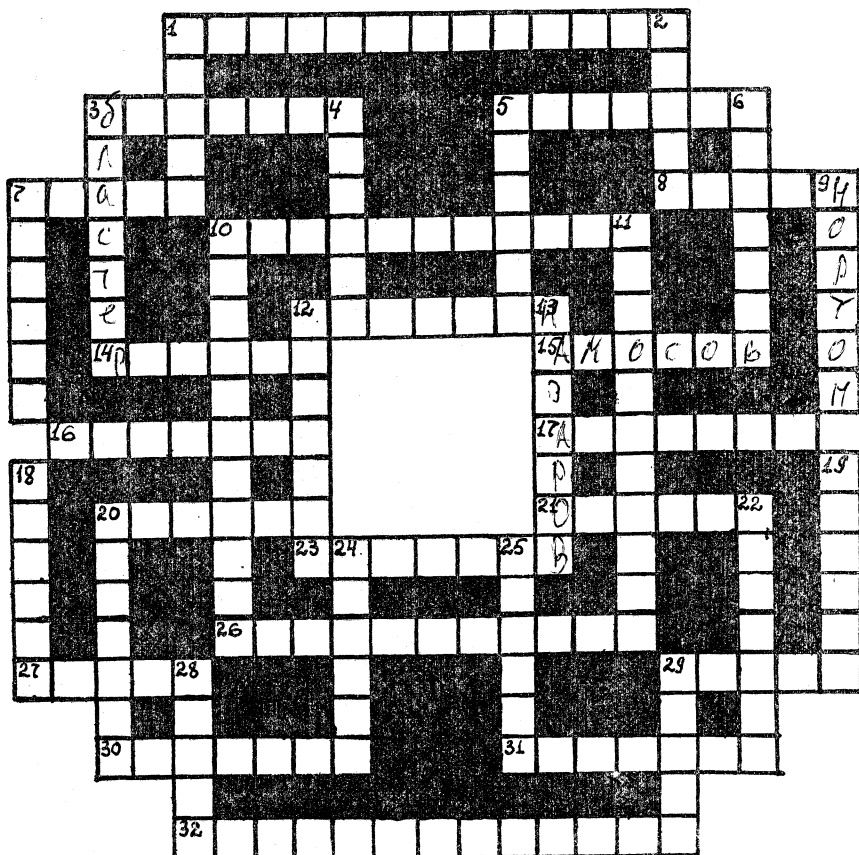
И во-вторых... Что ж, бывают и графоманы. Некоторые — зная авторитетность оценок семинара —

приезжают сюда самостоятельно, по собственной инициативе и просят, чтобы их «обсудили». Если остается время, им не отказывают. Встречаются, увы, графоманы и среди «официально» приглашенных, хоть число их и крайне мало: это когда в некоторых писательских организациях приглашение на семинар воспринимают как своего рода разнарядку. Не отправишь кого-нибудь, в следующий раз и возе не пригласят...

Кстати, о графомании. В слозаре Даяля это понятие отсутствует, Гранат и словарь Ожегова толкуют его как «болезненную страсть к сочинительству». Если графомания — болезнь, то семинар — надежная, испытанная вакцина против нее, горькое, но необходимое противоядие. Научить писать нельзя, но помочь увидеть произведение со стороны, сравнить с другими, откровенно сказать о том, в чем сам не решаешься себе признаться, — можно, это и есть лекарство. И иногда самое лучшее доказательство («как надо») — доказательство от противного, об этом тоже не стоит забывать. Семинар, как противоядие, гарантирует «выздоровление» во всех случаях — кроме клинических. Но таковых здесь пока не наблюдалось...

Кроссворд

СОСТАВИЛ К. НИКИФОРОВ
(г. КУЙБЫШЕВ)

По горизонтали: 1. Рассказ Р. Брэдли. 3. Популярный американский фантаст начала XX века. 5. Обитаемая планета в системе Лямбда Стрелы из повести В. Тендрякова. 7. Самостоятельная глава романа Г. Гуревича «Приглашение в зенит». 8. Герой романа «Из пушки на Луну». 10. Рассказ Дж. Кемпбелла. 12. Главный герой романа С. Лема. 14. Аппарат для движения в безвоздушном пространстве. 16. Автор романа «Записки из будущего». 17. Автор повести о торговце-путешественнике Барленнине. 19. Остров в Тихом океане, на котором загорелся воздух. 20. Автор рассказа «Бутылка серебра». 21. Рассказ Д. Биленкина. 23. Автор книги «Через 100 и 1000 лет». 26. Автор рассказа «Скандалный случай с мистером Скоундрелом». 27. Популярный английский фантаст. 29. Героиня романа А. Беляева. 30. Советский НФ фильм. 31. Одна из премий по фантастике в США. 32. Рассказ И. Росоховатского.

По вертикали: 1. Рассказ Р. Брэдли. 2. Рассказ Ф. Брауна. 4. Лучевой пистолет. 4. Советское издательство, выпускающее фантастику. 5. Герой романа Абэ Кобо. 6. Автор книги «Три жизни Жюль Верна». 7. Рассказ А. Кларка. 9. Автор романа «Саргассы в космосе». 10. Одна из первых книг серии «Зарубежная фантастика». 11. Роман С. Лема. 12. Известный американский фантаст. 18. Автор повести «Силайское яблоко». 18. Персонаж «Машины времени» Г. Уэллса. 19. Главный герой трилогии А. и С. Абрамовых. 20. Автор рассказа «Пятница». 22. Автоматическая няня из повести В. Шефнера. 24. Древнеримский бог, «оживленный» В. Берестовым. 25. Автор рассказа «Межпланетные Колумбы». 28. Элементарная частица, название которой придумано писателем. 29. Автор романа «У нас это невозможно».

«НА РАДОСТЬ НАМ ДАНО»?!

Белла БАРВИШ

ИСПОВЕДЬ ПЕРВАЯ

Поразила наивная обида в этом письме:

«Что другим в радость — для меня оборачивается одними неприятностями. Уж поверьте, я не алкоголик, не пьяница — хотя считаю, что права старая песенка: «Вино... оно на радость нам дано». Сам я, выпив даже немного, ощущаю прилив чувств, от которых хочется объять весь мир, всех сделать счастливыми. Так почему всё складывается так нелепо и обидно?»

...В детстве я искренне верила, что спиртное существует двух видов: одно делает людей добрее, веселее, ласковее и проще, другое, ничего общего с первым не имеющее, превращает их в двуногих чудищ, при виде которых следует незамедлительно прятаться в первую попавшуюся подворотню или перебежать на другую сторону улицы. И когда однажды мама, легонько сжав мою руку, указала на распластавшееся под забором чудище и сказала укоризненно: «Ты хочешь, чтобы твой папа стал таким же?» — я вырвала руку и, давась рыданиями, побежала от мамы, куда глаза глядят, хотя вообще-то залитые слезами глаза никуда не глядели и ничего не видели. Истерик за мной не водилось, и потому мама страшно перепугалась и, как потом рассказывала, пожалела о своих словах. Но у нее были основания их произнести.

За праздничным столом мама зорко наблюдала, чтобы папа не выпил больше двух-трех рюмок. Рюмку, казавшуюся ей уже лишней, она отставляла на другой конец стола со словами: «Тебе хватит». Папа не протестовал, а лишь, посмеиваясь, вопрошал: «Кто меня видел пьяным?», а мне это казалось вопиющей несправедливостью, насилем над личностью. Слов этих я тогда, конечно, не знала, да и не очень рассуждала, а попросту пыталась восстановить справедливость. Стоило маме отвернуться, я хватала отставленную рюмку и, шмыгнув с ней под стол, проползала к папе. Гости от души веселились, но кто-то все-таки докладывал маме.

Хотя, возможно, руководило мной не только, да и не столько чувство справедливости. Не было за праздничным столом веселее человека, чем папа. И песни он пел такие, каких больше я уже не слыхала, и шутил так, что все покатывались со смеху, и сам заразительно смеялся первый. Я вполне серьезно воспринимала папину шутку: «Вот если бы мне столько, да еще полстолько, да четверть-столько, вот тогда я, может быть, буду пьян»; но и это «буду пьян» рисовалось в моем воображении фейерверком веселья, праздником праздников. Ах, если бы мне достать эти «столько» и «полстолько»...

И когда представился случай — а он всегда представится, если хорошенько поискать, — я с ликованием в душе, но и не без страха перед грядущим возмездием, тем же испытанным способом «преподнесла» папе початую бутылку водки. Увы, праздник не состоялся, отец, смущенно хмыкнув, погладил мою лохматую голову и самолично поставил бутылку на место... Этот случай и побудил маму провести наглядный воспитательный урок, из которого я в то время ничего не вынесла, кроме горькой обиды и недоумения.

Конечно, не давая папе выпить лишку, мама беспокоилась о его здоровье: с войны папа вернулся с простреленным легким и еще двумя ранениями, в ту пору

считавшимися несущественными, но из-за которых и ушел из жизни раньше срока, не увидев ни одного из своих внуков. Даже сейчас, через много лет, я не верю, не желаю верить, что мама всерьез допускала мысль, что наш папа может стать пьяницей. Но я-то сейчас знаю, даже слишком хорошо, что пути, которыми спиртное пополяет ряды своих рабов, столь неоднозначны и хитроумны, что иные люди еще долго считают себя свободными, а сами уже давно в кабале у бутылки...

Позволила себе экскурс в детство, потому что автор письма, тридцатилетний человек с высшим образованием, в наивности своей по отношению к спиртному перешагивал даже меня, ту, какой я была в неполных пять лет. Если бы не это наивное недоумение, я бы попросту резко отчитала этого, далеко уже не юного человека. По сути, в порыве нежных чувств ко всему человечеству он совершил преступление. Уголовно наказуемое. Он напоил подростков...

«...Показались мне эти ребята-пэтэушники славными мальчишками, я заметил, что они чем-то расстроены. Когда мне хорошо, не могу видеть людей с угрюмыми лицами... Я предложил им выпить, они оживились, а увидев, что я достал из портфеля коньяк, развеселились вовсю, спросили со смехом: «За что пить будем, товарищ?» Я им ответил: «За хорошее настроение... ваше. У меня радость, мне хорошо, пусть и вам будет хорошо».

А что произошло потом, я не в силах до сих пор ни понять, ни объяснить. Они стали с визгом, с нецензурной бранью выяснять отношения между собой. Я возмущался, пытался растолковать им, что добрый коньяк пьют не за тем, чтобы злиться, что они сами лишают себя радости. И тогда они напали на меня, как по команде — все вместе... Не пытаясь ничего объяснить... На целую неделю я оказался нетрудоспособен, больничный мне не оплатили. Но дело не в этом: моральная травма, которую я получил, вряд ли скоро зарубцуется. Самое нелепое, дикое, что никто из тех, кому я рассказывал о своем несчастье, не попытался серьезно вникнуть в суть происшедшего. Ни в милиции, ни на службе, где я вынужден был давать объяснения, ни просто знакомые — никто не понял меня. Словно это вполне естественно, что увечат человека за то, что он подошел со всей душой, увечат за доброту...

Разумеется, если исходить из того, что «вино на радость нам дано», то каждый одаривший нас сей радостью, проявляет великодушные и доброту. Но столь же естественно, что подростки, принявшие приглашение доброго дяди, показали своим поступком, что спиртное — зло. На преподнесенное им зло они и отплатили злом. В конце концов, он обманул их: уверил, что настроение поднимется, что станет им хорошо и приятно, а этого не произошло — наоборот, тягостное состояние, в котором они пребывали до угощения, усилилось. А тут еще навязчивый дядя лезет в душу со своими поучениями, пытается доказать, что нелюди они какие-то, потому что, вопреки его ожиданиям, не развеселились... Так «повеселимся», как умеем!.. Логично?

Я не пытаюсь оправдать этих мальчишек: то, что они совершили, дико и в высшей степени безнравственно. Но автор письма пишет, что «не в силах такое ни понять, ни объяснить». А вот это как раз не так и сложно...

Я не стала призывать его немедленно бросить пить, дабы больше ничего не приключилось, но в ответ на его

сетования по поводу такой «смешной судьбы» позволила себе заметить, что судьба у него как раз счастливая. И потому, что он легко отделался и избежал уголовной ответственности...

Как должен был прожить человек свои тридцать лет, чтобы ни разу не заподозрить, что спиртное — в гораздо большей мере источник зла, чем радости? Что вера во «всеобщую обязательную радость», приносимую будто бы вином, ложная?

ИСПОВЕДЬ ВТОРАЯ

«Нас было четверо у матери. Мы знали только мать, больше никого у нас не было...» — так начала Нина свое письмо.

«...Наша мать в общем-то интересная женщина, она много читает. Но еще больше пьет. Все дети, кроме старшего брата (который тоже после пошел по ее стопам), воспитывались в детдоме. Мать не была лишена родительских прав, она навещала нас. Но все равно уже в восьмом классе я не могла называть ее мамой. Отвыкла, или стыдилась, не знаю, наверное — и то, и другое...

После выпуска я работала на почте в Челябинской области. Мать писала мне хорошие письма, обещала бросить пить, звала домой. Я приехала: верила тогда, что смогу помочь ей.

А вышло все очень плохо. Появился Сережкин. Мать привела его, похвалившись, что у нее хорошая дочь, и пообещав выпивку. В первый же вечер я накричала на нее, хлопнула дверью и ушла. На другой день она меня разыскала, опять плакала и упрасивала вернуться домой. Снова я увидела Сережкина, и снова хлопнула дверью...

А на третий день не ушла я сразу. Сережкин стал рассказывать о своей нелегкой жизни. Никого у него нет. Ни от кого доброго слова не слышал, никому не нужен — оттого и пьет. Вспомнила я, как сама приезжала на каникулы домой, а дома — ни дров, ни хлеба... Выходит, одинаковые у нас с ним судьбы. Жалко мне его стало. А мать все наговаривает: «Посмотри, какой парень симпатичный, таких поискать». А ему: «Дочь-то у меня славная, человеком с ней станешь».

...Я купила домик, перебрались мы с Сережкиным туда — подальше от пьянок. А ничего не изменилось. Что я только ни делала, чтобы удержать Сережкина от выпивки — сейчас вспоминать стыдно: бегала за ним по деревне, бутылки о забор разбивала, с приятелями ругалась. И опротивел он мне своим бесконечным враньем, изворачиваньем. Когда он вот так вернулся, неделю где-то пропадая, — сказала, чтобы уходил совсем. Через несколько месяцев ждала я ребенка. Мне только восемнадцать исполнилось, и собирались мы зарегистрироваться, но я поняла, что жизни все равно не будет. Пообещала, что не стану его разыскивать и не подам на алименты. Только бы оставил в покое...

Родился Сереженька. Денег не хватало, пошла я работать на ферму дояркой. Мать предложила нянчиться с мальчиком. Но вскоре я узнала, что она дает Сереженьке вина, чтобы спал, не плакал, а сама уходит в поисках компани. Стала я тогда брать малыша с собой на ферму. Садила его в саночки и оставляла в проходе, чтобы можно было его видеть. Разговаривала с ним, пела ему. Так он и рос, пока не выделили место в яслях.

Однажды снова объявился Сережкин, просил прощения. Но он остался прежним, а я стала другой. Выгнала. И трудно без мужских рук — домик-то я купила дешевый, работы он требовал, но ничего, обходился. Много времени отнимали мать и брат, вечно они попадали из-за своего пьянства в какие-то истории, а за помощью бежали ко мне. Но я все думала: вот подрастет Сереженька — уеду подальше...

Так и дожидая до того отрезка времени, о котором и хочу поведать, нет больше сил держать в себе. Выплакаться бы вдоволь, по-бабьи, говорят, легче от этого бы-

вает... Но и это мне не дано, не было со мной такого, чтобы плакала в подушку или на чьем-то плече.

...Жил в нашей деревне Ваня Семенов. Когда я приезжала к матери на каникулы, он всегда старался нам чем-нибудь помочь: дрова привезет, гостинцы притащит.

Мне-то он всегда был как старший брат. А тут Сереженька привык к нему, сам вдруг стал называть «папа Ваня». Тогда Ваня и сказал, что полюбил нас. Я поведала — наконец-то и мне улыбнулось счастье!

Только зря радовалась. Уехал Ваня в командировку, и больше мы его не видели. Снова какая-то пьяная драка. Прямо напасть на меня!.. Посылки ему отправляла, все-таки много он сделал для нас, на свидание поехала. И прямо сказала ему, что жить с ним не буду. Не верю больше в себя. Устала.

Не с кем мне больше поделиться, не у кого совета спросить. В Вашей книге «Найти колокольчик» такая вера в людей, даже в тех, кто совершил преступление... Вы их лучше знаете, чем я. Подскажите!..»

Как бы мне хотелось и успокоить, и обнадежить Нину! Не стала ни обнадеживать напрасно, ни успокаивать, а написала письмо Ване. И получила от него ответное.

ИСПОВЕДЬ ТРЕТЬЯ

«Зря Вы решили, что я могу обидеться на правду. Не на кого мне обижаться, кроме как на самого себя. И не думайте, что я каждый раз, как выпью, кидаюсь на людей с кулаками... «Спиртное», — пишете Вы, — пробуждает агрессивные силы, искажает действительность, и мелкая обида видится тяжким, непереносимым оскорблением». Действительно, было такое злое время в жизни, когда все опостылело, все болело: еще не заденут, а уже больно, а уж заденут — себя не помнил. Но прошло.

Никак не думал, что Нине принесу горе. Нет для меня человека лучше и родней. Только агрессивные силы тут ни при чем. Не вмешайся я, та драка в командировке еще страшнее могла закончиться. Но я ни на кого не в обиде. Прокурор правильно сказал: «Пьяный заступник не меньше преступник, чем остальные».

В колонии решил: больше спиртного в рот не возьму, хватит, покалечило оно мою жизнь, пусть дружат с ним те, кто горя от него еще не видел. А Нине не сказал об этом на свидании — стыдно было. У нас добрая половина схлопотала срок по пьянке, и все клянутся, в грудь себя колотят — уверяют, что под конвоем в винный отдел поведут, так они все равно сбегут по дороге... И так орут об этом каждому встречному-поперечному, будто и сами себе не верят. Вот и стыдно мне стало клясться. Приеду — докажу в жизни. А в том, что Нина дожидается, — не сомневаюсь, такой она человек.

Вам я тоже клясться не буду, но скажу все-таки: через меня Нина больше горя не узнает. Всего доброго Вам.

Иван».

В жизни всегда есть горе и радость, отчаяние и надежда...

Когда заглушают горе спиртным, не думается, не гадается, что настоящее-то горе в эту минуту и вступает на порог.

И радостные события отмечают с бутылкой, одно за другим, пока... Всегда ведь кажется, что это «пока» приходит вдруг, даже если и видим его устрашающий лик совсем рядом.

Или просто много свободного времени — роскошь, дарованная человечеству цивилизацией, а в результате — то же горе, себе и близким...

г. Первоуральск

Уральский «Нарзан»?

Принято решение о начале широкого поиска минеральных вод на Урале. С лета 1987 года гидрогеологи объединения «Уралгеология» начали бурение скважин (сначала на Южном, потом на Среднем Урале). О перспективах несколько необычных в нашем крае поисков рассказывает заведующий лабораторией региональной гидрогеологии Института геологии и геохимии УрО АН СССР кандидат геолого-минералогических наук А. И. Ковальчук:

— Если на широте Свердловска провести черту, пересекающую Урал, то по ней условно наш регион можно разделить на три части. Это Предуралье — от Пермской области до Красноуфимска и Шали, затем складчатый Урал и за Богдановичем уже Зауралье. Линию мы проводили через середину Среднего Урала, но подобное деление (с теми или иными поправками) характерно для всего нашего края.

Где искать воду? Казалось бы, ответ один — поближе к большим городам: и дешевле, и надобность больше. Но беда в том, что как раз складчатость, рассеченность по вертикали привели к тому, что здесь запасы минеральной воды невелики. Из глубин в этих местах чаще поднимаются радоновые воды. А разливать их нельзя — период полураспада содержащегося в них радиоактивного газа радона равен 3,8 суток. Если когда-нибудь и будет найден мощный источник таких вод, то применение им одно — немедленное — радоновые ванны. Там нужно будет строить водолечебницу.

И еще один, с каждым годом усиливающийся фактор — техногенное загрязнение. Сотни и тысячи фабрик и заводов, десятки и сотни тысяч автомобилей оставляют на земле лужи бензина, мазута, всевозможных смол и масел, химических соединений. Все это впитывается в почву, доходит до самых глубоких горизонтов.

— Значит, искать надо вдали от городов?

— Ну, на Урале городов много, и, пытаясь отойти от одного, подходишь к другому. Но логика в вопросе есть — города у нас чаще всего привязаны к месторождениям, а те, в свою очередь, найдены именно на складчатой, горной части Урала.

А слева и справа от нее находятся более равнинные части региона. Вот здесь и нужно искать минеральные воды — ведь и Предуралье, и Зауралье в прошлом были покрыты древними морями. Здесь осадочные породы надежно изолировали друг от друга слои, линзы воды, оставшейся от иных эпох, воды, претерпевшей изменения за миллионы лет. Об этом свидетельствуют и уже существующие источники.

Возьмем Предуралье. Всем известна целебная вода Усть-Качки в Пермской области. Воды такого типа есть и в Свердловской области. В Саране, например, их используют в местном доме отдыха. Курорт «Нижние Серьги» тоже получил «путевку в жизнь» благодаря источнику целебной воды.

— А с другой стороны хребта?

— Это наиболее интересный и перспективный «на минералку» район. Целебная вода Обуховского месторождения — ближайшая родственница нарзана. В ней же есть сероводород, органика, что делает ее близкой к знамени-

той «Нафтусе». Поле обуховских вод обширное — можно бурить, можно строить лечебные заведения.

Дальше лежит Талица, а под ней вода типа той, которой лечат на курорте Друскининкай. Количество воды не ограничено. Пей на месте, разливай — сколько надо. Дальше — Тавда, Туринск, тоже много вод, близких к талицкой, но с повышенным содержанием йода и брома.

— Итак, лечебные воды у нас есть. Но не все они пригодны к столу. А многие области имеют свою «фирменную» воду. В Москве — «Московская», в Омске — «Омская», причем местные власти стараются, чтобы она была в продаже во всех магазинах, столовых, кафе. На Урале же можно купить «Арзни», «Арабат», а уж «Нарзан» или «Боржом» днем с огнем не сыщешь...

— Добрые примеры есть ближе Омска. В нашем регионе, в Шадринске например, уже разливается и продается населению углекислая вода — полный аналог «Ессентуков № 4». Раньше считалось, что подобных вод в Свердловской области и рядом нет. Современное понимание геологической обстановки, ряд признаков опровергают это утверждение.

Нужны конкретные заявки на обнаружение минеральных вод столового типа с четкой привязкой к определенным пунктам. Чтобы знать, для кого искать, куда вода будет отвозиться, где разливаться. В той же Талице есть вода, ее используют местные жители, приближающаяся по составу к «Боржому». Надо лишь наладить розлив.

Можно, думается, подыскать и какую-то свою, уральскую по будущему названию. Напомним: столовой считается та вода, что имеет минерализацию до двух граммов солей на литр. Найти такую и не в одном месте — дело вполне вероятное.

Но есть интересный случай — вода Байкала. Она почти не имеет солей. Воду эту разливают, пьют, она не просто стала столовой, а дает и лечебный эффект. Почему — не знаю. Может быть, будучи бессолевой, она выводит из организма какие-то ненужные нам вещества.

Верится, что расширенный целенаправленный поиск даст нам, уральцам, что-то свое, а не только аналоги уже известных и апробированных вод.

— Итак, у нас известны воды, которые можно разливать и продавать, а другие остается лишь найти, причем о их существовании геологи даже догадываются?

— В общем — почти так. Но коснусь сферы не только геологической. Нет сомнения, что сокращение продажи спиртного уже потребовало увеличения выпуска кваса, газированных напитков. Увеличился спрос на минеральные воды, их составами везут с юга, за тысячи километров. Это уже экономика — гигантские расходы, не сравнимые, конечно, с перевозкой воды из соседних районов или областей. Надо помнить и о том: везут месяцы, а за это время воды меняют свое качество...

Вода может лечить не только приемом внутрь. А ванны? К сожалению, проектировщики домов отдыха, санаториев не дают предварительные заявки. Неужели ванны из минерализованных вод, плавательные бассейны, наполняемые из скважин, были бы лишними?

И в самом строительстве чехарда. В Талице курорт «Маян», известный всей стране. Так там построились и горняки, и железнодорожники, и Уралмаш. Есть детский санаторий, межколхозный. Похожая картина и в других местах. А нужен один хозяин. Ведь ясно, что воды Урала — не хуже вод Кавказа, Карпат, Прибалтики. И отнестись к ним надо соответственно — планировать розлив, использование в домах отдыха, санаториях, именно к местам выхода вод на поверхность (и к скважинам) нужно привлекать строительство новых здравниц. Уральцев надо лечить на Урале. Врачи часто говорят об этом. Так что начало глубокого изучения минеральных вод нашего края должно увязываться с развитием здравоохранения, торговли, повышением уровня жизни уральцев.

Интервью взял Э. ЯКУБОВСКИЙ

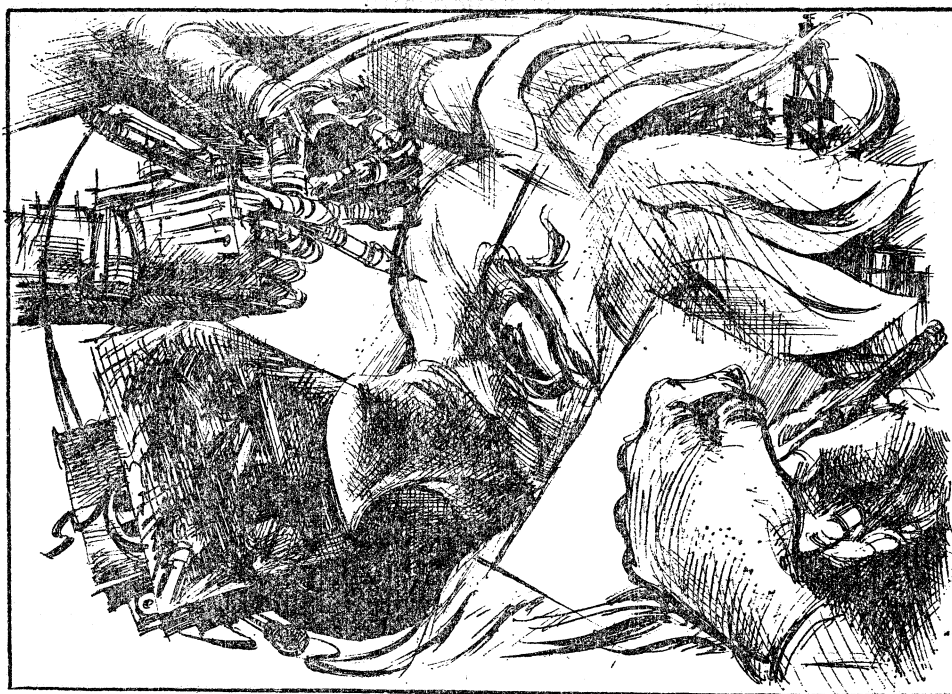
«Здравствуйте,
Юрий Шинкаренко!
Решил написать... Вы
говорили: я вас не убедил
идти в «металлисты». Мы,
те, которые бредят «метал-
лом», никого не агитируем.
Но все-таки вздумайте в
следующие строки (компо-
зиция рок-группы «Ария»
1986 года):

Напряженный труд мужской
Выдержит не каждый.
Только — кто душой такой
Чистый как кристалл.
Если, друг, тебе невмочь,
Мы не просим дважды.
Уходи скорее прочь,
Здесь куют металл!

Вот так я отвечу на
Ваши слова, что я не саги-
тировал Вас в «металлис-
ты». Как и обещал, высы-
лаю каталог нескольких
групп (прилагается). В шко-
ле № 3 у нас во время ка-
никул пройдет металлотeka.
В баре СУ-17 по-прежнему
собираются «металлисты».
Среда — наш день в баре.
Если что нужно, напишите.

Андрей Михалев.
Город Ноябрьск,
Тюменская область».

Рис. Александра Фомина

КАК МАКАР МАКАРОВИЧ НЕ ПОНЯЛ «МЕТАЛЛИСТОВ»...

Юрий ШИНКАРЕНКО

Наверное, Андрей, тебе виднее, о каком напряженном труде поет «Ария». По-
этому отогнал от себя воспоминания о кузнице, где горн так жарок, а молот так
весом, что действительно «выдержит не каждый»... А представил дискотеку в ДК
«Дорожник». Хотя «ковали там металл» достаточно скрытно... Прячась от усталых
глаз директора Дома культуры Марченко. Знай тебя уже в тот миг, наверное, обра-
тил бы внимание, как ведешь «металлический» танец. (Вспомнил твои пояснения: «Та-
нец — вершина! Нужно скопировать движения, позы бас-гитариста, и тогда пока-
жется, что музыку исторгаешь ты, а не он! Да какую музыку!») Не обратил бы?
Ты прав: рядом со мной стоял Макар Макарович, и если «металлисты» появлялись
в поле его зрения — танец их облагораживался чуть ли не до уровня бального. На
тебя я обратил внимание позже. Когда прошло первое удивление: несколько суток
добирался до твоего северного города, так долго, что успел забыть, что в Сверд-
ловске уже весна, настроился узнать, что же такое СЕВЕРНЫЙ ПОДРОСТОК, что
за люди, формирующиеся в условиях суровой природы и в обстановке дел, за кото-
рыми следит страна. Но поднявшись на второй этаж «Дорожника», потерял ощущение
географии. Шел в комнату — попал в другую... Уж не Москва ли это? Не Киев
ли? Не Рига? Поразил ваш внешний вид. Никакой скинни в глубинку. Одежда —
самая фирменная, прически — последний крик моды (косички в тот месяц самоутверж-
дались), манера держаться — тоже от некоторой части столичной молодежи. Этакая
видимость пресыщенности от обилия духовных и материальных благ.

Но за стенами Дома культуры тянулся не Гоголевский бульвар и не Крешатик...
Невысокие заиндевевшие улочки — город, который оказался малоприспособленным для
вас, мало учитывал ваши желания общаться друг с другом, ходить в кино и театры,
заниматься спортом.

Немного мог предложить Ноябрьск своим околосовершеннолетним: технический
клуб «Эврика», подростковый клуб «Поиск», кафе «Славутич», который две среды
в месяц отдаает вам для тематических вечеров. Остальные культурные центры, подоб-
ные «Дорожнику», — лишь на паях со взрослыми.

А на улице не соберешься — холодно. В школе не соберешься — тесно. По срав-
нению с нормой школы перегружены в два с половиной раза, учеба в две-три смены...

Это противоречие между ПОТРЕБНОСТЯМИ, уже сформированными крупными городами, и ВОЗМОЖНОСТЯМИ совсем юного города вызвало тревогу. Когда же поговорили в горьком комсомола, а потом с инструктором ЦК ВЛКСМ Михаилом Антоновым, противоречие углубилось, конкретизировалось: с одной стороны — вероятные потребности ваши в труде, в зарплате, может быть, в полноценном отдыхе и полноценной информации, с другой — НЕВОЗМОЖНОСТЬ северного города все это предоставить.

Комсомольские работники Ноябрьска говорили, что если и на Большой земле устроить ребят на работу — проблема, то здесь — это трижды проблема. Существует постановление Государственного комитета СССР по труду и заработной плате, которое определяет список производств, профессий, специальностей и работ, где труд несовершеннолетних запрещен. Профиль ноябрьского производства полностью уместается в этот длиннейший список. А немногочисленные исключения, типа почтового отделения, подпадают под другой запрет: лиц моложе 18 лет нельзя привлекать к работе с вредными условиями труда. Безобидный на Большой земле разнос телеграмм здесь безнадежно окружен «вредными условиями», теми же пятидесятиградусными морозами...

Когда же молвил слово Михаил Антонов, стало ясно, что северный подросток в спецовке или стройотрядовской куртке — нонсенс! Он сказал:

— В декабре 1986 года принято решение сократить число ударных комсомольскихстроек. Со 150 до 52. В частности, в Сибири это вызвано избытком рабочей силы. Не отряды присылать сюда надо, а перераспределить и переподготовить те 12—20 тысяч рабочих, которые трудятся вполсилы...

Потому, пожимая твою руку, не удивился, что мозолей на ней нет.

...Теперь о попугаях. Макар Макарович Марченко в Киеве на рынке выложил за них собственные семьдесят рублей, «прописал» птиц в одной из комнат Дома культуры, среди тропической зелени, среди трав среднерусской полосы, среди цветов. Он, когда мне показывал эти травинки-былинки, бережно расправляя каждую пальцем, уверенно произносил латинские имена. Какую — не запомнил. Просто не успел осознать, что значит этот островок природы для экстремальных условий северного города. А Марченко не торопил меня с выводами, перечислял: «Открыли клуб «Природа и мы». Завели аквариум с рыбками, но в здешней воде мало солей... Рыбки погибли. «Юный цветовод» — понимаете, для юных цветоводов. Но четкого разделения нет: любой может прийти, белок покормить, птиц приманить семечками... Звонят из Тюмени недавно: встречайте дрессировщика с медведями. Куда я этих гастролеров? В фойе, что ли, держать?» — Макар Макарович сердится, но по голосу чувствуется, и медведям рад.

Как бы назвать это главенствующее направление в работе ДК? Экологическим? — то есть заставляющим работать с сокрушительной буровой техникой в руках помнить о травинке, прильнувшей к пальцу?.. Психогигиеническим? — восполняющим долгую разлуку с многоцветием природы?.. (Это ведь только мне, новичку здесь, любопытнее был не попугай, а окно за его спиной с жуткой морозной равниной до горизонта). Но Макар Макарович теоретизировать не стал:

— Другие считают, что наше достижение — дискотека. Одна из первых в городе! Проводили анкетирование: кто лучший диск-жокей. Выбрали Андрея. (У него потом, к сожалению, глаза заболели — операция! — уехал на Землю). Как к нам ломились! В окна лезли. Один «танцор» через крышу решил попасть, проломил... С девятиметровой высоты прямо на сцену грохнулся. Когда я прибежал, этого «любителя» уже унесли. Слава богу, жив остался. Другой сует 25 рублей: «Сделай мне билет!» О билетах. Распространяем по своим рабочим общежитиям, а потом интересуемся — откуда публика? Кого только нет. Однажды

сделали проверку. Записали номера билетов, запомнили, какой воспитатель какие билеты распространял. Двадцать человек наших оказалось. Семьдесят — чужаков, причем особых, припродуктовых — из ОРСа, столовых. Воспитатель им — билет, они ей — мясо. Во, как котируемся, на уровне союзного дефицита!

Андрей, если не возражаешь, я еще процитирую Марченко, чтобы и ты, и читатели наши увидели, каких людей Север признает своими:

— Я же понимаю, раз сижу в тепле, не мотаюсь по тундре, — значит, должен сделать все, чтобы те, вернувшиеся с вахты, трижды почувствовали это тепло и в прямом, и в переносном смысле. А куда ни ткнишь — проблемы. С самого начала... Высадились на болоте. Все переплелось здесь: и трудовой героизм, и... элементарная непорядочность. Знаете, какие заборы с проволокой каждый микрорайон окружали? Почти все тюремных. Потому что воровали друг у друга с чисто северным размахом. Стоит домик — цепляют тросом, к себе тащат. Котельную строят, труба нужна — идут, ищут, где плохо лежит. Трактора угоняли. Сейчас этого уже почти нет. Возвремя спохватились: чтобы сохранить людей, человеческое в них, нужно как можно быстрее создать им условия, не провоцировать на подлость. На наш фронт большие надежды, на культурный. Ведь мы на нарушения шли. Наш «Дорожник» строился задолго до постановления о соцкультбыте, и потому в проектно-сметной документации значился как «общежитие на 70 мест». Сколько таких культурно-массовых «общаг», «котелен», «гаражей» по всему Тюменскому Северу!..

Я хочу: приходит к нам житель Ноябрьска — и ощущает, он здесь не временщик. Но между задуманным и достигнутым — ножицы! Кадровая проблема: из Киева специалиста не вызовешь, приходится здесь искать, а хороший без работы не бродит... О фильмах: кинопрокат включил нас в «профсоюзное кольцо». Фильмы такой давней давности, что перед народом стыдно за это «псевдоретро»... Гастроли. Почему-то наши актеры считают, что раз приехали в глушь — можно и халтуру гнать... Это только в первое время такое сходило: крыша в клубе течет, в пианино половина клавиш выломана, из другой половины только треть отвечает; пианист себе играл, певица себе пела... Сейчас такого не допущу. Но устал... И думаю, может, кому познергичнее место уступить.

Теперь, Андрей, я предложу слово тебе. Понимаешь, вдруг подумалось, что письмо твое представляет тебя усеченно-однобоко. Не хочется обманывать читателя, ведь на самом деле ты гораздо глубже, интереснее. И аргументы в пользу «металла» более весомые, чем этот, заимствованный у «Арии»: «Уходи скорее прочь!» Железный аргумент! Или правильнее — металлический?

При первой встрече (помнишь, в ГК ВЛКСМ?) ты напомнил мне Электроника, знаменитого по фильму: холодновато-пыливый взгляд, низкий голос... Внешнее сходство, конечно. Потому что трудно было предположить, что среди членов городского комсомольского штаба вдруг объявится «металлист», да из тех, «которые бредят металлом». Послушаем тебя?

Андрей МИХАЛЕВ: «...После девяти вечера город вымирает. Идешь по улице — одинокий скрип собственных шагов. Никого нет! Нечем заняться!..

До девяти тоже, конечно, не сахар. Библиотеки, например. Только одна — более-менее. Но за хорошей книгой там очередь. А остальные... Еле-еле стол библиотечка втиснут да стеллажи, а на них — пусто. Достоевского изучали — четыре книги на всю школу. Со сборниками ленинских работ — проблема. Ленинских!

Спасаемся от скуки в подвалах. В своем поставили панцирные сетки друг против друга. Лампочку повисили, хотели розетку для «мага» — не получилось. Сидим, разговариваем. О чем? Обо всем на свете. Друг о друге. О том, что весенние каникулы на носу, а из города не вырваться: у железнодорожных касс — очередь в пятьсот

человек. В тетрадочку друг друга записывают... О том, что городские власти собрались отдать квартиру женщине с пятью детьми, а отдали начальнику, который три месяца как приехал... О том, что объявлен набор в секцию подводного плавания, а у бассейна лишь полстены построено... Наслушаешься всего такого — становишься пессимистом».

Остановимся здесь — важно для понимания твоей дальнейшей логики. Свидетельствую: основания для подобного пессимизма у тебя, твоих сверстников есть. И даже не потому, что приходится видеть несправедливость в мире взрослых, слышать о ней в автобусе, догадываться по нервным обликам отца-матери... Дело в другом — в ограниченной возможности официально реализовать себя в главном — в труде. Дело доходит до смешного: ВАМ НЕ ДАЮТ ПРАВА ВЫПОЛНИТЬ СВОИ ОБЯЗАННОСТИ. Обязанности перед семьей, школой, городом, перед самим собой... Выстраивается по-бюрократически ладно скроенная аксиома: в силу возрастных особенностей уменьшим-ка подросткам круг обязанностей (так и слышатся нотки умиления в этом «уменьшим», мол, нам бы такое детство в наши суровые двадцатые, несправедливые тридцатые или голодные сороковые).

И вот доуменьшались, с обязанностями-то! Ты и твои друзья с негодованием перечисляли известные вам производственные неурядицы:

...бросили в чистом поле импортную трубу, потом спохватились, ломиками принялись выдалбливать из нее лед, сбивая защитное покрытие.

...нужно сдать в срок скважину! Рабочие через голову начальства, диспетчеров приглашали «помощников» из других бригад, «мобилизовывали» соседскую технику. Срок выдержан — премия в кармане (в ней-то и суть!). Потом срывались к соседям, на такое же выколачивание премии.

...нужно опустить трубу на тысячу метров, а кран не приспособлен.

Вы приводили десятки таких примеров, не догадываясь, что их объединяет единство «героев». Если учесть, что средний возраст жителя Ноябрьска — 27 лет, становится ясно: север Сибири осваивает сейчас то самое поколение, которое воспитывалось в условиях предыдущей школьной реформы, введшей обязательное десятилетнее образование, и как следствие — массу запрещающих инструкций по труду подростка. Те инструкции раз и навсегда поставили точку в борьбе против детского труда. Но не выплеснули вместе с водой ребенка?

Нынешние нерадивые работники — из первого после-реформенного поколения. Вы — второе... Есть ли опасность, что повторите так часто встречающуюся неготовность к труду, к ответственности? Пока есть. Да ты и сам говоришь об этом: «В последнее время нас милиция гонять начала: хулиганства в городе участились, а пьянство — почти в порядке вещей... Понятно, сидят, скучают... Ну, что, сбросимся? Особенно если на другой день не в школу, а в УПК, или вообще выходной. Деньги-то у всех есть — щедрые северные надбавки родительские... Собирают по «углу» (25 рублей) — и на «точку». В любое время суток можно спиртное достать у спекулянтов. Там на возраст не смотрят, там о демократии другое представление. А если с водкой не получилось, вспоминают незатейливую химическую формулу «сок+дрожжи+сахар»... А милиции ведь наплевать, чем в подвале занимаются: спорят на тему «будет ли построен коммунизм» или водку хлещут... А... подростки... Марш по домам! Вот в таких условиях объединились ноябрьские «металлисты», человек сто, «трудных» там больше всего, потому что они самостоятельные ребята и наступательные... Сперва мы пошли в «Дорожник» к Марченко, места себе просить, а он...»

Пытался, Андрей, восстановить ту логику, что ускользнула из твоего неожиданно обиженного письма. Мало того, попытаюсь помочь тебе дальше. Оправдать не только твоё «металлическое» поведение, а в какой-то мере и му-

зыкальное пристрастие. Не зря заострял внимание читателей на пессимизме... Благодатная почва для той музыки, которая, по словам некоторых музыковедов, «дает образ сильной личности», компенсирует вялость жизненных позиций... Я видел металлолку. Летели на пол и вдребезги разбивались диски, как символ отрицания иных сентиментальных стилей, и на эти осколки впрыгивали ребята в суровом облачении, выстраивали свой танцевальный узор (шеренга «бас-гитаристов», строй «каристов», фаланга «молотобойцев»). Это было заразительно, честно говоря... Вдруг казалось, что жизнь вдали от усилительных колонок, от мигалок цветомузыки, от экрана со спроецированными на нем «крутыми» солистами из «Металлики», та жизнь — не реальность. А реальность — эта, простая, понятная и энергичная...

Но, Андрей, мне вдруг становилось обидно за тебя. А что если... если ты не найдешь другого способа нейтрализовать свой пессимизм, если минут «металлического» отдохновения тебе окажется достаточно для поддержки жизненного тонуса?

Макар Макарович Марченко в свое время тоже мог сказать: «А не разрезают! А не дают!» — и уйти в свое подполье, найти свое «отдохновение» (есть ведь у каждого поколения лазейки, убежища от жизни!). Но он сделал не так. Он отстаивал не только свои права, но и утверждал свои обязанности перед людьми. И от проблем не уходил.

Предвижу твоё возражение:

«...Кое-чего и мы добились. Пришли в горком, это уже после неудачного визита к Марченке, потребовали подвал. Там нас поддержали. Подвал выделили. Правда, стройматериал не дали пока, поэтому собираемся в баре... Тоже ведь надо было похлопотать. Это как называется — «права качали»? А может, обязанности? Обязанности друг перед другом, перед теми сверстниками, которые могли бы спиться, сесть в тюрьму, но пришли в «металл».

В этих словах — правда, Андрей, да не вся.

«Пробивание» и подвала, и бара несомненно энергоемкое занятие. Но оговорка про стройматериалы (мол, не дали досок, не замесили раствор, кирпич не подвезли — так и не укоряйте, что ремонт до сих пор не начат) — эта оговорка говорит не в вашу пользу, вносит в твой характер такую «паньковость», тебе не свойственную, а потому настораживающую... Расшифровывая в редакции свои ноябрьские блокноты, я никак не мог взять в толк одно речение Макара Макаровича: «На 1987 год одних театральных костюмов на 89 тысяч рублей закупили...» Выпадало оно из логики разговора и из логики директорского образа. Прямо Плюшкин заговорил, а не Макар Макарович... Но вспомнилась интонация, с которой вынес он на меня эту бухгалтерию: горькая ирония, исток которой там, во времени «культурных обществ» и «неотзывающихся клавиш пианино». Все стало на свои места. В том числе комментарий вашего «неудачного визита», о котором ты не стал распространяться.

МАРЧЕНКО: ...Пришли как-то «металлисты» ко мне. Шапок не сняли. Не поздоровались. Сразу: «Сделайте металлолку». — «Может, поздороваетесь?» — «А че с вами здороваться, вы к нам не прислушиваетесь...» Нет, я очень внимательно прислушиваюсь. Брейкеров, тех с распростертыми объятиями встретил, ну, не с распростертыми — так лояльно... Вижу ведь: ребята трудятся, над собой трудятся, но ведь это не всегда значит — для себя... Красиво к тому же. Рабочие смотрят их танец, отдыхают. А к «металлистам» прислушиваюсь — нет, не слышу ни сердца, ни работы ума... Может, музыка заглушает?

Потом Макар Макарович снова вспомнил о попугаях: — Один у меня в форточку сиганул, на простор его потянуло. Не допетрил, дуралей, что места здесь суровые и вести себя надо соответственно...

Теперь, Андрей, когда я вспоминаю тебя, «металлистов» Ноябрьска, сгустком проблемы, ее образным выражением мне видится тот храбрый попугайчик, ринувшийся отважно в пятидесятиградусный мороз и камнем рухнувший на снег.

Подростки Севера... Повстречайся я с вами в ваших родных городах — в Москве ли, в Киеве, в Свердловске, — наверное, и требования были бы чуть попроще, погладженнее. Но край, в котором вы оказались волей судьбы, диктовал отдачу, мобилизацию всех внутренних сил. Не на поиски рок-информации... Не на пробивание металло-тек... А хотя бы... Вспомним фразу, с которой встретил вас первый секретарь ГК ВЛКСМ Владимир Нуйкин: «Не до «металла» мне, ребята... Бетон волнует».

ГК ВЛКСМ жил в то время идеей силикатного бетона. В своем подвале вы не раз говорили о жилищной проблеме: не хватает квартир, люди живут в балках! Строительство затягивается, потому что стройматериалы везут с Большой земли. Комсомольцы города задумали решить эту проблему. Построить завод, который бы из песка (его вокруг видимо-невидимо) изготавливал силикатный бетон. После сооружения такого завода — организовать МЖК, чтобы молодежь имела квартиры.

Предложил ли кто из вас свою помощь здесь? Попытался ли настоять на своих обязанностях?

Вот ведь как все обернулось, Андрей: приходится бороться за труд, за то, чтобы было трудно. Борьба за обязанности — это единственно верный путь борьбы за права, за свою ПОДРОСТКОВУЮ ДЕМОКРАТИЮ.

Естественно, многого «подростку не положено». На то и «рост» — корнем в обозначении этого возраста. До того не вырос, до другого не подросток... Но нельзя же о ваших возможностях судить по минимуму! Нельзя же с такой грубой прикидкой разбросать этапы «демократического прибавления»: 14 лет, 16, 18... А акселерация? А индивидуальные особенности?

Один готов работать в тринадцать лет, другой и в семнадцать — Митрофанушка...

Выход? Одну из оригинальных идей я услышал впервые от ныне покойного, к сожалению, свердловского биолога Владимира Бочкова. Идея биологических паспортов. Упрощенно она выглядит так: наука в состоянии по начальным моментам физиопсихологического становления человека прогнозировать его дальнейшее развитие... Коль известен промежуток между рождением и, допустим, появлением первого молочного зуба, то нетрудно рассчитать возраст «первых шагов», полового созревания, возраст старения, наконец, поскольку между этими точками наблюдается определенная математическая закономерность, она в принципе легко выводится. Достаточно зафиксировать эту закономерность документально, и видно — кто может работать с 16 лет, кто — с 20, кому на пенсию в 45, кому — в 85... Идея, конечно, идеальна. Она предполагает и высокую степень «генетического прогноза», и внесения корректив социума, и многое-многое другое... А пока... Почему бы вместо того, чтобы определять «на глазок» возможности сколом целых поколений, воспользоваться тем же методом — «на глазок», но в отношении отдельных ребят...

Не при помощи комиссии по делам несовершеннолетних, а более просто, мобильно. Через комсомол, например. Ты знаешь, готовится проект Закона СССР о молодежи. Может, ваши предложения в этот проект станут первым этапом отстаивания своих обязанностей? А второй шаг... Работа в выбитом и заброшенном подвале? Какое-то приобщение к МЖК? Не знаю, Андрей, тебе виднее.

Я не случайно ожидал конфликта. Он случился. Негромкий, незаметный, но случился: когда Марченко и ты, Андрей, стояли друг против друга. Два человека, очень мне симпатичных... Два человека, волнующиеся о своих обязанностях, но понимающие их по-разному...

А с «металлом» так: наверное, ты имеешь право слушать любую музыку, Андрей, танцевать любые танцы, но как легче было бы защищать это право, если б твое обращение к Макару Макаровичу прозвучало бы чуть по-другому: «Хотим металлотеку в СВОБОДНОЕ ОТ РАБОТЫ ВРЕМЯ. После «напряженного труда мужского».

2. Ноябрьск

Виктор
КОЗЛОВ

КОНЦЕРТ В ТАЙГЕ

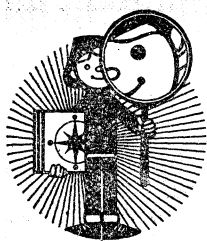
Нога на снег едва опустится —
оркестры скрипок голосят.
В тайге отличная акустика,
когда мороз под пятьдесят.
На темном небе, как отдушина,
курится сизая луна
и проливает прямо в души нам
свет леденящий из темна.
На спинах ватники куржавятся,
и обжигают нос очки,
но мне чертовски это нравится,
когда задорные смычки
скользят по струнам,
звук колышется
и замерзает под ногой...
По всей земле, наверно, слышатся
шаги идущего тайгой!

* * *

Вах разошелся!.. Но кажется, днями
он остановится... Жаль...
Платье березки в воде приподняли,
пробуют: «Не холодна ль?..»
Вах затопил все сора и дороги,
полнится полый водой.
«Ах, убежать бы, да белые ноги
держит, видать, водяной...»
Лодочных весел короткие взмахи.
Глуби слились с высотой...
Так бы и плыть мне по Ваху
и ахать —
вешней дивясь красотой..

ВОСХОД

Перемогли декабрь и вот
идет само собой
Ярилы вешнего восход
пурпурно-голубой.
Ему навстречу я готов
бежать пока есть дух,
взмывая снег из-под унтов,
как лебединый пух...
Искрится снежная пыльца
в лучах его косых —
с разгоряченного лица
смахну, как горсть росы...
Не бег, а словно бы полет
через кометный шлейф...
...Ярило высоко взойдет
и в небе ляжет в дрейф...
И будет день у нас тогда
под стать размаху дел —
пришла горячая страда
в полярный наш удел...

МИР

на лагони

Герои-полярники и свердловчане

Полвека назад, в феврале 1938 года, ледоколы «Таймыр» и «Мурман» сняли со льдины, вынесенной к берегам Гренландии, четверку отважных зимовщиков первой в мире советской дрейфующей станции «Северный полюс». Это были начальник станции И. Д. Папанин, гидробиолог П. П. Ширшов, геофизик - метеоролог Е. К. Федоров и радист Э. Т. Кренкель. За время девятимесячного дрейфа в суровых условиях Арктики они осуществили большую программу научных исследований.

Дважды Герой Советского Союза контр-адмирал Иван Дмитриевич Папанин оказал большую помощь уральцам в проведении недавней полярной экспедиции. Он первым встретил ее участников, когда они, пройдя на собачьих упряжках тысячи километров от Чукотки до Кольского полуострова, прибыли в Мурманск.

Герой Советского Союза Эрнст Теодорович Кренкель написал статью «Друзьям радио» к выпущенному Свердловским книжным издательством в 1960 году «Справочнику радиолюбителя». Справочник готовили специалисты Уральского политехнического института и Свердловского радиоклуба ДОСААФ. Председатель совета радиоклуба Константин Петрович Луценко был давним знакомым Э. Т. Кренкеля. Он ездил к нему в Москву, рассказал о работе над справочником и попросил написать вступление.

«Корифей нашей науки, — написал Э. Т. Кренкель, — тоже когда-то были мальчишками и многие из них начинали свой путь с радиолюбительства. Отсюда вывод, что всячески нужно поддерживать и развивать наше радиолюбительское движение.

Спасибо авторам за большой и полезный труд, а читателям справочника — в добрый путь, друзья! Желаю успехов. Э. Кренкель».

Б. КОЗУЛИН

Всесильные невидимки

Из почек тополя выделили биологически активные вещества — простагландины — ученые Сибирского технологического института (Красно-

ярск). Подтверждена смелая гипотеза о существовании этих универсальных биорегуляторов не только в клетках тканей человека и млекопитающих, но и растений.

30 лет назад впервые были получены простагландины. Оказалось, что эти вещества, названные тогда всесильными невидимками, регулируют кровяное давление, состав крови, препятствуют образованию тромбов. Инъекция этого гормона помогает человеку выжить даже в случае сильных повреждений черепа.

Поиск всесильных невидимок у растений ученые повели в почках — там, где идет воспроизводство новой живой ткани. Необходимо было овладеть тончайшей операцией по выделению простагландинов, которые в чистом виде быстро разлагаются. После многочисленных опытов ученые убедились: одни и те же вещества регулируют воспроизводство у животных и растений.

Выделив простагландины из почек тополя, а затем и лиственницы, исследователи установили общность основных тонких жизненных процессов в животном и растительном мире. Это открывает новые перспективы использования всесильных невидимок в практической медицине.

А. ОДИНЦОВ

Механизм-богатырь

В ПЕРМСКОМ РЕЧНОМ ПОРТУ ВВЕДЕН В СТРОЙ ПЕРВЫЙ В СТРАНЕ ГРЕЙФЕРНО-БУНКЕРНЫЙ ПЕРЕГРУЖАТЕЛЬ. ЭТОТ МЕХАНИЗМ СПОСОБЕН ПЕРЕРАБАТЫВАТЬ ПО 800 ТОНН СЫПУЧИХ ГРУЗОВ ЗА ОДИН ЧАС. ОН, ИНЫМИ СЛОВАМИ, ЗАМЕНИТ 4 ПОРТАЛЬНЫХ КРАНА. ГРУЗЫ ПО КАМЕ ПОТЕКУТ ЗНАЧИТЕЛЬНО БЫСТРЕЕ ПРЕЖНЕГО.

С. ПЕТРОВ

В бронзе и мраморе

Живописцам О. А. Кипренскому и В. А. Тропинину удалось написать портреты Александра Сергеевича Пушкина с натуры. А вот скульпторам, несмотря на их настойчивые просьбы, поэт позировать решительно

отказывался. Так, в одном из писем жене он сообщает, что московские скульпторы предлагают лепить его бюст. «Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности...»

Первые изображения поэта в гипсе, мраморе и бронзе появляются только после его смерти. Скульпторам И. П. Витали, С. И. Гальбергу, снявшему посмертную гипсовую маску с лица поэта, принадлежит слава первых ваятелей образа Пушкина, копии бюстов которого получили необыкновенную популярность среди современников поэта и вскоре стали большой редкостью.

Еще в 1837 году, в год смерти поэта, известным архитектором и скульптором А. И. Тереховым была отлита статуэтка Пушкина из чугуна.

На Каслинском заводе жанр портретной скульптуры зародился лишь в конце XIX века. И среди его первых шедевров были пушкинские бюсты работы Витали и Гальберга. Несколько позже каслинцы отливают еще один бюст поэта, созданный по модели И. Д. Канаева.

Чугунную Пушкиниану двадцатого столетия открывает миниатюрная копия знаменитого памятника А. С. Пушкину в Москве скульптора А. М. Опекушина.

К столетию до дня гибели поэта уральцы отлили памятную настенную медаль с барельефом (скульптор М. Маграчев, формовщик К. Трубинов).

Спустя полвека Каслинский завод выпустил повторную серию этой медали, но уже без даты, указывающей на столетие со дня смерти поэта.

В последующие годы каслинцы отлили подчасник «А. С. Пушкин» работы М. Цепелева, скульптурную композицию О. Комова «Белая ночь», композицию А. Просвирина «Пушкин в Болдино».

А. БЕЛЯЕВ

Передрыга на Печоре

Прямо-таки рыбацкая история, но бывалые люди не удивляются случившемуся.

Дело было на Печоре. Рыбаки тянули невод и вытянули почти двухметровую щуку (вес ее оказался 52 килограмма), из пасти которой торчал... собачий хвост.

А перед тем все видели пса по кличке Туман, переплывающего реку и внезапно исчезнувшего в воде.

Рыбаки, среди которых находился хозяин Тумана, быстро вскрыли брюхо рыбы, освободили пса. Тот пришел в себя... и набросился на обидчицу.

С. ИВАНОВ

И С Е Р Ь Ё З Н О Е И К У Р Ь Ё З Н О Е

Магнитометр и лопата

С помощью магнитометров сделано новое археологическое открытие в знаменитой Долине царей (Египет). Там, где 65 лет назад была раскопана неразграбленная гробница Тутанхамона, лишь теперь обнаружено еще одно крупное захоронение. Возраст его 3300 лет. Центральная камера новой гробницы просто огромна: длина, ширина и высота превышают тридцать метров. Потолок поддерживают 16 колонн. Предполагают, что в гробнице захоронены некоторые из многочисленных сыновей Рамсеса. Пока уточнить это невозможно: почти до самого верха камера в результате давних разрушений заполнена галькой.

Вершины престижной жизни

Пусть пристройка к собственному дому четы американцев Рейнов обошлась им в двадцать тысяч долларов, хотя никакой особой нужды в ней не было. Места семье хватало и прежде. Зато теперь детская комната в доме находится... за чертой города Хартфорда — в пригороде. А ведь это престижно! В пригороде живет так называемый «высший средний класс», и дети Рейнов могут отныне посещать соответствующую школу.

Расслоение американского общества приобретает особый контраст именно в зоне границ городов и пригородов. В пригородах живут миллионеры, другим туда не пробиться. Самое дорогое жилье — в нью-йоркском пригороде Сэдл-Ривер, где дом для одной семьи в среднем стоит более 725 тысяч долларов. Бывший президент США Никсон устроился в этом пригороде за миллион. В пригородах Эллайн, Оушн-Франк, Бельведер дома стоят не менее 600 тысяч долларов, и жители их чувствуют себя выше всей остальной Америки.

На сборке — гены

БЕЛЬГИЙСКИЕ МИКРОБИОЛОГИ ВЫДЕЛИЛИ ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД БЕЛКА, УБИВАЮЩЕГО ВРЕДИТЕЛЕЙ ТОМАТНЫХ И ТАБАЧНЫХ РАСТЕНИЙ. ЗАТЕМ ЕГО СОСТАВЛЯЮЩИЕ УДАЛОСЬ ВКЛЮЧИТЬ В ГЕНЕТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ САМИХ РАСТЕНИЙ.

ЕСЛИ ПРЕЖДЕ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ РАСТЕНИЙ ТРЕБОВАЛОСЬ ОПЫЛЕНИЕ ИХ БИОЛОГИ-

Чудеса природы. Скала «Величаяя».

Снимок В. Шумкова (Магадан).

ЧЕСКИМ ИНСЕКТИЦИДОМ, ТО ТЕПЕРЬ ОНИ САМИ ПРОИЗВОДЯТ БЕЛОК-ЯД (КСТАТИ, СОВЕРШЕННО БЕЗВРЕДНЫЙ ДЛЯ ЖИВОТНЫХ И ЧЕЛОВЕКА). ГУСЕНИЦЫ, ПИТАЮЩИЕСЯ ЛИСТВОЙ РАСТЕНИЙ, МОМЕНТАЛЬНО ПОЛУЧАЮТ СТОЙКОЕ «РАССТРОЙСТВО ЖЕЛУДКА» И ПОГИБАЮТ.

ПОДОБНАЯ ГЕНЕТИЧЕСКАЯ САМОЗАЩИТА СОЗДАНА ЧЕЛОВЕКОМ И ДЛЯ ТРОПИЧЕСКИХ ВОДОРΟΣЛЕЙ, НА КОТОРЫХ ЖИВУТ ЛИЧИНКИ МАЛЯРИЙНОГО КОМАРА.

ГЕННАЯ ИНЖЕНЕРИЯ БЫСТРО ПРОДВИГАЕТСЯ ВПЕРЕД.
В. ДАНИР

На солнечных моторах

По дорогам Швейцарии прокатилась, не израсходовав ни капли бензина, колонна в сотню автомобилей необычного вида. Их роднило одно — солнечные батареи на плоскостях широких корпусов. Электромобилисты уверенно преодолели путь в 400 километров.

А в Австралии, где солнца особенно много, состоялся прямо-таки фантастический по масштабам электроавтопробег. Хотя машин было только 25, они стартовали в северном городе Дарвине, чтобы финишировать

в южной Аделаиде, то есть на трассе протяженностью 3200 километров.

Напомним, что несколько лет назад австралиец Л. Перкинс и датчанин Х. Тольstrup без каких-либо поломок и отказов на своем электромоbile уже пересекали пятый континент. Им потребовалось на это чуть больше 170 ходовых часов (остановки на отдых в счет не шли).

Во всем мире энтузиастов экологически чистых видов транспорта прибывает, их успехи привлекают внимание специалистов.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Для рок-музыкантов

Десять лет и миллион фунтов стерлингов понадобились английским умельцам, чтобы создать гибрид электрогитары и синтезатора. Его назвали синтэкс. Инструмент имеет восемь компьютеров. Хотя на грифе синтэкса есть и струны, они не служат источником звука. Когда рука гитариста прикасается к ним, замыкается электрическая цепь... Новый инструмент позволяет воспроизводить практически любой звук — «от крика разъяренного носорога до плача ребенка», как пишут английские газеты.

В. ДАНИЛИН

И С Е Р Ь Ё З Н О Е И К У Р Ь Ё З Н О Е

Лягушка-бык и другие

Полутораметровый крокодил, весело раскрыв пасть, свисает с потолка. Другой, поменьше, «шагает» по телевизору. Сколько раз в передачах «Клуб путешественников» и «В мире животных» мы видели их. Но мало кому удавалось вот так, близко.

Вы уже, конечно, догадались, что речь идет о чучелах. В квартире оренбуржца Владимира Александровича Жидкова — зоологический музей.

Переступив порог гостиной, мы прежде всего обратили внимание на великолепную рыбу-шар. Шар более полуметра в диаметре блестит живым золотом, будто только что вынут из моря. Торчат иглы длиной в палец.

Не перестаем удивляться, рассматривая представителей незнакомой нам фауны. Вот краб с мощными клешнями.

— Такой однажды заставил меня кричать от боли, — вспоминает хозяин.

«Ползут» морские звезды. Они разные: большие и — другого вида — маленькие. Наподобие оленьих рогов красиво ветвятся белоснежные кораллы. А есть кораллы, похожие на листья с густой сеткой жилок. Между ними — две темно-коричневые рыбы. В раковину, изгнав хозяина, забрался рак-отшельник. Видны только его клешни. Украшением квартиры могла бы служить и одна раковина моллюска. А тут их много. Разной

величины и формы. Одни массивные, другие легкие, как пластмасса. Белорозовые и сиреневые, с пятнами и в крапинку.

Только двумя руками удается приподнять и приложить к уху самую красивую розовую раковину, чтобы услышать эхо морского прибоя.

Семья Жидкова дважды выезжала на остров Свободы. Владимир Александрович помогал кубинским друзьям готовить геологоразведчиков в Гаванском технологическом институте. Во второй раз он встретился со своими учениками в Варадеро в качестве главного инженера предприятия по бурению нефтяных и газовых скважин. Его жена Лидия Александровна работала там детским врачом.

— Красоту Карибского моря невозможно представить, не повидав, — делится Жидков. — В нашей коллекции более сотни разнообразнейших рыб, моллюсков, кораллов, представителей семейства крабовых. Но это лишь часть богатейшего подводного мира. Особенно восхищали рыбы. Подобного разнообразия красок и форм не увидишь у нас даже в аквариуме. Вот это — рыба-бабочка.

На столе лежит сигарообразная рыба длиной около двадцати сантиметров. Ее синеслюдяные плавники, крылья испещрены разноцветными пятнышками и черточками.

— В море она и другие обитатели, конечно, много красивее, — замечает Владимир Александрович. — Но то, что удалось отловить и сохранить, все же напоминает нам об экзотической природе Кубы.

Интересно подержать в руках хотя бы чучело самой древней в мире, обитающей только на Кубе щуки — манхуари. У «старушки» нет чешуи. Вся поверхность — сплошной панцирь. Нос подобен двум плоским дощечкам с вбитыми внутрь гвоздями.

Щука — редкость. Как, впрочем, и крокодилы. Это подарки советскому специалисту. Так же, как и грациозная угольно-черная ягуана — разновидность ящерицы. Так же, как громадная лягушка-бык, издающая вместо кваканья трубный звук. Взрослая особь весит, вероятно, больше пятисот граммов. Кубинцы употребляют их в пищу.

В небольших цехах при рыболовных хозяйствах, деревообрабатывающих и других предприятиях страны делают немало разнообразных чучел. Жидков посмотрел — как. И усовершенствовал метод. Кубинцам понравилась его чистая работа. Очень трудно или невозможно найти следы вмешательства в натуру.

Жидков пополнял свою коллек-

цию независимо от сезона. Ведь даже зимой Карибское море теплое. Температура не опускается ниже плюс двадцати градусов. Правда, кубинцы в это время не купаются, но он не теряет времени. Морской охоте и изготовлению чучел отец научил и своих сыновей Сашу и Юру. Сейчас они вместе трудятся над завершением экспозиции. Помогает им и Лидия Александровна. Ребята, попавшие на Кубу малышами, теперь студенты. Один пошел по стопам отца, другой изучает языки. И, может быть, оба усматривают в своих будущих специальностях возможность продолжения интернациональной эстафеты родителей...

На снимке: Владимир Александрович и Александр Жидковы с экспонатами домашнего музея.

М. КРАСНОВА

Несси неуволима

В первый раз люди «увидели» таинственного обитателя шотландского озера Лох-Несс 14 веков назад. Однако своей тайны Несси не открыла до сих пор.

Несколько месяцев назад охотники за чудом сделали попытку буквально прочесать озеро, используя одновременно два десятка катеров, глубинные приборы и прочие современные системы. Сонары помогли засечь в глубинах несколько крупных движущихся предметов. Три из них оказались девятиметровыми. Однако, как полагают исследователи, это могли быть и косяки рыбы. Выказано также предположение, что в озере чудом сохранилась давно истребленная человеком морская корова.

П. НИКОЛАЕВ

Как «срабатывает»

Чесси

Американская «родственница» знаменитой шотландской Несси — Чесси (этот мифический морской змей будто бы обитает в Чесапикском заливе на Восточном побережье) дает совершенно реальную пользу местным организациям, занимающимся охраной природы. Кто-то из деятелей догадался использовать изображение Чесси на плакатах и лозунгах. Один из них звучит так: «Не бросайте в воду ничего, что могло бы повредить мне и моим друзьям!» Мусора в заливе и на пляжах стало значительно меньше.

И С Е Р Ь Ё З Н О Е И К У Р Ь Ё З Н О Е

ПОДВИГ В КАМНЕ

ГЕНИЙ КУМАНОВ

В разные годы были изготовлены в Свердловском художественном профессионально-техническом училище № 42 композиции, посвященные Советской Армии и Военно-Морскому Флоту: «МАТРОСУ РЕВОЛЮЦИИ», «1918 ГОД», «ЖУРАВЛИ», «ДНЕВНИК КРАСНОАРМЕЙЦА», мозаичные панно «ПАРАД ПОБЕДЫ», «НИ ШАГУ НАЗАД», сувенир «ЮБИЛЕЙ СОВЕТСКОЙ АРМИИ» и другие.

Работа над произведениями искусства из камня требует большого мастерства, очень кропотлива. Например, для большой композиции «УРАЛ КУЕТ ПОБЕДУ» потребовалось более 500 различных кусочков камней. Много поработали учащиеся, чтобы изготовить мозаичные портреты Рихарда Зорге и Николая Кузнецова; последний портрет подбирался более чем из 300 пригнанных вплотную кусочков яшмы и обсидиана, внизу портрета — автограф легендарного разведчика. Из яшмы, обсидиана и мрамора изготовлена композиция «1945 ГОД».

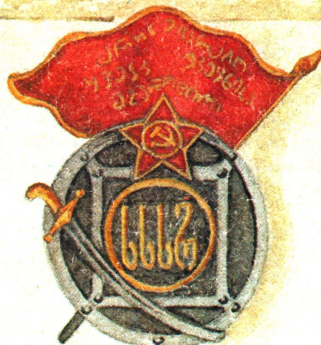
Хорошо решена объемная настольная композиция «1941—1945»: на подставке из листовника лежит разбитая немецкая каска с вонзенным в нее мечом. Как не вспомнить пророческие слова: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет». Интересен сувенир «ПОБЕДА»: на красной яшме — силуэт памятника Солдату-освободителю в Берлине. Работа «НАБАТ ПАМЯТИ» посвящена погибшим в фашистских застенках.

Многие из этих произведений выполнены под руководством старшего мастера, художника-камнереза В. Ю. Рысына — бывшего воина.

Фото Игоря Горячева

Ворошаев ПЕРВЫЕ БОЕВЫЕ НАГРАДЫ И НАГРУДНЫЕ ЗНАКИ КРАСНОЙ АРМИИ

ВЕРХНИЙ РЯД (слева направо).

Орден «Красное Знамя» Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. [Учрежден в 1918 году].

Орден «Красное Знамя» Азербайджанской Советской Социалистической Республики. [Учрежден в 1920 году].
Орден «Красное Знамя» Советской Социалистической Республики Армении. [Учрежден в 1922 году].

СРЕДНИЙ РЯД (слева направо).

Орден «Красное Знамя» Хорезмской Советской Социалистической Республики. [Учрежден в 1923 году].

Орден «Красное Знамя» Грузинской Советской Социалистической Республики. [Учрежден в 20-е годы].

НИЖНИЙ РЯД (слева направо).

Командирский знак об окончании Кавалерийской школы. 1919 год.

«Красная гвардия». 1919 год.
Нагрудный знак Красного командира. 1918 год.
«Честному воину Карельского фронта». 1922 год.